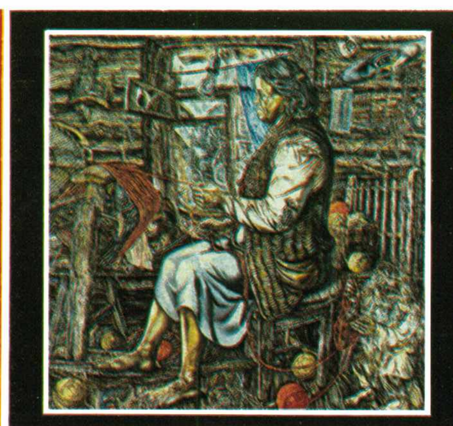
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 47 НОЯБРЬ 1987

СЧАСТЛИВЫЙ СОН

СМЕШНАЯ РАБОТА

ИЗ ДНЕВНИКА КООПЕРАТОРА

Академик Н. И. ВАВИЛОВ: «ПОЙДЕМ НА КОСТЕР, БУДЕМ ГОРЕТЬ, НО ОТ УБЕЖДЕНИЙ СВОИХ НЕ ОТКАЖЕМСЯ»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 47 (3148)

21—28 НОЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Академик Н. И. Вавилов.
Фото из архива Ю. Н. Вавилова.
Публикуется впервые.
(См. в номере очерк «Подвиг» и письма выдающегося ученого.)

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 251-89-83; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 30.10.87. Подписано к печати 17.11.87. А 00461. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2698. Заказ № 1448.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

Спецрейс самолета Ан-24 в Краснодаре не приняли — над Кубанью разыгрался ураган. И мы сели в Адлере. Музыканты зачехлили трубы. Торжество по случаю открытия Краснодарского филиала межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза», казалось, неумолимо откладывалось. Не будем описывать, как все же удалось — хоть и с опозданием — добраться в тот день до места назначения. Но в восьмом часу вечера генеральный директор МНТК С. Н. Федоров перерезал алую ленту и обратился к первым пациентам:

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Итак, вы почувствуете легкое прикосновение к роговице! Боли почти никакой. А утром неприятные ощущения исчезнут вообще. Зрение к тому времени уже значительно восстановится, затем станет прогрессировать. Предупреждаю: боксом и борьбой в первые две-три недели не заниматься!

Перед профессором стоял крепкого сложения семнадцатилетний парень, которому предстояло первым лечь на операционный конвейер объединенной московско-краснодарской бригады хирургов.

Через тридцать минут Александр Поддубный вышел из оперблока. И неторопливо ответил на мои вопросы:

— В этом году окончил школу. Хотел поступать в высшее военное авиационное училище. Отец у меня пилот вертолета. Но я даже не стал сдавать документы из-за близорукости... Сколько? Минус полтора. Знал, что не примут... А теперь не сомневаюсь, что все будет хорошо, буду поступать!

Закончив работу и отпустив последнюю больную, Святослав Николаевич

снял маску и, окинув взором операционную, воскликнул:

— Сказка!

И присвистнул! Это был еще один самый счастливый день в его жизни!

Накануне в Чебоксарах все было очень похожим — и операционные, и лаборатории, и оборудование. И торжества. И еще десять раз повторится все так же: в различных городах страны один за другим откроются филиалы МНТК! И в каждом будут ежегодно оперировать до двадцати тысяч человек, страдающих катарактой, глаукомой, близорукостью...

Чебоксарский филиал наверняка останется для Федорова особым среди двенадцати близнецов. Именно в этом городе почти тридцать лет назад он сделал первую имплантацию искусственного хрусталика школьнице Лене Петровой. Именно здесь технолог местного агрегатного завода Семен Яковлевич Мильман выточил для этой операции 20-миллиграммовый искусственный хрусталик. Первый!

Но именно сюда, в Чебоксары, полетел тогда из столицы грозный окрик авторитетов отечественной офтальмологии, не пожелавших или не сумевших посмотреть ясным взором на открытие доктора Федорова. И уехал он из Чувашии с тем, чтобы спустя четверть века вернуться. А мечтал он вовсе не о белом коне. Он думал о правде и об истине.

И вот они, плоды справедливости. На Чебоксарском агрегатном заводе изготовлен первый отечественный операционный конвейер. Заключен контракт с финскими строителями. В сказочно короткие сроки запущены два комплекса. Скоро начнут действовать еще два. И вскоре заработают все двенадцать филиалов.

Высочайший уровень техники, технологии и организации производства. И всему начало он — С. Н. Федоров.

В ЧЕБОКСАРЫ

Эти снимки сделаны в Чебоксарах и Краснодаре, где открылись филиалы МНТК «Микрохирургия глаза». Скоро их будет двенадцать, и тогда производительность «конвейера прозрения» возрастет до 300 тысяч операций в год.

1917 • 1987

САМА ЖИЗНЬ — ТОЛЬКО ЧТО ОТМЕЧЕННОЕ НАМИ 70-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ ЭТО ВНОВЬ ПОДТВЕРДИЛО — ТРЕБУЕТ СОЗДАНИЯ ЧЕСТНЫХ И МУЖЕСТВЕННЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА, РАСКРЫВАЮЩИХ ГЕРОИКУ СОБЫТИЙ И ИХ ДРАМАТИЗМ, ВСЕ, ЧЕМ НАПОЛНЕН СЛОЖНЫЙ И МНОГООБРАЗНЫЙ ПО СВОЕМУ СОДЕРЖАНИЮ ПУТЬ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ.

СРЕДИ ОТКЛИКОВ НА СТАТЬЮ ДМИТРИЯ ШЕЛЕСТОВА «ЭПОХА В ЛИЦАХ» («ОГОНЕК» № 42) В РЕДАКЦИЮ ПОСТУПИЛО НЕМАЛО ПИСЕМ С ПРОСЬБОЙ ПРОДОЛЖИТЬ ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПОД РУБРИКОЙ «1917—1987». МЫ РАЗДЕЛЯЕМ ВОЗРАСТАЮЩИЙ ИНТЕРЕС ЧИТАТЕЛЕЙ К ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ И НАМЕРЕНЫ В ДАЛЬНЕЙШЕМ ВЕСТИ В ЖУРНАЛЕ РАЗДЕЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЭПОХЕ РОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА. РАЗГОВОР О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ 1917—1920 ГОДОВ СЕГОДНЯ ПРОДОЛЖАЮТ ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ДМИТРИЙ ШЕЛЕСТОВ И ЖУРНАЛИСТ КОНСТАНТИН ЕЛЮТИН.

ПРОДВИЖЕНИЕ К ПРАВДЕ

— С большим интересом воспринят в нашей стране и за рубежом доклад М. С. Горбачева на торжественном заседании в Москве, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. «Октябрь и перестройка: революция продолжается» — этот документ имеет, по-видимому, программное значение и для историков советского общества?

— Доклад М. С. Горбачева, а также уроки истории, отмеченные в только что вышедшей его книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», ставят задачу углубления исследований истории Великого Октября, всех последующих периодов социалистического развития, в их числе двадцатых и тридцатых годов, которые заняли особое место в жизни Советского государства.

Мы вновь и вновь возвращаемся к истокам, стараемся как можно глубже осмыслить ту пору, когда начинало строиться первое в мире социалистическое общество. Доклад М. С. Горбачева дал глубокую характеристику семидесятилетнего пути развития страны, не замалчивая трудностей и драматизма эпохи. В нем, например, впервые ясно сказано о том, что в деле коллективизации сельского хозяйства было допущено отступление от ленинской политики по отношению к крестьянству. Административно-командная система, свойственная сталинскому руководству, вызвала серьезные перегибы в социалистическом преобразовании деревни.

Крупнейший после 1917 года социальный поворот, начавшийся в деревне на рубеже 20 — 30-х годов, дал новостройкам миллионы работников, вчерашних крестьян. Перечитайте роман А. Малышкина «Люди из захолустья» и увидите, как сложно вплетались тогда судьбы крестьянства в индустриализацию. Менялся и облик городского населения, увеличившегося с конца 20-х к исходу 30-х годов более чем в два раза. Такое массовое превращение крестьян в горожан имело немалые социальные последствия. Кстати, это, на мой взгляд, один из важных социальных штрихов, характеризующих обстановку, в которой утверждался культ Сталина, представления о нем, как о «хозяине».

— В докладе М. С. Горбачева отмечена противоречивость личности Сталина и сурово осужден его культ, как совершенно чуждый природе социализма. По каким направлениям ведут историки анализ этой проблемы?

— Чтобы понять процесс зарождения культа личности Сталина, нам, в частности, еще предстоит проанализировать положение в руководстве страной и партией после 1922 года.

— Обычно рубежным называют 1924 год...

— И правильно называют. Но это не исключает возможности анализа событий с 1922 года. В апреле того года И. В. Сталин стал Генеральным секретарем ЦК партии, а меньше чем через десять месяцев тяжелые приступы болезни, случившиеся 16 и 23 декабря, фактически устранили В. И. Ленина от непосредственного практического руководства страной и партией. Публикация в 1956 году его «Письма к съезду», открывающегося продиктованными им 23—25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года записями, направленными против угрозы раскола в руководстве ЦК и в которых предлагалось переместить Сталина с должности Генсека, сыграла немалую роль в развенчании культа личности. Однако в исследовательском плане их изучение в 60—70-е годы заглохло, но в последнее время они вновь привлекли внимание ученых.

— Давайте поговорим об этом подробнее, тем более, что «Письмо к съезду» упоминается и в докладе М. С. Горбачева.

— Только сразу договоримся вот о чем: вычленение отдельных событий из единого процесса развития всегда условно и в данном случае не должно заслонять значения всего комплекса последних работ В. И. Ленина (конец декабря 1922 года — начало марта 1923 года), составивших, по существу, его политическое завещание. Говоря только о названных записях, следует помнить: они лишь часть того, что успел продиктовать В. И. Ленин, преодолевая тяжелую болезнь.

Записи не сводятся только к вопросу о перемещении Сталина с поста Генсека, их содержание имеет более глубокое значение, отражает серьезнейшую проблему, привлекавшую неослабное внимание В. И. Ленина еще до его болезни.

В том теперь уже далеком 1922 году многонациональная 135-миллионная страна, преимущественно аграрная — едва ли не 84 процента ее населения жило в деревнях, кишлаках и аулах, делала первые шаги на пути нэпа, борьбы с голодом и разрухой. Возглавила борьбу народа за новую жизнь ленинская партия, насчитывавшая в своих рядах около 400 тысяч человек. В марте 1922 года, проанализировав ее состояние, В. И. Ленин указал в обращении к членам ЦК, что пролетарская политика партии в сложившихся к началу 20-х годов условиях определяется «громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией».

«Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое,— писал он далее,— и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него». Это положение представляется одним из исходных в понимании продиктованных Владимиром Ильичем девять месяцев спустя записей о положении в ЦК, причем продиктованных спешно (ведь никто не мог предугадать, как будет развиваться болезнь),— такое важное значение он придавал этому вопросу. К тому времени реальная опасность возникновения внутренней борьбы усилилась. Особенно это касалось отношений между двумя членами ЦК и Политбюро — Троцким с его чрезмерной самоуверенностью и увлечением чисто административной стороной дела и Сталиным, который уже в первые месяцы работы Генсеком сосредоточил в своих руках необъятную власть, что серьезно встревожило Ленина, так как у него не было уверенности, что Сталин сумеет всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью.

— Иногда в читательской почте встречаются утверждения, что будто бы Ленин называл того или другого соратника своим преемником...

— Никаких документальных подтверждений на этот счет не известно. Да и что значит «назначение преемника», на какую должность или пост? Высочайший авторитет В. И. Ленина был связан не с должностью, а с признанием массами основателя и руководителя большевистской партии своим подлинным вождем. Что касается должности, то В. И. Ленин был членом Политбюро ЦК РКП(б) и занимал не один, как обычно считают, а два государственных поста, объединенные его руководством,— Председателя Совнаркома и Председателя Совета Труда и Обороны (СТО). Оба эти органа после образования СССР стали с лета 1923 года союзными. Заместителями Председателя СНК и СТО СССР и РСФСР являлись Л. Б. Каменев, А. И. Рыков и А. Д. Цюрупа. После кончины Владимира Ильича руководство этими органами было, так сказать, разведено, Председателем СНК стал А. И. Рыков (до 1930 года), а Председателем СТО — Л. Б. Каменев (до 1926 года). В. И. Ленин оставил своим преемником большевистскую партию, ее старую гвардию, ЦК, обеспечение единства которых было, как теперь видно из «Письма к съезду», в числе его серьезнейших забот.

— Каков был тогда состав ЦК и его органов?

— Последний состав ЦК, образованный при участии В. И. Ленина и избранный XI съездом партии в апреле 1922 года, включал 27 членов и 19 кандидатов в члены ЦК. Все они имели дооктябрьский партийный стаж. 11 из них (В. И. Ленин, А. С. Бубнов, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий) были членами ЦК, избранного VI съездом в 1917 году. Вместе с тем в ЦК в двадцатые годы вошли выдвинувшиеся в послеоктябрьский период на партийной, государственной, военной и хозяйственной работе К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Г. Л. Пятаков, Я. Э. Рудзутак, М. П. Томский, М. В. Фрунзе, В. Я. Чубарь и другие.

К 1922 году определились и образуемые ЦК органы. Еще в 1919 году для решения политических проблем и вопросов, не терпящих отлагательства, было создано Политбюро ЦК, а для ведения всей организационной работы партии — Оргбюро ЦК. Тогда же впервые было принято положение о Секретариате ЦК. В следующем году IX съезд партии, сохранив за Оргбюро общее руководство организационной работой ЦК, передал в ведение Секретариата «текущие вопросы организационного и исполнительного характера».

До 1921 года в Политбюро ЦК входили В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, кандидатами в члены Политбюро были Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев и М. И. Калинин. В 1921 году вместо Н. Н. Крестинского избрали Г. Е. Зиновьева, а в число кандидатов — В. М. Молотова. Этот состав несколько расширился в 1923 году, когда в Политбюро ввели А. И. Рыкова и М. П. Томского и дополнили число кандидатов Я. Э. Рудзутаком.

Оргбюро ЦК (В. И. Ленин не входил в него) после каждого съезда заметно менялось по своему составу. Единственным членом ЦК, который с 1919 года постоянно участвовал в работе Оргбюро, был Сталин. В него входили и секретари ЦК, до 1924 года их было три, затем пять и больше. Апрельский пленум ЦК 1922 года ввел должность Генерального секретаря, им стал, как отмечалось, Сталин, остававшийся на этом посту до XIX съезда партии. Кроме него, наиболее длительное время (с 1921 по 1930 год) секретарем ЦК был Молотов.

— Значит, излагая в конце декабря 1922 года свою характеристику положения в ЦК, В. И. Ленин имел в виду состав руководства партией, сложившегося в начале 20-х годов?

— Конечно, ленинский документ конкретен. Подчеркнем, что он открывается предложением увеличить число членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Такая мера нужна, указал В. И. Ленин, «и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для

предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии». Этот первый раздел «Письма к съезду», записанный 23 декабря 1922 года, в тот же день был отправлен Сталину для Политбюро ЦК.

Следующий раздел, продиктованный 24 и 25 декабря, а также 4 января 1923 года и заключавший личные характеристики шести членов ЦК, был по требованию В. И. Ленина абсолютно и категорически секретным. Только после его смерти он подлежал доведению до сведения очередного партийного съезда.

Рассматривая вопрос об устойчивости, как гарантии от раскола партии, Владимир Ильич подчеркнул, что наибольшую опасность в этом представляют отношения между двумя, как отметил он, выдающимися вождями современного ЦК — Сталиным и Троцким и указал на негативные личные качества того и другого.

Затем В. И. Ленин напомнил, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева (будучи не согласны с решением ЦК о восстании, они выдали его планы, а затем, в ноябре 1917 года, вместе с некоторыми членами ЦК были сторонниками создания «коалиционного» правительства), конечно, не является случайностью, но что этот эпизод «также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». Из молодых членов ЦК Владимир Ильич выделил как самых выдающихся Бухарина и Пятакова, подчеркнув, однако, что, хотя первый из них «законно считается любимцем всей партии», «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским», а второй слишком увлекается администраторством, «чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». В письме, проникнутом заботой о сохранении единства партии, В. И. Ленин сосредоточил внимание на негативных сторонах деятельности шести указанных членов ЦК, но это никак не означало отстранение их от руководства партией и страной, в том числе и Сталина, которого он предлагал лишь переместить с поста Генсека.

— Следовательно, В. И. Ленин предвидел возможность, как он выразился, конфликтов внутри ЦК и был серьезно озабочен, чтобы сохранилось коллективное руководство, демократизм, свойственный партии, самой природе социализма?

— Именно это — одно из основных в ленинских записях. Из них следует, что Генеральный секретарь был призван совместно с ЦК и его органами обеспечить действительную коллективность руководства партией, развитие социалистической демократии в стране. Владимир Ильич считал, что на этом посту должен быть коммунист более терпимый, нежели Сталин, более лояльный, более вежливый и внимательный к товарищам, без administраторского увлечения и озлобления, обнаружившегося у Сталина, которое, как прозорливо подчеркнул Ленин, «вообще играет в политике обычно самую худую роль». Эта черта сталинского характера проявилась, в частности, и в вызвавшей возмущение Владимира Ильича безобразной выходке по отношению к Н. К. Крупской, которую Сталин грубо обругал, заподозрив, что она якобы вопреки запрещению врачей вела запись сказанного Лениным. Когда это стало известно Владимиру Ильичу, он продиктовал 5 марта 1923 года письмо Сталину (копии — Зиновьеву и Каменеву), потребовав извиниться и указав, что иначе порвет с ним отношения. На следующий день он попросил передать письмо адресату лично из рук в руки. Тогда же, 6 марта, началось резкое ухудшение здоровья Владимира Ильича, а четыре дня спустя новый приступ болезни привел к усилению паралича правой части тела и к потере речи.

— Это случилось за несколько недель до открытия XII съезда партии, на котором В. И. Ленин уже не смог присутствовать, и его «Письмо к съезду» осталось неизвестным?

— Не совсем так. Записи, в которых говорится о положении в руководстве ЦК, не исчерпывают, как отмечалось, содержания «Письма к съезду». Его отдельные части были в конце 1922—1923 годов переданы в ЦК, и содержащиеся в них указания Ленина реализовались в решениях партии, а ленинская запись «К вопросу о национальностях или об «автономизации» была оглашена в апреле 1923 года на XII партсъезде по делегациям.

— Так же, по делегациям, более чем через год, в мае 1924 года, были зачитаны на XIII съезде партии и записи В. И. Ленина, содержащие характеристики ряда членов ЦК?

— 18 мая 1924 года, за пять дней до открытия XIII съезда партии, они, как и ряд других материалов, были переданы Н. К. Крупской Комиссии по приему ленинских документов в лице Зиновьева, Каменева и Сталина, которые, напомню, наряду с Рыковым, Томским и Троцким, являлись членами Политбюро ЦК. На основе их сообщения о полученных документах В. И. Ленина пленум ЦК 21 мая 1924 года постановил: «Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат, и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича».

— Значит, чтение документа В. И. Ленина по делегациям проводилось Зиновьевым, Каменевым, Сталиным и съезд ограничился в данном вопросе только увеличением состава ЦК?

— Да, число членов ЦК было увеличено до 53, однако основу его составили члены ЦК, избранного на XI съезде партии, при участии В. И. Ленина. На первом пленуме этого ЦК, действовавшего в 1924—1925 годах, было образовано Политбюро ЦК из семи членов — Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, И. В. Сталина, М. П. Томского, Л. Д. Троцкого и шести кандидатов в члены — Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, В. М. Молотова, Я. Э. Рудзутака, Г. Я. Сокольникова, М. В. Фрунзе. На пленуме И. В. Сталин обратился с просьбой освободить его от обязанностей Генерального секретаря ЦК, что не было удовлетворено. Почему? Съезд, а затем и пленум ЦК, как можно заключить, исходили из того, что за время болезни Владимира Ильича в 1922-м — начале 1924 годов сложилось руководящее ядро, которое сделает выводы из ленинского «Письма к съезду», обеспечит коллективное руководство партией, так, как это завещал ее основатель и вождь.

— Но сегодня мы знаем, как непросто развивались последующие события...

— В том-то и дело, что совсем не просто и не однозначно. Еще в 1923 году, воспользовавшись болезнью В. И. Ленина, троцкисты предприняли попытку ревизии большевизма. Теперь, после XIII съезда РКП(б), Троцкий в точном соответствии с данной ему в «Письме к съезду» характеристикой выявил свои непомерные притязания на лидерство, предпринял попытку подменить ленинизм троцкизмом. Идейный разгром этого антиленинского течения раскрыт в нашей литературе, и нет нужды повторять ее выводы. Отметим только, что стремление к фракционности и виляния в политике Троцкого наложили отпечаток на всю последующую борьбу мнений, а его антиленинская, антибольшевистская позиция вольно или невольно как бы проецировалась затем на любое расхождение во взглядах.

Свою роль в обострении борьбы сыграли и личные качества Сталина, открыто гордившегося своей грубостью в борьбе с идейными противниками. Присущие ему воля и целеустремленность в сочетании с нетерпимостью и подозрительностью, другими негативными чертами делали его, однако, не просто грубым, а неоправданно жестким и даже, как показали последующие события, жестоким.

— По мере разгрома троцкизма рос и авторитет Сталина?

— Теперь многие привычно полагают, что Сталин был широко известен партии и стране чуть ли не с 1917 года. В действительности его личная известность примерно до 1923 года была относительно невелика и значительно уступала известности Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова и некоторых других видных тогда руководителей. Кстати, портрет Сталина, помещенный в 1923 году в «Огоньке», был, пожалуй, одним из первых напечатанных в массовых изданиях. Немногим более десяти лет спустя известный писатель Л. Фейхтвангер, приехав в СССР, уже увидел повсюду «портреты человека с усами», как он их назвал.

Рост авторитета Сталина происходил как бы исподволь. С укреплением на посту Генерального секретаря ЦК его активное участие в жизни страны становилось все более заметным. Публикация им в 1923—1924 годах наряду с Каменевым, Зиновьевым, Бухариным, другими видными партийными деятелями работ, направленных на разоблачение троцкизма, объективно служила ленинской политике строительства социализма. Это четко выявилось затем в преодолении в 1925 году «новой оппозиции» (Зиновьев, Каменев и др.), разгроме троцкистско-зиновьевского антипартийного блока 1926—1927 годов, ликвидации правого уклона в партии (Бухарин, Рыков, Томский) в конце 20-х годов. В ходе этой борьбы из Политбюро ЦК были выведены в 1926 году Зиновьев, Каменев и Троцкий, которого в 1929 году выслали из СССР. В том же, 1929-м, и в следующем, 1930 году от обязанностей членов Политбюро ЦК были освобождены Бухарин, Рыков и Томский.

— Не трудно заметить, что из семи членов Политбюро ЦК состава 1924—1925 годов в руководстве партии к началу 30-х годов остался только Сталин.

— Но это совсем не означает, что заслуга преодоления оппозиции и выработки курса социалистического строительства принадлежала лишь ему, как стало утверждаться в 30-е годы. Как не вспомнить последовательную борьбу с троцкизмом М. В. Фрунзе, безвременно умершего в октябре 1925 года, Ф. Э. Дзержинского, чье сердце перестало биться во время его стра-

Пленум ЦК РКП(б), избранного на XII съезде партии в 1923 году.

стной речи против оппозиции на заседании июльского пленума ЦК 1926 года. Немалую роль сыграли А. С. Бубнов, С. М. Киров, С. В. Косиор, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, П. П. Постышев, Я. Э. Рудзутак, В. Я. Чубарь, которые вместе с подавляющим большинством членов ЦК внесли вклад в коллективную разработку партией плана построения социализма в СССР.

На партийных съездах второй половины 20-х годов вопреки заявлениям оппозиции (в частности, Каменева, Зиновьева, Сокольникова) о сосредоточении власти Сталиным постоянно отмечался коллективный характер руководства партией и страной, что соответствовало действительности. Вместе с тем уже на XIV съезде ВКП(б) (1925 г.) Ворошилов заявил, что Сталин является «главным членом Политбюро ЦК», а четыре года спустя, в 1929 году опубликовал статью «Сталин и Красная Армия», сыгравшую немалую роль в распространении угодного Сталину искажения истории советского общества, завершенного выходом «Истории ВКП(б). Краткий курс» (1938 год). Приняв активное участие в разоблачении троцкистской концепции «двух вождей» партии, Сталин затем своеобразно воспользовался ею, способствуя насаждению представлений, что именно он вместе с Лениным стоял у истоков Октября, является организатором и руководителем всех побед советского народа.

— Но что же, ленинское «Письмо к съезду», в том числе и указания на серьезные недостатки Сталина, так и забылись после 1924 года?

— Нет, к этому документу обращались в ходе развернувшейся внутрипартийной борьбы. Последний раз это сделал XV съезд ВКП(б), по его решению записи Ленина напечатали в одном из съездовских бюллетеней и затем должны были опубликовать в Ленинском сборнике, что, однако, не было исполнено. Иначе и не могло случиться, такая публикация противоречила культу Сталина, исподволь складывавшемуся в напряженной атмосфере, созданной в партии фракционной борьбой Троцкого и вступившей с ним в блок «новой оппозицией» Зиновьева и Каменева.

Их октябрьский эпизод, отмеченный в «Письме к съезду», оказался не случайным. Выступив в 1923—1924 годах вместе с партией против троцкизма, они затем сблокировались с Троцким. Руководящее ядро партии, сложившееся во время болезни В. И. Ленина и сохранявшееся в первые месяцы после его кончины, распалось. Беспринципная борьба за власть не могла не нанести удар по старой партийной гвардии, расшатывала ее авторитет, все более сужала возможность воздействия на решение вопросов — случилось именно то, чего опасался В. И. Ленин в 1922 году. В такой обстановке внешне незаметно утверждалась авторитарная власть Сталина, происходил его отход от ленинских принципов коллективного руководства.

«Старые разногласия,— отметил в своем докладе М. С. Горбачев,— имевшие место еще при жизни Ленина, дали о себе знать и в новой обстановке, причем в очень острой форме. О возможности такой опасности, как известно, предупреждал Ленин. В «Письме к съезду» он подчеркивал, что «это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение». Так во многом и получилось».

Сама жизнь — только что отмеченное нами 70-летие Великого Октября это вновь подтвердило — требует создания честных и мужественных работ по истории советского общества, раскрывающих героику событий и их драматизм, все, чем наполнен сложный и многообразный по своему содержанию путь первопроходцев, вектором которого на всех его этапах был социализм.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЗНАМЕНИТОСТИ ● КЛУБ ДРУЗЕЙ ЖУРНАЛА ● БЕЗЛИМИТНЫЙ БУЛГАКОВ? ●

■

Зарубежные фильмы в нашей прессе, как правило, принято ругать. Особенно достается тем, которые не доходят до рядового зрителя...

При заданной направленности критики в любой иностранной кинокартине можно отыскать «зацепки» если не в социальном плане (автор приукрашивает — или недостаточно раскрывает — жизнь простых людей), то в кредо режиссера (поддался соблазну сработать коммерческий фильм, погнался за дешевым успехом у невзыскательной публики)... Если в «неудобном» фильме участвуют популярные артисты или звучит прекрасная музыка известного композитора (как это произошло, например, с «Доктором Живаго»), то они, конечно, попались на удочку (продюсера, владельцев кинокомпании, финансовых заправил, замаскированных реакционных кругов и т. д.). Наконец, можно просто заявить, что фильм беспомощен или чужд нашим взглядам (поди проверь), даже невзирая на то, что он получил несколько «Оскаров» (бывало и такое). Случается, однако, и так, что фильм хвалят, но все равно широкой публике не показывают...

Это я вот к чему. В № 37 «Огонька» вы предпослали монологу выдающейся английской актрисы Ванессы Редгрейв пространный перечень фильмов, в которых она снималась. Но что может дать такое перечисление «обыкновенному» читателю? Ведь, если я не ошибаюсь, ни одна из названных картин в Советском Союзе по линии кинопроката не демонстрировалась. И в нашей стране знают эту обаятельную актрису скорее как общественную деятельницу, чем как человека искусства.

Знаменитый фильм М. Антониони «Блоу-Ап» («Увеличение»), в котором играла Ванесса Редгрейв, мне удалось посмотреть в переполненном каирском кинотеатре «Метро» около 20 лет назад. До сих пор для меня остается загадкой, чем этот фильм, о котором, кстати, нашими критиками исписаны кипы бумаги, встревожил в свое время закупочную комиссию Госкино... Неужели «сработал» мимолетный эпизод, в котором героиня фильма обнажает свой бюст?

Многие из перечисленных «Огоньком» картин, на мой взгляд, можно вполне причислить к киноклассике, а она, как известно, не устаревает. Так, может быть, по прошествии двух десятков лет со времени рождения фильмы эти станут доступнее?

**Г. ПУШКАРЕВ,
конструктор,
Свердловск**

■

5 октября в бакалейном отделе гастронома гостиницы «Украина» неискушенный покупатель расхватывал невиданный товар — детское питание производства Бельгии. Шикарная упаковка, яркие картинки, английский текст сразу бросались в глаза. Я тоже купила несколько банок для своего десятимесячного ребенка. Дома совершенно случайно (не каждый может расшифровать английскую аббревиатуру) стало ясно, что срок годности питания для грудных детей истек месяц назад. Я поехала в магазин вернуть покупку.

Заведующая отделом долго отказывалась возвращать деньги, показывала бумагу, подписанную представителем санэпидстанции (не бельгийской), лихо продлевающую срок еще на полгода. Но потом призналась, что негодный товар распорядился реализовать «Росинвалюгторг», грозя увольнением со службы за отказ. Казалось бы, все ясно. Питание год лежало в «Березке», продано не было, и «Росинвалюгторг» решил получить хотя бы рубли. Ответственный работник «Росинвалюгторга» Л. Н. Корягина ответила моему мужу по телефону так: посылали запрос в Бельгию, и какой-то тамошний дядя позволил нашим младенцам пользоваться питанием еще полгода. Кроме того, Министерством здравоохранения РСФСР был сделан химический анализ, который показал, что содержание банки не испорчено...

Солидная аргументация! Только непонятно, почему бельгийцы учитывают даже день в хранении (на банках стоит 3, 5 и 9 сентября), почему питание не осталось в «Березке», раз уж им можно пользоваться, почему товарищ Корягина на вопрос, стала бы она давать это питание своему ребенку, промолчала. И еще. Не руководствуются ли наши ответработники таким лозунгом: «Советские дети — самые некапризные дети в мире, а советские взрослые — самые доверчивые»?

**Е. В. АНТОНОВА
Москва.**

■

Вчера я прочитала вашу статью «Падчерицы большого города». За последние два года стали писать о лимитчиках. Раньше их как бы не было. Я сама была год лимитчицей. В середине семидесятых, в Ленинграде. Грузчиком на кожзаводе. Кожу на тележке развозила. Там асфальт мягкий, колесо застрянет — тянешь-тянешь, а вытащить не можешь. Мужиков попросишь — когда помогут, а когда и пошлют. Все время спать очень хотелось. Жила в Купчино, а работала на Васильевском. В метро старалась устроиться там, где перекладина с правой стороны. Подложишь шапку или перчатки под щеку и спишь еще минут двадцать. Иногда вместо обеда спала прямо на коже, когда уставала очень. У нас еще два перерыва были по 10 минут, потому что работа тяжелая.

...Учиться очень хотелось. Придешь на подготовительные и лицо под холодную воду, чтобы не заснуть.

А люди на заводе всякие были. По 5—7 лет ждали «постоянки». Коренных ленинградцев там не было. Только лимитчики. Много из Псковской области. Магазин на углу Косой и Кожевенной так и звали «скобарским». Детей внебрачных много было. У некоторых даже по двое. Кто-то приехал поступать, не поступил, а дальше пошло-поехало. Осуждать здесь невозможно.

Однажды к нам операторы приехали. Какой-то документальный фильм снимать. Двух человек (посимпатичнее) нарядили в новые комбинезоны. Каталь катает кожу, а обрезчица, улыбаясь, обрезает. А в жизни у симпатичной обрезчицы болят порезанные руки.

Это был какой-то совсем другой город. Город в городе. Знают ли ленинградцы об этом другом городе?

Когда в университет поступила, то все никак привыкнуть не могла: мата нет, в пять утра каждый день вставать не надо, ноги не болят.

К чему я вам все это пишу? А вот к чему: сейчас «лимит» вроде отменили, хотя бы в Москве, а вдруг когда-то вновь появится экономическая необходимость и его «временно» введут? «Лимит» должен умереть навсегда! Люди не могут, не имеют права годами жить в нечеловеческих условиях.

Спасибо вам за статью.

**Г. ПОНОМАРЕВА
Тарту.**

■

В № 38 журнала «Огонек» есть рассказ об Ахматовой. Как хорошо, что эти главы были раньше запрещены и как плохо, что их все-таки напечатали! Ведь гласность все же должна сочетаться с умом, в противном случае немало «наломают дров». Сейчас поясню, к чему я веду. Общеизвестно, что в настоящее время женский алкоголизм в численном отношении приближается к мужскому, а пьянство женщин много опаснее для общества, чем пьянство мужчин. Алкоголизм всегда начинается с употребления не бутылки, а рюмки спиртного. И пословица есть: «Река начинается с ручейка, а пьянство — с рюмочки».

Ахматова для многих кумир, уважаемая женщина (для меня после прочтения вашей статьи уважаемая в прошлом). Кумирам подражают, одобряют их поступки А как оказалось, этот кумир любил «распить бутылочку» да еще и «водочку» любила. Вот это кумир! На двух женщин распили бутылку вина (одно выражение «распили» чего стоит!). И ничего себе доза! Да еще и обе курили. Вот вам и пример, и образец. Таково «воспитательное» значение этой статьи. А потом все будем ахать, и охать, и удивляться, что наши девушки (будущие матери) курят и спиваются. Думаю, дальнейшие комментарии к вашей публикации об Ахматовой не требуются.

**МЕЛКОЗЕРОВА Тамара Дмитриевна
Ленинград.**

■

Как часто новое название города внедрялось волевым методом, часто из конъюнктурных соображений. Но что можно было противопоставить чиновничьему решению, разве только кулуарное ворчание? А печать вообще этой темы избегала.

Совершенно справедливо подняла общественность нашей республики вопрос о возвращении на карту страны древнего названия Булгары.

То же хочется сказать и о городе Набережные Челны, о его удивительно поэтическом названии. Возвращение древнего названия, знаю, будет принято в городе как праздник!

В нашем городе есть улица Жданова. Да и не только у нас, этим именем названы колхозы, клубы, районы и т. д. Но именно Жданов был одним из тех политических деятелей, кото-

рые способствовали появлению культа личности Сталина, одним из апологетов культа. В каждом выступлении Жданова — чиновничье чинопочитание «великого вождя и учителя, вдохновителя всех наших побед».

А печальной памяти постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград»! Честное слово, стыдно цитировать сохранившиеся стенограммы докладов Жданова по этому поводу на собрании партийного актива Ленинграда в 1946 году.

Неоправданно много было жертв — в первую же очередь гибли те, кто пытался хоть как-то противостоять атмосфере, порожденной Сталиным. Сейчас история возвращает их имена.

Напомню, что А. А. Жданов, будучи секретарем ЦК ВКП(б) и занимаясь идеологическими вопросами, в первую очередь делит ответственность за прошлое с «отцом народов».

Так хотите ли вы жить на улице Жданова?

Я-нет.

Л. ЛЮБОВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств Тат. АССР
Казань.

■

Каковы гарантии нынешних преобразований в области демократизации — вот вопрос. Ведь и из прошлого, и из настоящего отчетливо видно, что наша внутренняя политика подвергается публичной критике уже после того, как «дрова наломаны» и предстоит большая работа по разбору завалов. Где социальные гарантии, что не повторится печальной памяти опыт прошлого: ведь повторялся он не один раз? Остается надеяться только на мудрость руководства, которое будет избавляться от всякого рода подхалимов и пресмыкателей. Речь идет, по-моему, о серьезной болезни хронического характера. Не видеть этого — значит желать болеть нашей стране и впредь.

Прекрасно, что с марта 1985 года во главе нашего государства такой человек, как М. С. Горбачев. Но ведь могло быть и иначе.

Пока не поздно, необходимо создать политический механизм, делающий демократизацию необратимой. А для начала предлагаю вынести на обсуждение в печати такую тему: «Социальные гарантии необратимости демократических преобразований в стране». Желательно было бы познакомиться с мнением людей, профессионально занимающихся этими вопросами. Для этого им, конечно, потребуется определенное мужество.

М. КАТАЕВ
Ленинград.

■

Мне 32 года, интересоваться литературой и собирать библиотеку начал после 20. Словом, типичное дитя эпохи «книжного дефицита», другую, увы, не застал.

Госкомиздат сообщает о миллионах подписавшихся на А. С. Пушкина и В. В. Маяковского, обещают неограниченную подписку еще на нескольких классиков (разумеется, прошлого века). Есть и современники — А. Н. Толстой, А. Т. Твардовский. А если мне ближе Анненский? Блок? Мандельштам? Пастернак? Булгаков? Ахматова? Цветаева? Трифонов? Платонов? Пильняк? Но ведь за меня все решено. Работники Госкомиздата сетуют на отсутствие бумаги (при наших-то потерях леса), на несовершенство оборудования. А все ведь просто: в литературе и книгоиздании профессионалы — писатели и издатели. Чиновник же никогда не влезет в шкуру читателя. Максимум, на что он способен,— это цыкнуть: читай то, что читаю я (или считаю достойным чтения). Пока существуют жесткие планы выпуска книжной макулатуры, где хорошие книги скорее исключение из правила, дефицит останется. Пока некий деятель, глядя в потолок, диктует издателю, что и каким тиражом издать через два-три года, дефицит останется. Пока писатель получает гонорар за непроданные книги, дефицит останется. Пока издатель не может прогореть, выпуская хлам, дефицит останется.

Что делать? А вот что. На мой взгляд, издатель должен сам решать, что издавать. Издательства должны стать хозрасчетными. Планы издательств должны приниматься на год и иметь гибкий характер. И, что крайне важно, иметь хорошую прессу, причем опросы общественного мнения должны реально на эти планы влиять (тут не обойтись без социологов). Но это все прожекты. Что делать сейчас, сегодня? Создать комиссию для подготовки издания того, что перво-наперво необходимо. Пусть в нее войдут наши лучшие писатели, руководители издательств, историки, философы, социологи. Решить, какие авторы самые «дефицитные» (нелепо звучит, не правда ли?). Опубликовать планы безлимитных изданий. Будет масса откликов. Учесть их. Все это осуществимо не только на бумаге. Первый список не будет слишком обширен, ведь при наличии истинного выбора тиражи значительно сократятся. Книжный голод, инспирированный бюрократами, обесценивает книгу, превращая ее в дорогостоящую безделушку. Чтобы читать, нужно тратить время и душевную энергию. Чтобы иметь, нужно тратить денежные знаки. В этом вся разница.

Б. З. СУСЛОВИЧ,
научный сотрудник
Днепропетровск.

■

С удовольствием сообщаем, что при Дворце культуры и спорта профсоюзов Ставрополя организуется «Клуб друзей журнала «Огонек».

Основу работы клуба будут составлять дискуссии по публикациям журнала. В настоящее время формируется актив клуба. Предполагается, что «Клуб друзей журнала «Огонек» будет работать еженедельно по субботам.

Если вам известны подобные клубы в других городах страны, просим сообщить их адреса.

В. СОЛОДСКИХ,
зав. сектором клубов и любительских объединений ДКСП
Ставрополя

■

Прочитав статью «О чем шумите вы?» («Огонек» № 21) и обзор писем, вызванных этой публикацией (№ 28), остро почувствовала, что выступающие на заседаниях «Памяти» возмущаются нашими безобразиями искренне и сильно. Но при чем тут «народ-богоносец», «вы такой скромный, как **все русские** люди» и тому подобное самовозвеличивание?

А вот, оказывается, при чем. Все дело, по мнению многих выступавших, в «пятой графе». Если ты русский, с тебя и взятки гладки, сколько бы безобразий ты ни натворил, ибо тебя заманивают, растлевают «масоны и сионисты».

Но как же они расплодились на нашей земле? Да кто они вообще такие? С. Д. Березин простодушно переводит сие на русский язык: евреи. «Вы (то есть редакция «Огонька». — **И. Щ.**) дали высказать свои мысли Д. Разеру (кстати, думаю, еврею)»,— негодует он.

И вот что мне думается. Уж не оппозиция ли перестройке выдвинула своим заступником Д. Васильева и его единомышленников?

Известный прием: «Хотите, дорогие граждане, найти ответчиков за свои беды, ищите «инородцев», «чужаков». Найти не найдете, зато от нас отстанете».

«Выявляйте продажных журналистов и расправляйтесь с ними!.. Родина в опасности!.. Мужество каждый день!..» — призывают активисты «Памяти».

Тупик. Национальное высокомерие и унижение достоинства другой нации всегда приводят в тупик.

А мужество, к которому призывает «Память», нужно как раз тем, кто позволяет себе не соглашаться с Д. Васильевым и его коллегами-подстрекателями, ибо последние не прочь перейти от угроз к делу.

ЩЕРБАКОВА Ирина Леонидовна,
не принадлежу к журналистам, масонам и сионистам, русская
Казань.

■

За описанные вами привилегии («И никаких проблем», № 36) держатся обеими руками тысячи людей. Привилегии эти меняют психологию, они возвышают их обладателей в собственном сознании, часто делают черствыми, бездушными и слепыми.

Если Большой Начальник постоит в очереди к участковому врачу в рядовой поликлинике часика 2—3, а тот его за 5 минут полечит, если на протезирование зубов он постоит в очереди 2—3 года, в больнице полежит в коридоре, а лекарств нужных не будет, если он в туристскую поездку по стране поедет по нашей профсоюзной путевке, там поест дурнопахнущих котлет с неизменным рисом, в туалет настоится в очереди, а обещанных благ и половины не получит за свои деньги, если он попробует отремонтировать свою машину без связей и взяток, если из прачечной получит рваный пододеяльник, а новую простыню у него украдут, если его жена станет носить сапоги, которые есть в свободной продаже... Вот тогда здесь можно ждать перемен!

Понимаю, что всех в столовую Моссовета не запустишь, понимаю, что в обеденный перерыв свои сотрудники должны быстро и спокойно пообедать. Но не понимаю, почему там должно быть вкуснее и, главное, дешевле?! Пусть всюду будет вкусно и дешево! Даже на трикотажной фабрике или в проектном институте. Тогда не понадобится и конспирация, про которую вы пишете.

Н. НИКОЛАЕВА
Ленинград.

■

С гневом и возмущением узнал из воспоминаний Евгении Таратуты, опубликованных в «Огоньке» (№ 40), о трагической судьбе романа Василия Гроссмана, о том, как у него изъяли все экземпляры рукописи до последнего листочка и даже копирку...

Горькие строки. Но не пора ли перейти к более четким формулировкам, не время ли **все** договаривать до конца? Кто отдал приказ отобрать у писателя рукописи — его детище, то, во что были вложены последние силы? На чьей совести клеймо этого беспрецедентного варварства, совершенного в самый разгар оттепели?

Кто виноват? Инопланетяне, агенты международного империализма, масоны?

Как такое могло произойти?

Предлагаю Союзу писателей потребовать у соответствующих органов открытого расследования этого преступления. Необходимо предать гласности подробности гнусного беззакония, назвать имена виновных.

Четверть века прошло... Поздно? Нет, не поздно! А если и поздно — все равно: лучше, чем никогда.

Виктор ЮХТ,
кандидат филологических наук
Харьков.

■

В № 40 вы опубликовали письмо жителя г. Оха Сахалинской области о пограничных зонах. Очень правильно: неоправданных трудностей создано много.

Мой сын — моряк, и увидеться с ним можно только во время стоянки судна во Владивостоке. Недавно он получил отпуск и стал оформлять мне вызов. Оказалось, однако, что он не имеет права вызвать к себе кого бы то ни было, так как в паспорте у него место прописки — адрес организации, где он работает, а живет он на судне. Пришлось ему просить знакомых, которые имеют постоянный адрес. Но и это не все: выяснилось, что по этому вызову билетов до Владивостока не продают! Нужно на основании вызова получить в горотделе милиции разрешение на поездку. Являюсь в горотдел. А там эти разрешения выдают не каждый день да и только в рабочее время. Отпрашиваюсь с работы и снова туда. Работница, ведающая этими «визами», велела написать заявление с просьбой о выдаче разрешения и заполнить анкету: домашний адрес; дата рождения; место рождения; место работы; должность; где будете жить во Владивостоке; с какой целью едете, на какой срок и т. д. Как будто если я шпион, то так и напишу: мол, направляюсь с целью сбора разведанных.

Итак, отдал я все бумаги, думая, что уж сейчас-то она выдаст наконец мне разрешение. А она спрашивает: «Когда вы собираетесь ехать?» Я: «Через два дня». Она: «Что вы! Оформление идет две недели». Я так и ахнул. Отпуска-то ни у сына, ни у меня уже почти не останется к тому времени. Все мои мольбы успеха не имели. Все-таки пришел я к ней не через 14, а через 12 дней. «Почему так рано?— она говорит.— Да вон ваши документы лежат, я их еще и не трогала. Завтра только понесу начальнику на подпись».

Спрашивается: зачем такой срок, если вся проверка сводится к росчерку какого-то начальника? И вообще зачем эти все препятствия людям? Считаю, что это местное бюрократическое издевательство.

Написал и подумал: а вдруг, если письмо опубликуют, я окажусь «недостоин» того, чтобы съездить к сыну в следующий раз? Ведь когда столько бумаг, придраться можно к чему угодно...

Все-таки подписываюсь своим полным именем. Хватит бояться бюрократов!

СТРИЖАК Владимир Архипович,
инженер
Свердловск.

Наш адрес:
101456
Москва,
Бумажный проезд, 14.

Павел ВОЛИН

МОЕ ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ ВЕНГРИИ

Окончание.

Начало см. в № 46.

БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ

Чтобы представить себе фон, на котором происходят социальные процессы и по-разному складываются судьбы, немного об уровне благосостояния в стране. Как живут венгры? Когда однажды я заметил Миклошу, что цены в магазинах довольно высокие, хотя и действительно все есть, он удивленно вскинул брови:

— В каком смысле высокие? По отношению к чему? Средний заработок шесть тысяч форинтов в месяц. Согласитесь, немало.

— А реальная зарплата? Падает?

— Падала. Как раз до второго этапа реформы. Но уже с 1985 года снова росла.

Добавлю: реальные доходы — зарплата вместе с дополнительным заработком и выплатами из общественных фондов — увеличились еще больше. Только за один и тот же год, с восемьдесят четвертого по восемьдесят пятый, почти на восемь процентов.

— Но,— продолжает Миклош,— деньги деньгами, а одними купюрами, как говорится, жив не будешь, надо еще, чтобы на что было потратить. Так вот, я вам скажу: как бы о реформе ни спорили, а два ее безусловных достижения признают все. Даже самые ярые противники. Первое — страна, прежде импортировавшая продукты, стала крупным их экспортером, а второе — насыщение рынка потребительскими товарами. Если вы спросите у людей, что лучше: нынешние доходы и обилие товаров или побольше денег при пустых полках? — все, не задумываясь, выберут первое.

Он немного помолчал. Вздохнул:

— Самая острая для нас проблема — жилье. С начала реформы быстро росло государственное жилищное строительство, но во второй половине семидесятых годов — первой половине восьмидесятых, опять, как видите, в период приостановки реформы, вынуждены были его сократить. Положение и сейчас трудное, хотя, считаю, лучше, чем в СССР, Польше, Румынии, Болгарии, однако хуже, чем в ГДР, Чехословакии и особенно в Австрии. Называю Австрию потому, что у нас не перестают сравнивать с тем, что там. И исторически мы связаны, и ездят туда венгры много. Конечно, видят и наши преимущества, например, нет безработицы, хотя угроза ее в будущем не исключена, но не могут не заметить и другого: скажем, у нас надо гораздо больше поработать, чтобы купить «Ладу» или «шкоду», чем австрийцу той же профессии, желающему приобрести машину западной марки. В конце двадцатого века автомобиль уже не предмет роскоши — необходимость. Так же, как, естественно, и благоустроенное жилье.

Тут я должен сделать небольшое разъяснение, чтобы читатель верно оценил ситуацию. Дело в том, что в Венгрии и у нас понятие жилищной проблемы различается. У нас, как всем известно, поставлена задача: к 2000 году каждой семье отдельную квартиру. Там так вопрос не стоит: коммуналок в ВНР нет. В чем же тогда острота?

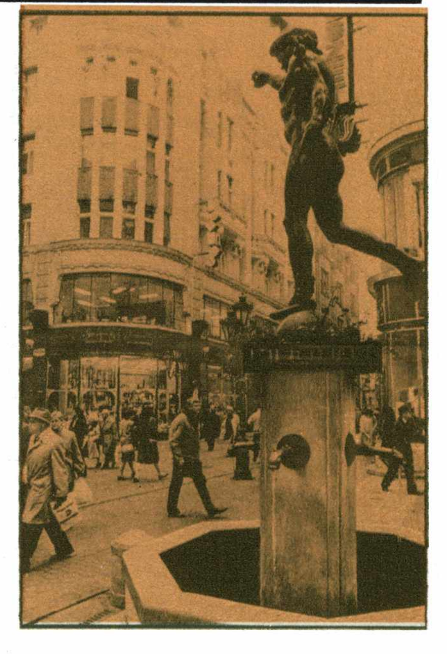
Значительная часть домов, в основном старых, не имеет элементарных удобств (водопровода и канализации), не говоря уже о магистральном газе, к которому даже новостройки подключают далеко не все. А люди хотят жить удобнее, пользоваться современным комфортом. Да и на слишком большой простор в квартирах не «пожалуешься»: отдельную комнату имеет не каждый. Значит, надо расширяться, тем более образуются новые семьи... Строят же недостаточно. Да и то в основном на собственные деньги трудящихся. За прошлую пятилетку на средства государства введено менее четверти жилья, в 1985 году — менее восемнадцати процентов. Остальное за счет новоселов. А стоит это недешево. В 1984 году один «квадрат» обошелся более чем в десять с половиной тысяч форинтов. (Более свежих данных у меня нет, но, полагаю, теперь еще дороже — стоимость строительства растет.) Средняя общая площадь построенной в 1985 году квартиры 79 метров. Больше восьмисот сорока тысяч форинтов! Хорошо, если в семье работают хотя бы двое, а если один? Конечно, можно взять кредит, подавляющее большинство застройщиков так и поступает, но ведь его надо вернуть...

О том, как живут в стране, некоторое представление, помимо внешних, «уличных» впечатлений, дает статистика. Вот что говорит она: на сто домашних хозяйств в ВНР холодильников — 100, стиральных машин — 96, легковых автомобилей — 34, велосипедов — 113, радиоприемников — 157, телевизоров — 108, магнитофонов — 49 и т. д. Много это или мало? Все познается в сравнении. Одни страны Венгрию обогнали, другие до нее недотянули.

Для нашего читателя, естественно, первый вопрос, который приходит в голову: а по сравнению с нами? Сопоставление пока не в нашу пользу. Сравним опять-таки на 100 семей: холодильников — 91, стиральных машин — 70, автомобилей — 16, велосипедов (вместе с мопедами) — 55, радиоприемников — 96, телевизоров — 97, магнитофонов — 37...

Однако не будем забывать, к показателям статистики надо относиться осторожно, с известной долей скепсиса, их нельзя воспринимать столь же прямолинейно, сколь холодно-безучастны сами цифры. Они, как говорится, «вне политики». Мы же не можем отрешиться от их реального содержания. Подсчет «в общем и целом» не рисует полной и многомерной картины жизни общества. И более-то радужные цифры не знаменуют всеобщего благоденствия. Сто процентов, даже полтораста еще вовсе не означают: у всех. В одной семье могут быть два холодильника, три радиоприемника, в другой — ни того, ни другого. Наука, которая «знает все», дает лишь самое общее представление об уровне благосостояния. В целом он в Венгрии, несомненно, растет. Но живут там по-разному.

— И не может быть по-иному! — убеждал меня Миклош.— Разница в доходах должна быть. Непременно. Иначе о какой материальной заинтересованности в лучшей работе, об инициативе, предприимчивости можно говорить? Нельзя добиваться одного, не признавая другого. Прекрасную идею об экономическом равенстве некоторые у нас усвоили слишком рано, они полагают, что это должно быть уже сегодня. Глубокое заблуждение! Сегодня наш принцип — по способностям и трудовому вкладу. Каждый должен иметь возможность заработать и купить, что хочет. Равенство шансов должно быть — вот что!

И тут перед моим мысленным взором Миклош... раздваивается. Я уже вижу не одного, а двух и даже больше Миклошей... Мы ведь условились — помните? — он фигура собирательная, выражает общее мнение тех, с кем я встречался. Однако ситуацию с шансами мои собеседники оценивали поразному. Однозначно выразить их мнение трудно, свести к единому невозможно. Одни с сожалением признавались: шансы выравнять пока тоже не удалось, неодинаковые у людей возможности заработать: и способности разные, и квалификация, и здоровье. Кроме того, у кого-то уже есть деньги, а у кого-то их нет. «Ну и что? — спокойно пожимали плечами другие.— Если у человека есть деньги, пусть вкладывает в дело, да побыстрей! Остальным от этого только польза — увеличится количество товаров или услуг. А раз их станет больше, значит, будут дешевле, выиграют малоимущие. И коль скоро накопления, выражаясь языком политэкономии, пошли не на потребление владельца, а в расширение производства, то есть служат обществу, разве оно не должно вознаградить владельца? Иначе опять же никакого стимула».

«Разные» Миклоши вновь сошлись в одном:

— Знаете, что я вам скажу: это все же гораздо лучше и справедливее, чем привилегии государственным чиновникам. Разве продукты в закрытом магазине, особая столовая, государственная дача, служебная машина и прочие блага — не те же дополнительные деньги? Только в завуалированной форме. А тут все открыто, на глазах.

И уж в чем мои собеседники были совершенно единодушны, это то, что нередко возникает своего рода оптический обман: если много в кармане денег, значит, жулик, нечестный.

«Единый» Миклош размышлял вслух:

— Совсем необязательно. В частном производстве трудятся, как правило, и больше, и напряженнее. А кроме того, разве предприимчивость, затраты «серого вещества», нервов, смекалка, наконец, риск не должны оплачиваться? Конечно, встречаются и нечестные люди, случаются и подкуп, и коррупция, но это уже дело уголовной полиции.

Каковы все же в Венгрии крайние цвета социального спектра? Что такое там самые богатые и бедные? О первых Миклош сказал так:

— Это довольно узкий круг, хотя с возобновлением реформы он немного расширился. И, кроме того, раньше не все замечали, жизнь принадлежащих к нему людей не так бросалась в глаза, они не швыряли деньгами на виду у всех. К этому кругу относится высшая прослойка технической и художественной интеллигенции, например, крупные изобретатели, знаменитые артисты. Ну и, конечно, частные предприниматели, притом не все, а лишь те, кто имеет особенно хорошую голову. Иногда слишком высокий доход можно объяснить недостаточной еще развитостью нашего рынка, находчивый предприниматель этим пользуется. Если появляется товар, которого не хватает, его владелец, естественно, получает сверхприбыль. Чем больше у него будет конкурентов — со стороны таких же частников или со стороны государства,— тем быстрее и заметнее цены опустятся, и сверхприбыль сократится. По имущественному положению этот круг приближается к тому среднему слою, который у нас был при капитализме. Но, конечно, теперь здесь не аккумулируются такие материальные средства, как тогда.

— Не противоречит ли это социализму?

— До определенной степени, считаю, нет. Прежде всего потому, что в огромном большинстве случаев за этим работа, полезная обществу.

А кто же бедные?

Их две четко очерченные группы, разнящиеся тем, что одни не хотят, а другие не могут жить лучше. Первых Миклош охарактеризовал коротко, но метко: работают ровно столько, чтобы добраться до ближайшей корчмы. Есть и такие в Венгрии. А где их нет?

Вторая группа, безусловно, достойна лучшей участи и, по словам Миклоша, вызывает серьезную озабоченность государства. Однако сделать для них больше, чем делается сейчас, оно пока не в силах. Это в первую очередь старики, которым пенсия установлена давно: ее повышение не поспевало за ростом цен. Хотя... Как и все в мире, бедность эта тоже относительная. Минимальный размер пенсий 2500 форинтов, на наши деньги около ста сорока

рублей. Много это или мало? Как сказать... Особенно, учитывая цены, не разгуляешься, но, как говорится, прожить можно.

К бедным же — может, лишь не в такой степени, как давние пенсионеры,— относятся и многодетные семьи (не только расходы выше, но кто-то из взрослых часто вынужден сидеть с детьми — лишь седьмая часть детей до двух лет принята в ясли), больные... Словом. те. кто не в силах, как у нас говорят, подзаработать. Зато те, кто в силах...

— Нигде не трудятся так много, как у нас,— считает Миклош.— Чтобы жить хорошо, надо работать сверх обычного времени. Вторая экономика включает в себя пятьсот — шестьсот тысяч человек, имеющих дополнительный заработок. Это самая трудолюбивая и активная часть населения.

Заработать, кроме зарплаты, в Венгрии есть где. Можно войти (если примут!) в «трудовое товарищество» на своем же предприятии (нечто вроде наших подрядных бригад, но только работающих сверхурочно), или отдать свободное время частной мастерской, кооперативу, или совмещать работу в общественном секторе с индивидуальной трудовой деятельностью... Да мало ли! Миклош рассказал: ответственный работник Госплана, выйдя на пенсию, пошел в истопники. Это ни у кого не вызвало ни осуждения, ни насмешки. Так же, как никого не удивило, когда Эрнё Рубик (изобретатель знаменитого кубика) создал небольшой кооператив (пятнадцать членов) «по техническому развитию». Каждый делает то, на что способен.

А еще у многих горожан сад, огород, с которых урожай идет не только на собственный стол, но и на рынок. Словом, если человек хочет приработать и ему позволяют силы, он всегда найдет место приложения своих рук, знаний, ума и таланта.

— Наше министерство финансов никогда не ставило палки в колеса тем, кто стремится больше заработать,— сказал Миклош.— Для него важно одно — чтобы заработок соответствовал труду.

Итак, не все в состоянии прирабатывать, в то время как другие живут с явными излишествами. Четко выраженные полюса богатства и бедности. Не гуманно ли сблизить разные цвета социального спектра? Сделать так, чтобы у одних доходы не были чрезмерными, другие же не испытывали нужду? Что думает Миклош?

— Гуманно, конечно. Однако социализм, я уже говорил, не означает ни равного для всех богатства, ни тем более всеобщей бедности. Разница в условиях жизни должна быть, хотя бы как стимул к более энергичной и предприимчивой работе. Но — об этом мы тоже говорили — до определенной степени.

Я улыбнулся.

— Определенная степень это так неопределенно...

— До степени,— продолжал Миклош, не обратив внимания на мой каламбур и не принимая шутливого тона,— отвечающей нашему пониманию разумности и нравственности. Для этого вводятся новые принципы налогообложения.

— Не опасаетесь, что кто-то постарается скрыть доходы, увильнуть от уплаты, обойти закон?

— Нужен надежный, эффективный контроль, исключающий какие-либо неточности, ошибки, обман. Для этого необходимо увеличить число контролеров.

— Сколько их сейчас?

— Три тысячи. Нужно же по крайней мере вдвое больше.

— А нравственная атмосфера? Не считаете, что с введением такого порядка она заметно испортится? Найдутся наверняка люди излишне подозрительные, а то и просто любители подглядывать за другими, писать доносы. Знаете, как иной про себя рассуждает: оттого, что у соседа корова пала, прибытка мне никакого, а все равно приятно. Зависть! Как это портит общественные нравы! Недоверие, подозрительность... На такой почве нередко возникают драматические коллизии.

— Вот чтобы избежать подобных ошибок — случайных и преднамеренных — необходим тщательный, действенный контроль. Мы постараемся создать такой. А нравственная атмосфера... Думаю, ничто не может оказать более благотворного влияния на нее, чем справедливое и гуманное распределение в обществе материальных благ.

ИНАЯ СТЕПЕНЬ СВОБОДЫ

Отдельные будапештские улицы, так называемые «торговые», пестрят витринами и стендами частных мастерских, пошивочных ателье и т. п. Рекламой обклеены подъезды, подворотни... Одни «визитные карточки» ярки, броски, другие примитивны и убоги. Когда видишь их сразу много, в скоплении, может создаться впечатление, что предпринимательством заняты... чуть ли не все! Кто ж тогда на заводах, фабриках, в учреждениях? Снова оптический обман... Мелких товаропроизводителей и собственников-торговцев какая-нибудь пара сотен тысяч на всю страну. Это из пяти-то миллионов работающих! Несколько процентов.

У основной массы работающего населения надежды на лучшую жизнь,— а она и есть конечная цель народного государства, ради этого-то и проводятся экономические преобразования — связана в первую очередь со своим трудовым коллективом. От результатов его деятельности, от полученной прибыли зависит главным образом достаток работника.

...На заводе аппаратуры связи БХГ, проходя мимо приемной генерального директора, я заметил приколотую на дверях бумажку с несколькими словами и стрелкой. Мне перевели: генерального директора нет, обращаться в соседнюю комнату к исполняющему его обязанности заместителю. Генеральный, как объяснили, недавно назначен заместителем Председателя Совета Министров, на его место объявлен конкурс. Подали заявления десять человек: четверо с завода, шестеро со стороны. Совет предприятия сейчас обсуждает кандидатуры, видимо, оставит две-три и пошлет их на утверждение в министерство. Там, прежде чем дать добро, согласуют с партийными органами... «Что ж,— подумал я,— ничего особенного. Все как обычно».

Сами по себе выборы директоров в Венгрии меня ничем особенным не поразили. Ну, не переизбрали пятнадцать прежних (трое все же прошли по второму кругу), так из 269! Ну, прокатили двух членов ЦК. Не в том дело. Выборы есть выборы. (Разумеется, когда имеется из кого выбирать; если количество кандидатов совпадает с числом избираемых, то какие же это выборы? Практически все выдвинутые и проходят.) Мы, хотя и намного позже начали, а уже в чем-то «переплюнули» венгров. Давно ли у нас еще бригадиров на заводах назначали?

Венграм, чтобы прийти к сегодняшним выборам, понадобилось после начала реформы полтора десятка лет. Главное мне увиделось не в самой их процедуре, а в том, на что они опираются, что за этим стоит.

В 1980 году три промышленных министерства слили в одно (число их служащих сразу же уменьшилось в два с половиной раза: 20 процентов сокращенных на пенсию, 10—15 на другую административную или научную работу, остальные на производство). Штаб индустрии страны уместился в здании заводоуправления завода «Ганц-электрик», но так и не успел занять. Однако мало реорганизовать. Понадобился еще не один год, чтобы новое министерство, по словам Миклоша, сумело преодолеть старые тенденции, отказаться от привычных методов руководства. И вот в 1984 году было принято, на мой взгляд, чрезвычайно важное, быть может, в какой-то степени даже историческое, решение: передать от министерства самим предприятиям полномочия распоряжаться своим имуществом. Нет, нет, никакого подрыва основ социализма не произошло. Собственность на средства производства так и осталась государственной. Только теперь коллектив предприятия, то есть непосредственный производитель, получив часть прав собственника, обрел совсем иную, не сравнимую с прежней самостоятельность. Иная, если угодно, степень свободы! А значит, и иные возможности вести дело.

«Распорядитель имущества, права собственника, самостоятельность... Все это, допустим, хорошо, но при чем здесь выборы директора? — спросит нетерпеливый читатель.— Какая связь?» Самая непосредственная. Прямая! Ибо только теперь избранный советом предприятия директор обрел подлинную независимость от вышестоящей инстанции.

Известно, платит тот, кто заказывает музыку. А платит — не только в переносном, в буквальном смысле — совет предприятия: он определяет и зарплату директора. Словом, настоящий хозяин. Работодатель!

Но... В случае чего директору и ссылаться не на кого! Министерство сказало так, министерство сказало иначе... Ничего не скажет! Не вправе! В условиях сильнейшего влияния рынка это заставляет «поворачиваться». Настойчиво искать новые пути и возможности роста, идти на смелые шаги. Рисковать! Не случайно я так часто слышал в деловых кругах Венгрии: сегодня рискует тот, кто не рискует. А иначе можешь не оправдать надежды коллектива. Люди видят, как работают на других предприятиях: сколько получают, какие там условия, каковы перспективы. И неизбежно сравнивают с тем, что у себя. И задумываются...

Назначением директора деятельность совета, состоящего наполовину из выбранных коллективом представителей (в этом и выражается самоуправление), а наполовину из назначенных по должности руководителей служб (чем обеспечивается компетентность), не ограничивается. Он утверждает производственные и финансовые планы, распоряжается материальными средствами, устанавливает структуру и численность предприятия, отдельных его подразделений, разрешает или отказывает директору в разного рода реорганизациях и т. д. Тут нет шаблона, однако не допускается и митинговой анархии. Установлен твердый регламент, по которому свобода действий руководителя достаточно широка, хотя не беспредельна. В крупнейшем машиностроительном объединении «Раба», например, он может, никого не спрашивая, проводить преобразования, касающиеся не более пятисот человек. Свыше — требуется согласие совета.

Но что же тогда остается министерству промышленности? Может быть, оно вообще не нужно?

— Нужно,— убежденно ответил Миклош.

— Для чего?

— Оно составляет и помогает реализовать различные национальные, то есть имеющие общегосударственное значение, программы. Например, экономии сырья, роботизации, биотехнологии, компьютеризации планирования и так далее.

— Но все это может быть практически осуществлено только на предприятиях, не в безвоздушном же пространстве! А вмешиваться в их дела министерство не вправе, навязать что-либо не в силах...

— В этом все и дело. Программы должны заинтересовать сами предприятия. Быть им выгодны, сулить выигрыш. Иначе кому они нужны?

— Допустим, программа такова. И тогда?

— Тогда между министерством и предприятиями возникают чисто партнерские отношения.

— Что это значит? Объясните.

— Министерство предлагает специалистов, дает консультации, оказывает и другую помощь. В том числе, если необходимо, материальную и финансовую. Не всем, конечно, на всех денег не хватит, а тем в первую очередь, от кого можно ждать скорейшей и большей отдачи. Видите, тоже приоритет эффективным производствам.

— Ну, а планирование? Опять-таки в государственном масштабе?

— Министерство получает планы предприятий, суммирует, смотрит, насколько они отвечают потребностям внутреннего и внешнего рынка. Если превышают — забота самих предприятий: им продавать свою продукцию, чтобы извлечь прибыль.

— А если не хватает?

— Тогда начинаются переговоры с тем или иным предприятием: при каких условиях оно готово увеличить производство? Министерство выясняет, что само должно сделать для этого, старается воздействовать на интересы коллектива. Например, по договоренности с Минфином может предоставить льготы в уплате налогов.

Миклош на секунду примолк, задумался и продолжал:

— Правда, и нынешнее планирование вызывает у нас все больше сомнений и споров.

— В чем, если не секрет?

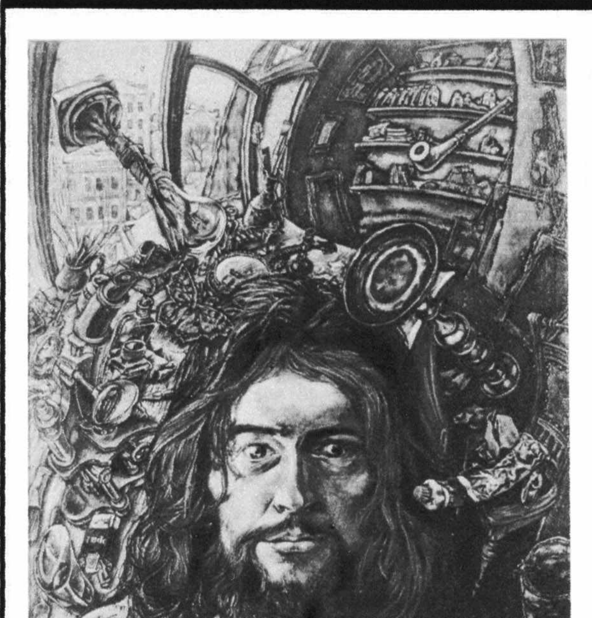
— Какой секрет... Зачем вгонять предприятия в жесткие годовые и пятилетние планы? К такому-то числу, в такой-то декаде, в таком-то месяце... Ну, скажите, зачем? Какая в конце концов разница, сделают 31 декабря или 2 января? А из-за этого в начале года, или квартала, или месяца часто не дают совсем. Простои, перебои, неразбериха... А потом заваливают продукцией, которую не знаешь, куда девать. Снова потери. А возьмите легкую промышленность. Разве можно предугадать, как изменится мода через пять лет? Возьмите энергетику — достаточно ли окажется энергии, предусмотренной планами на пятилетку? А мы ведь и на десять, и на пятнадцать лет вперед решаем!

— Что же, по-вашему, вообще не планировать? По воле волн плыть?

— Зачем по воле волн? Наметили какую-то акцию, давайте составим программу ее осуществления, а будет ли она закончена к такому-то дню — какое это имеет значение?

Наверно, не бесспорна мысль, высказанная Миклошем, не так просто отказаться от того, что внедрялось в наше сознание десятилетиями, вошло в нашу плоть и кровь, однако в самой идее планировать не по жестким срокам, а по конкретным делам, действиям и результатам — так я понял его — что-то, согласитесь, есть. Во всяком случае, вполне предмет для размышлений.

Это высказывание примечательно, на мой взгляд, не только своим конкретным смыслом. Оно, мне показалось, наглядно иллюстрирует общественную атмосферу в стране, характерную своей поисковой направленностью. Все время смотреть вперед, находить новое... Те, с кем я встречался, не скрывали обеспокоенности не решенными пока проблемами. Даже высказывали, одни в большей степени, другие в меньшей, тревогу по поводу тех или иных трудностей, которые есть и в экономике, и в социальной сфере. Но, несмотря ни на что, они верят в успех начатого дела и продолжающихся преобразований, полны надежд на будущее. Двадцатилетний непростой путь реформы, неизбежная борьба, сопровождающая этот процесс, мне показалось, только закалили их и прибавили решимости добиться поставленных целей. Это и стало для меня вторым открытием Венгрии.

М. РОМАДИН.
АВТОПОРТРЕТ.
1975 г.

Юрий ОСИПОВ

СЧАСТЛИВЫЙ СОН

ихаил Ромадин рано ощутил бремя фамилии. Его отец, Николай Ромадин, выдающийся пейзажист, академик и народный художник СССР, тонкий и вдохновенный лирик, воспевший природу средней полосы России, был человеком твердых, устоявшихся взглядов, сторонником строгой реалистической манеры в живописи. Отец любил сына и мечтал придать его рано проявившимся художественным дарованиям традиционное направление, иными словами — обрести в нем продолжение собственной жизни в искусстве. А Ромадин-младший с юношеских лет предпочитал идти самостоятельно.

Творческая жизнь начиналась бурно и формировала в нем своеобычный, бескомпромиссный характер. Судьба подарила ему счастье общения с яркими талантами, незаурядными личностями.

Дружбой Андрея Тарковского, сыгравшего особую роль в его жизни, Ромадин дорожил необычайно. Они вместе учились во ВГИКе, но их объединяло не только это. Эскизы и макет удивительного летательного аппарата в фильме «Андрей Рублев» создал Мих. Ромадин. Позднее Тарковский доверил ему «Солярис» уже в качестве художника-постановщика. Сюжет С. Лема в предельно визуальном, пронизанном остросовременными ощущениями философском осмыслении — ответственный экзамен, который у столь взыскательного мастера, как А. Тарковский, художник картины выдержал. Думается, фантастический реализм Ромадина-живописца отчасти уходит своими корнями в «Солярис». Нелишне напомнить, что Тарковский сам много занимался живописью и был исключительно чуток к изобразительной стороне каждой своей ленты. Сегодня и «Солярис», и «Сталкер» поражают нас пророчеством. Причастность к этому Ромадина-младшего очевидна.

Короче, ему есть на что оглянуться.

Однако, обращаясь к прошлому, он превращает его в настоящее. Лица друзей юности, товарищей по искусству переполняют ромадинские полотна, вытеснившие постепенно все остальные увлечения, кроме графики. Сохранился, правда, с тех лет интерес к литературе. Когда-то с Геннадием Шпаликовым он даже придумал сюжеты двух сценариев, которые, к сожалению, не осуществились. Поэтичность Шпаликова оказала на Ромадина большое влияние, побудила попробовать осмыслить действительность в слове. Так появились у него первые драматургические опыты. Но самое главное — шпаликовский опыт военного детства зазвучит затем в полотнах Ромадина пронзительной антивоенной нотой.

В живописи же литературные сюжеты его не волнуют. Не очень любит он выступать и в качестве иллюстратора, хотя серии ромадинских рисунков к детским книжкам охотно берут на выставки, отмечают премиями и дипломами. Литература для Ромадина — универсальное средство постижения человеческой души, способ получения эмоциональной информации, наконец, источник насыщения мыслями и образами. И только! «В живописи основное — живопись»,— говорит он.

К большому огорчению, Ромадин-живописец разделил участь целой плеяды наших самобытных художников. Его плохо знают дома. И ведь не упрекнешь в недостатке энергии. Он упорно старается пробиться на отечественные выставки, использует любой шанс показать свои вещи широкой публике. Не пренебрегает и малыми залами, возит картины по отдаленным районам, не чурается стен библиотек и рабочих общежитий. Он по-настоящему демократичен и хочет, чтобы зритель понял его. Но все это дается невероятным трудом, огромной тратой нервов и сил. И вот результат. На Родине различные учреждения культуры, в том числе и Третьяковская галерея, приобрели всего четыре ромадинских полотна, к тому же, как считает автор, далеко не лучшие. А известные коллекционеры и музейные собрания за рубежом купили через экспортный салон, то есть с немалым доходом для государства, около двадцати пяти произведений Мих. Ромадина. И среди них наиболее значительные — «Битва», «Осенние листья», «Большой джем-сейшн».

Ромадинские выставки живописи и графики пользовались неизменным успехом в Чехословакии, Югославии, Италии, Англии, США, Японии. У нас же о нем продолжают по традиции упоминать как о художнике кино и театра. Серьезные искусствоведы не удостаивают пока Ромадина вниманием.

Быть может, предвижу я вопрос читателей, он способен дать своему народу лишь валютные отчисления?

Попробуем разобраться.

Колористическая свежесть «Осенних листьев», таинственная «Жизнь болота», исполненное народной поэзии и в то же время философское полотно «Колодец» наряду со многими другими произведениями художника, такими, скажем, как «Трава», украшающее ныне музей в США, наглядно свидетельствуют: ромадинский отцовский корень в сыне не зачах. Любовь все та же, но взгляд иной. И этот иной, современный взгляд вовсе не отрицает традиции, он просто требует своей формы, вполне, впрочем, реалистичной.

Стоит заметить ради справедливости: некоторые кадры «Сталкера» и «Ностальгии» А. Тарковского перекликаются с этими полотнами. Я не вижу необходимости разбирать, что первично, а что вторично. Каждому — свое.

Вот «Горящий элечек» (элечек — головной убор киргизской замужней женщины). Ранняя работа эта некогда привела в восхищение Тарковского, посвятившего ей статью в журнале «Кругозор», и, к счастью, не продана за границу. «Замысел картины в высшей степени традиционен,— писал режиссер.— Композиция не открывает для нас новых живописных аспектов... Но не торопитесь с выводами!.. Элечек вспыхивает... Возникает напряжение, которое заключается в контрасте между пламенем, окутавшим головной убор девушки, и ее бесконечно спокойным, бесстрастным взглядом, руками, сложенными без движения на коленях. И это чудо происходит, как только художник вступает с собой в борьбу против собственной ограниченности концепций, без которых в то же время невозможно творчество».

Увы, с ромадинским портретом самого Тарковского нам едва ли удастся когда-нибудь познакомиться воочию. Он давным-давно приобретен зарубежным собранием. Здесь уже приглушенная коричневатая гамма «Горящего элечека» сменяется слепящими багрово-белыми тонами. Свет колеблющийся, неровный, перемещается волнами, помогая проявить суть характера героя, очерчивая пеструю мозаику предметного мира его увлечений, который проступает из-под одежды.

Портрету Андрея Платонова, выполненному в аналогичной манере, повезло больше — не раз снимавшийся с выставок, он все-таки хранится в одном из наших музеев. Обманчивая усложненность формы служит обостренному выражению сложной человеческой простоты писателя, одержимого любовью к людям, любовью к России. Трогательная платоновская полуулыбка, застенчивая доброта глаз, хорошо знакомые по фотографиям, озаряют холст. Перед нами образ русского интеллигента, честно и не бездельно живущего на земле.

Ромадину дорога предметная среда, сопровождающая духовные устремления двух этих его героев. Он любуется атрибутами деревенского обихода, ныне уже почти исчезнувшими, но не поверхностью их, а содержанием, высшим предназначением. Предметы на полотнах Ромадина обыкновенно несколько деформированы. Это жизненная деформация, они изрядно потрудились на своем веку. Не чужда им и определенная фантастичность — традиционная, сказочная.

Фантастична прялка в картине «Тетя Маша и домовой». Фантастичны решето, терка и замок, банки и катушки, старая лампа, мотки шерсти. Обыденное и привычное обретает неожиданно новые оттенки, заставляя зрителя почувствовать душу вещей, проникнуться их поэзией. В такой хоровод предметов органично вписывается присевший за спиной тети Маши домовой, путающий ей пряжу.

При всем том М. Ромадин — до мозга костей человек города, его людей, лиц. А кроме того, обжитых интерьеров и будничных вещей, исполненных сокровенного смысла, становящихся своеобразными знаками современной культуры.

Быт всякого истинного художника порой тяжел и странен. Ромадин не исключение. Мастерская есть: две тесные комнатушки, вознесенные над Садовым кольцом. Тут все взаимосвязано, слито, нерасторжимо. Соседство с Домом-музеем Чехова, чьи фотографии на стенах мастерской неприметно переходят в полотна, и с булгаковской Москвой, питающей своими волшебными превращениями фантастический реализм мастера...

Большие холсты не помещаются на чердаке под протекающим потолком, и он бывает вынужден работать в опустевшей мастерской отца. Но там все другое...

В живописи он шел «обратным ходом» — от абстрактных композиций к фигуративному искусству. В последние же годы его все больше влечет принцип множественности, обусловивший, в частности, увеличение размеров ромадинских полотен, перенаселение их персонажами. Что ж, принцип этот вполне оправдан и закономерен. Мы живем в повторяющемся и множественном мире, мире городских толп, грандиозных митингов и манифестаций. Причем множественность не только характерна, но и демократична. Это демократизм площадей и тротуаров, пульсирующих людских масс.

«Тротуар». Так назвал художник одну из своих этапных работ. О чем могут поведать спешащие по осеннему асфальту ноги прохожих? Оказывается, о многом. Мы узнаем на картине собственные утомительные заботы, узнаваемо желание выглядеть получше, понятна и неотвратимая необходимость дви-

М. Н. РОМАДИН. Род. 1940.
ТЕТЯ МАША И ДОМОВОЙ.
1984 г.

жения, цели. Остальное — в живописной, фактурной сутолоке, с ее задыхающимися ритмами, а вернее, аритмией, дорисовывает зрительское воображение.

Композиционный принцип множественности отличает уже упоминавшиеся полотна «Битва» и «Большой джем-сейшн». Их пронизывает общая мысль о всемирном единстве.

До самого туманного горизонта простирается необъятное поле, сплошь покрытое яростно извивающимися телами людей и лошадей. Среди раненых и мертвых продолжают сражаться живые. Это Куликовская битва, однако при всем очевидном патриотизме художника, гордящегося доблестью предков, на картине нет ни победителей, ни побежденных. Мы видим трагедию войны. Отрицание насилия, возвышенный призыв к отказу от него и здесь олицетворяет множественность, филигранно воплощенная в целостной изобразительной концепции.

«Большой джем-сейшн» — нечто прямо противоположное. Под ночным небом собрались советские и американские джазмены. Они импровизируют, вместе творят музыку, свободно и вдохновенно. Челове-

ческое страдание — вот их единственный враг. Слепой негритянский певец и пианист Рей Чарльз своей ослепительной улыбкой будто говорит нам, что только веселье и радость дают ощущение полноты жизни. К нему присоединяются Алексей Козлов, Элла Фицджералд, Луи Армстронг, известный музыковед Алексей Баташов... Значит, размышляет автор, неизбежность войны — миф, который надо развеять. Даже на небольшом пространстве могут сосуществовать люди различных национальностей, разного цвета кожи, найдя общий язык в творчестве.

Влияние кинематографа отчетливо прослеживается в ромадинских работах, разделенных десятилетиями: тяга к укрупненным планам, выразительным ракурсам, динамизм композиции. Картина «Памяти Пабло Пикассо» построена как «раскадровка» облика одного из пророков XX века. Не сразу становится ясно, почему художник избрал такую необычную форму портретирования. Его полотна вообще предполагают «медленное прочтение», их нельзя охватить разом, они интересны именно своей детализацией. Множественное повторение разнящихся между собой лиц, а над ними уменьшенная копия бессмертной «Герники» — не прихоть и не произвол. Пикассо гневный, улыбающийся, задумчивый и печальный, трагический и протестующий, в сущности, единственный Пикассо, создатель «Герники», потребовавшей от него синтеза самых разнообразных чувств — от ненависти и презрения к нацистским варварам до любви, жалости и сострадания к жертвам фашизма.

Давно известно, что наши недостатки — продолжение наших достоинств. Издержки кинематографического подхода и избыточные игровые элементы отягощают отдельные ромадинские полотна. Не-

ПРОБКА.
1985 г.

СЧАСТЛИВЫЙ СОН.
1983 г.

искушенному зрителю это нравится. И впрямь, разве пройдешь мимо холста, где из фотоаппарата Дагера выскакивает механическая птичка? Волевой нажим выставкомов на художника тут вряд ли правомерен. Стоило бы, наверное, позволить посетителям залов самим разобраться в эксперименте. Но, откровенно говоря, привнесение в серьезную живопись таких отнюдь не оригинальных эффектов скорее разрушает форму, нежели углубляет ее, и вместо задуманного оживления дробит восприятие, уводит нас в области, далекие от искусства.

Ромадин, впрочем, давно уже не пользуется подобными приемами. А вот стихия иллюстрированных журналов нет-нет да и прорывает художественную ткань его произведений, внося в них противоречивую струю, нарушая гармонию. В лучших своих работах художник добивается ее напряженным поиском новых созвучий, новых цветовых и смысловых соотношений. И тогда нежно, но с беспощадной правдивостью выписанный портрет отца вдруг обнаруживает в модели неистовую страстность натуры, которую не всегда угадываешь, стоя перед лирическими пейзажами Ромадина-старшего, сумевшего на склоне дней понять сына и примириться с ним.

Картины Михаила Ромадина популярны у молодежи. Они привлекают ее не только современным стилем и атрибутикой, не только психологической насыщенностью и особой нервной пластикой, тональностью. Молодым нравится в них смелое сочетание традиционной русской колористической гаммы и тех цветовых решений, которые культивируют западные мастера. Международный язык живописи вызревал в недрах ряда ведущих национальных школ и потому является общенациональным. Это сближение живописных школ и форм — веяние времени. В нем кроются необозримые возможности взаимообогащения культур, плодотворных контактов.

Сказанное вовсе не означает, что Ромадин тяготеет исключительно к западной художественной школе. Сейчас, например, он захвачен Востоком, очарован Индией, но столь же пристально изучает исторические памятники Подмосковья, протестуя целой серией листовой графики против их разрушения. Право, возникает ощущение, что этот зрелый мастер еще в начале пути. Энергия буквально распирает его, увлеченность и любопытство не притупляются, а сверхпродуктивность нередко превышает возможности, пусть и недюжинные. Отсюда — налет поспешности, заметный в некоторых работах, неровность письма. И все же количество в творчестве М. Ромадина явно переходит в качество, вознаграждая беспокойный и неистовый труд художника яркими удачами.

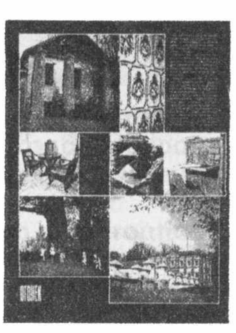
Пожалуй, наиболее впечатляющее его произведение последнего периода — диптих «Лица». Эта мирная демонстрация надвигается на нас из глубины полотна. Люди, украшающие землю. Автор хочет, чтобы зритель не просто узнал их, но и мог свериться со списком имен под номерами на второй половине диптиха. Вновь мы здесь сталкиваемся с игровым элементом, напоминающим разгадывание шарады. На сей раз игра, предложенная автором, органично вовлекает нас в действие, творящееся на картине. Мы переводим взгляд с лица на лицо наших безвестных и прославленных современников, осознаем свою сопричастность их судьбам. Мона Лиза и Мэрилин Монро. Два символа женской прелести — прошлый и нынешний. А рядом — Б. Ахмадулина, С. Ямщиков, Евг. Евтушенко... Где-то в глубине холста замечаешь острый профиль кинорежиссера М. Хуциева, встречаешься глазами с Эйнштейном... И сам художник, его жена тоже среди этой людской массы. Как и вкрапленные в нее лица крестьянок, рано состарившихся от непосильных забот. Жизнь, искусство существуют и благодаря им. Их скромные платочки тревожными маяками освещают полотно, бередят душу.

Неудержимо движение людей вперед, они словно выплескиваются через обрез рамы. Еще минута — и человеческая волна захлестнет нас, увлечет за собой; мы станем ее неотъемлемой частью, сольемся с множественностью. И в этом безостановочном движении — залог нашего братства, вера художника в то, что народы обязательно обретут общий язык, сумеют понять и принять друг друга.

* * *

Недавняя картина Ромадина, с которой он пока не может расстаться, называется «Счастливый сон». Она исповедальна и беззащитна в своей откровенности. Совершенно забывает в ней художник о свойственных ему городских пристрастиях, подчеркнутой урбанистичности. Над сельским ландшафтом парит спящая женщина. Какое богатство тускло-серебристых оттенков зимнего утра! Какие «гжельские» сочетания темно-синего цвета, растворенного в белом! Поистине счастливый сон! Родина неизбывна и прекрасна, утверждает Михаил Ромадин, и в этой неброской, чарующей красоте слышится неожиданно отзвук мощной палитры его отца.

НАСЛЕДИЕ

Возьмите любой, самый подробный атлас. Сколько раз повторятся одни и те же названия, даже на разных материках! А Хмелита одна на всем белом свете. Неброская, неяркая красота смоленской глубинки, понятная и радостная русской душе.

Владимир ПОТРЕСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

УНИКАЛЬНОСТЬ ХМЕЛИТЫ

Перед балконами западного фасада хмелитской усадьбы некогда расстилался обширный двор, за ним террасами уходил партер, сливающийся вдали с разнотравьем лугов. А с противоположной стороны дома, там, где овальная лестница вела в парадный зал второго этажа, рос тенистый парк с регулярной планировкой, упиравшейся в декоративные копаные пруды с островом и чайной беседкой. Вокруг располагались многочисленные хозяйственные постройки: службы, конюшня с манежем. Далее плотины с мельницами на прудах, а в центре издали открывающейся вертикалью — церковь Казанской Божьей матери.

Такой видел Хмелиту юный Александр Грибоедов, который проводил здесь с матерью и старшей сестрой летние месяцы своего детства, да и позже приезжавший сюда на вакации. Меняются времена: в 1830-х годах усадьба переживает сильное запустение, затем несколько раз меняет хозяев. После революции Хмелита использовалась по-всякому. В доме и флигелях располагались различные учреждения, недостаточный уход за старинными зданиями привел к невосполнимой потере отдельных корпусов, погибли флигели, конный двор. Особенно драматичными оказались пятидесятые — шестидесятые годы: главный дом долгое время стоял без крыши, рухнули своды помещений первого этажа.

Казалось, дни усадьбы сочтены...

Сырым осенним вечером 1967 года в Хмелите появились два явно нездешних человека. Один из них — известный реставратор и исследователь старины П. Д. Барановский, а другой — его добровольный помощник, совсем юный техник Виктор Кулаков.

Он и не помышлял тогда, что восстановление Хмелиты станет делом всей его жизни, что за эти развалины, которые они обследовали в те далекие дни, он будет спорить с бесконечными бездушными чиновниками, ругаться, начинать все снова, строить, разрушать, кричать, плакать...

— Барановский раскрыл мне глаза на уникальность Хмелиты, которая находилась буквально на грани гибели,— рассказывает Виктор Евгеньевич,— а главное, заставил меня поверить в свои силы.

Уникален, конечно, каждый памятник, и чем глубже изучаешь его, тем более самых неожиданных тайн, событий, происшедших с ним, раскрывается. Так и Хмелита: стоило лишь начать изучать архитектуру старого барского особняка — из-под позднейших строительных наслоений выглянул барочный дворец, изяществом и мастерством постройки не уступающий московской усадьбе Апраксиных — Трубецких или дворцу Строгановых в Петербурге. А это целое открытие, в середине XVIII века практически не строились загородные усадьбы с таким размахом и пышностью, какими прямо-таки выделяется Хмелита.

Специалисты считают, что регулярный парк усадьбы — один из самых ранних декоративных садов в России. Многие деревья, доживающие свой век, помнят Грибоедова. А какие липы выращивались для этого парка! Вот «лира», вот «ныряющая купальщица», а вот липы, изогнутые так, чтобы создать над аллеей тень.

Посмотрим, какую же «культурную программу» предлагают сельскому жителю сегодня. Дом культуры совхоза «Хмелита» находится в галерее между главным домом и флигелем. Осыпавшийся проем вводит нас в зал с традиционным гипсолитовым «акустическим» потолком, ровными рядами стоят стулья, в углу стол со старыми номерами «Советской культуры» и «Сельской жизни», а перед входом ведро питьевой воды и рядом поллитровая стеклянная банка — видимо, вместо жестяной кружки на громыхающей цепи.

Скучно в Хмелите — жемчужине Смоленского края, месте, связанном с детством автора «Горя от ума», бесстрашного Вазир-Мухтара. Не потому ли бегут в город сельчане? Ведь не ради магазинной колбасы и теплого туалета покидают они обжитые места. Бегут от запустений, чтобы не видеть остовы некогда гордых особняков, изломанных деревьев запущенных парков, заросших бурьяном садов, погибающих под сорным лесом полей, вороньих гнездовий в провалившихся кровлях дворцов...

В том, что первый музей Грибоедова создается на землях, так сказать, обитаемых, есть свои преимущества. Для того чтобы все стало на свои места, я должен рассказать об идее музея нового типа, которую страстно поведал мне Виктор Евгеньевич Кулаков, ныне архитектор-реставратор, руководитель работ по исследованию Хмелиты, автор проекта восстановления усадьбы и дальнейшего ее использования.

— Я хочу включить туриста, приехавшего в Хмелиту, в активное действие,— говорит В. Е. Кулаков,— участником которого будет он сам, сотрудники музея, местные жители. Конечно же, традиционный музей будет, будет и экспозиция, и экскурсоводы. Нужно постараться лишь сделать все интересно и нетривиально. Но вся программа будет гораздо шире. Гости приезжают сюда на автобусе, покидая который они как бы на время переносятся в те годы, когда Хмелитой владел дядя Александра Сергеевича Грибоедова. Они размещаются на постоялом дворе или в специально арендованных избах, угощаются кушаньями, приготовленными по старинным рецептам, медом, молоком, могут даже попариться в бане.

Сейчас сделано уже много, завершена наружная реставрация главного дома усадьбы, принято решение о создании музея, выделены штаты. Есть решение об отчуждении территории заповедника, то есть осуществляется постепенный перевод крестьянских дворов с земель, принадлежащих музею. В восстановленном недавно флигеле оборудованы квартиры для сотрудников. А главное, идея создания в Хмелите музея-заповедника нового типа обрела своих сподвижников и среди них в первую очередь Валерия Ивановича Атрощенкова, первого секретаря Вяземского горкома партии.

И деньги есть, и, самое главное, люди, руководимые начальником вяземского реставрационного участка Владимиром Ивановичем Щевелем, только вот из запрошенных Министерством культуры РСФСР на этот год для восстановления интерьеров усадьбы двухсот тысяч рублей к июлю было освоено всего пятьсот рублей. А ведь речь идет об истинно народных деньгах — эти двести тысяч выделило на реставрационные цели правление Всероссийского добровольного общества любителей книги.

Только в течение последних двух лет в Министерстве культуры РСФСР состоялось три (!) совещания, на которых были определены «окончательные», каждый раз новые сроки завершения ремонта первого этажа усадьбы. В конце апреля прошлого года Смоленский облисполком принял решения по подъему экономики и культуры совхоза «Хмелита», в которых также подтверждается необходимость приведения в порядок первого этажа музея.

Сейчас, когда наконец утверждено штатное расписание музея, когда начался сбор музейных экспонатов, это имеет принципиальное значение, ведь в комнатах нижнего этажа предполагается разместить фонды и оборудовать помещения для сотрудников. Пока экспонаты Хмелиты пылятся в залах вяземского музея, который, к слову, на ремонте. А где расположатся сотрудники музея-усадьбы и что они будут делать, одному богу известно.

Серьезно стоит вопрос и об отоплении будущего музея и служебных помещений. Хотя рядом, буквально в нескольких километрах проходит нитка газопровода, получить разрешение на подключение к ней — положить год жизни.

Реально ли в обозримом будущем преодолеть все эти трудности?

— Конечно, реально,— считает Кулаков,— только нужно заниматься делом, а не подменять его бесконечными сомнениями и бюрократией.

Новым и важным делом, учитываемым создателями музея в Хмелите, является идея хозрасчета. Конечно, хозрасчет в музейном деле вещь не новая, но смотря как это понимать. Можно просто повышать входную плату или сокращать туристские маршруты, добиваясь максимальной выручки, однако ясно, что это не лучший выход.

В Хмелите речь идет о создании экспериментальной хозрасчетной усадьбы-музея, которая включала бы в себя, говоря современным языком, «компоненты» старого грибоедовского имения. А это сад, в котором, по воспоминаниям очевидцев, росли «груши, дули, яблони», это пруды, в которых не переводилась деликатесная рыба. В саду — пасека.

— Выручка от сельскохозяйственной продукции могла бы принести существенный доход музею,— говорит Кулаков,— кроме того, мы планируем постройку конного двора с манежем на месте обнаруженного недавно фундамента, отмеченного на старом плане как «Конный двор для себя». Мне кажется,— продолжает Кулаков,— можно организовать, предположим, кооператив по обслуживанию усадьбы Хмелита, состоящий из людей, способных поддерживать в надлежащем состоянии «угодья», обеспечить быт и культурный отдых посетителей. А отчисления от доходов должны идти на дальнейшие реставрационные нужды, развитие новых маршрутов, восстановление окрестных памятников, включение их в программы осмотра.

Дело, которое предлагают реставраторы, новое и, безусловно, интересное. Однако, как всякое новое дело, оно требует тщательного экономического и правового анализа: ведь последние семьдесят лет никому не приходило в голову подсчитывать доходы хозяйства рубежа прошлого и позапрошлого веков.

Ну и, конечно же, во главе всего этого дела должен стоять человек неуспокоенный, заинтересованный — Виктор Евгеньевич Кулаков, отдавший Хмелите многие годы жизни.

И надо еще, чтоб ему не мешали.

Хмелита — Москва.

25 ноября 1987 года исполняется 100 лет со дня рождения Николая Ивановича Вавилова — основоположника советской генетики и селекции.

Эта дата будет широко отмечаться не только в нашей стране, но и во всем мире: ЮНЕСКО включил ее в календарь памятных дат человечества.

Жизнь Н. И. Вавилова воплотила в себе сложный и противоречивый процесс развития советской генетической школы, ее взлетов и драматических падений. Вавилов дорог нам не только как великий ученый и организатор науки, но и как гражданин. Опыт его борьбы за истину, борьбы со скверной, демагогией и волюнтаризмом — проявлениями культа личности в науке и жизни — особенно неоценим сегодня, в свете нашего осмысления прошлого и настоящего, поисков достойного будущего.

ПОДВИГ

Сергей ДЯЧЕНКО

«...После 1940 года я встретил Н. И. всего один раз.

Эта случайная встреча осталась в моей памяти как самый мрачный, трагический период уничтожения отечественной науки, которую возглавлял незабвенный Николай Иванович. Это была встреча в Саратовской тюрьме. По каким-то неизвестным нам, узникам, причинам нас перевели из одной тюрьмы в другую (я побывал в пяти, прежде чем на долгие годы попал в лагерь за колючую проволоку). В конце 1942 года меня втолкнули в общую камеру Саратовской тюрьмы, где было очень много людей. У окна сидел, склонившись над клочками бумаги, седой человек и что-то писал обломком простого карандаша. На подоконнике рядом с железной решеткой лежала стопка бумаги. Подхожу ближе и узнаю — это был Вавилов!

— Здравствуйте, Николай Иванович!

Он пристально посмотрел на меня (до гробовой доски не забуду эти полные скорби глаза!).

— А вы знали меня раньше?

— Да как же, Николай Иванович! В 1933—1934 годах мы с вами много, много раз встречались. В те годы я, тогда еще юноша, был в ВИРе на курсах повышения квалификации научных работников от Ярославской селекционной станции...

Подумав пару минут, Вавилов припомнил меня и предложил сесть рядом. Он не спрашивал меня, за что я попал и надолго ли. Мы до самого обеда вспоминали ВИР тридцатых годов, его добрых старых сотрудников. Николай Иванович рассказал мне о своей последней поездке в Западную Украину...

Наступил час обеда. В маленькое окно дверей камеры (кормушка) подавали в мисках тюремную баланду. Я протянул Николаю Ивановичу миску, ложку и кусок хлеба. Он съел очень мало. В той же миске я дал ему второе. Он взял в левую руку, осмотрел миску и сказал:

— Запомни, Павлуша, посуда, как и человек, должна быть чиста и снаружи, и внутри.

Я извинился перед ним, сказав, что не дали воды, чтобы вымыть посуду.

— Знаю, дорогой мой, знаю...— тихо проговорил Вавилов.

После обеда тюремные надзиратели увели Николая Ивановича из нашей общей камеры. Я помог ему собрать записки, сверток белья, полотенце. Со слезами на глазах я пожал его добрую милую руку. Чувствовал, что это последнее рукопожатие. Николай Иванович был очень болен. Это было в конце 1942 года...»

Такое письмо получил я недавно от биолога Павла Александровича Зимяхина. Он узнал, что я работаю над фильмом о жизни Николая Ивановича, собираю документы о последних трагических годах его жизни. К тому времени уже вышел документальный фильм по моему сценарию «Звезда Вавилова», я встречался с многими людьми, знавшими ученого. Особо ценную информацию сообщил мне ученик Вавилова — профессор Ф. Х. Бахтеев. Еще с 1965 года он как представитель «вавиловской» комиссии АН СССР был допущен к архивным документам, побывал в Саратовской тюрьме.

И вот это письмо от Зимяхина, ныне проживающего в Кировоградской области...

Но сначала о том, что сделано академиком Н. И. Вавиловым в отечественной и мировой науке.

Главной работой его жизни был закон гомологических рядов. Изучив множество видов и сортов растений, ученый впервые установил закономерность в хаосе изменчивости растительного царства. Все его разнообразие Вавилов систематизировал в виде таблицы, с помощью которой можно предсказывать существование форм, еще не обнаруженных наукой. Закон гомологических рядов давал такую диалектическую интерпретацию генетических процессов, которая далеко опережала бытовавшие в то время представления на сей счет. Что же касается практического применения закона, то благодаря ему селекционеры могли уже не вслепую, как было раньше, а целенаправленно вести селекционную работу. Это действительно был переворот в генетике, селекции, биологии.

А разработанная Вавиловым теория происхождения культурных растений помогала определить, где и в каких районах земного шара искать недостающие формы растений. В 1926 году эта работа ученого была удостоена премии имени В. И. Ленина. Вавилов выделил восемь очагов на различных континентах, и к ним потянулись маршруты экспедиций ученого. В этих труднодоступных очагах древнейшей земледельческой культуры, по мнению Николая Ивановича, было сконцентрировано наибольшее разнообразие культурных и диких форм растений. Предвидение Вавилова оказалось правильным: и сегодня его теория о центрах происхождения культурных растений служит маяком на пути развития мировой селекции. Все новые экспедиции отправляются в «вавиловские центры» за сбором семян.

Специальная комиссия ООН сочла необходимым при планировании международных экспедиций обязательно использовать разработанную Вавиловым теорию. Его труды по происхождению растений явились стимулом для исследований в далеких от растениеводства областях — археологии, этнографии и т. д.

За свою жизнь Вавилов собрал в экспедициях поистине уникальное богатство — 160 тысяч живых образцов культурных растений и их диких сородичей. Одной только пшеницы — 28 тысяч сортов!

Всемирно известный генетик, он был признан великим путешественником. Его избрали президентом Всесоюзного географического общества. Во всех странах, которые Вавилов посетил, он неизменно был посланцем мира, дружбы, достойно представлявшим советскую науку. Память о нем жива на берегах Амазонки и Нила, ее берегут на Тибете и в Японии. Люди всего мира благодарны советскому ученому за его великую цель.

Всю свою жизнь Николай Иванович отдал борьбе с голодом. Его деятельность не ограничивалась рамками одной страны. Вавилов мыслил и творил в масштабах земного шара!

Это был уникальный человек, обладавший, кроме таланта, необыкновенной работоспособностью. Вавилов работал по 14—16 часов в сутки, для него это было нормой. Всю жизнь он трудился без отпусков и отгулов, поражая своих сотрудников неутомимостью и боевитостью.

Николай Иванович обладал феноменальной памятью, он был энциклопедически образованным человеком, владел 20 иностранными языками. Его стремительный ритм, четкость и жизнелюбие увлекали окружавших Вавилова людей. Высшей похвалой у него было слово «труженик», а любимой поговоркой: «Жизнь коротка, надо спешить!»

К середине 30-х годов советская генетика и селекция вышли на передовые рубежи в мире. Селекция наполнялась научным содержанием — огромное значение в этом имел капитальный труд коллектива ВИРа «Теоретические основы селекции», вышедший в 1935—1937 годах. Мировая коллекция института была опробована по единой программе в так называемых географических посевах на сотнях селекционных станций по всей стране. До войны уже каждый шестой гектар пашни засевался сортами вавиловской коллекции, а ученые приступили к синтезу новых сортов с помощью генетических скрещиваний «иностранцев» и местных растений. Фундаментальные открытия были сделаны в возглавляемом Вавиловым Институте генетики АН СССР. Признанием заслуг советской науки и Вавилова явилось решение провести очередной Международный генетический конгресс в 1937 году в нашей стране, президентом его избрали Николая Ивановича...

Лауреат премии имени В. И. Ленина, член ЦИК СССР и ВЦИК, академик Вавилов был одним из самых популярных ученых Советской страны. Казалось бы, ничто не может остановить наступательный, все ускоряющийся, направленный на благо Родины, народа порыв генетики, Вавилова и его соратников.

Как же могло случиться, что гордость отечественной и мировой науки, ученый, стремившийся прокормить миллионы людей, был объявлен «врагом народа» и умер от голода в тюрьме?

Веселей играй, гармошка,
Мы с подругою вдвоем
Академику Лысенко
Славу вечную споем!
Он мичуринской дорогой
Твердой поступью идет,
Менделистам-морганистам
Нас дурачить не дает!

По-видимому, Т. Д. Лысенко, Герой Социалистического Труда, кавалер семи орденов Ленина, был единственным в истории ученым-биологом, заслужившим титул «великий» еще при жизни. Портреты Лысенко висели во всех научных учреждениях, в художественных салонах продавались бюсты «народного академика». Государственный русский хор исполнял величальную «Слава академику Лысенко», а в песенниках, издававшихся 200-тысячным тиражом, красовались вышеприведенные частушки.

Первые работы молодого агронома Т. Лысенко появились в конце 20-х годов. В них сообщалось, что с помощью предпосевной обработки семян (холодом, намачиванием) он превращает яровые сорта в озимые. Это был новый метод селекции, многим казавшийся перспективным. С помощью этого метода можно было, например, в северных районах страны выращивать теплолюбивые сорта. Вот почему Н. И. Вавилов заинтересовался этим открытием — оно давало возможность использовать для посева африканские, южноамериканские семена пшеницы и других злаков из его мировой коллекции. Печально, но именно Николай Иванович рекомендовал Лысенко в академики АН УССР, в члены-корреспонденты АН СССР. Но истинный ученый Вавилов не мог допустить, что молодой Лысенко, отличающийся завидным трудолюбием и непоколебимой верой в собственные идеи, публикует результаты своих наблюдений без надлежащей проверки и контроля...

В дальнейшем, к середине 30-х годов, Вавилов и его коллеги, изучая яровизацию, доказали ее несостоятельность. Но было уже поздно. На основе своего метода Лысенко создал целое учение, назвав его «мичуринской биологией», демагогически использовав имя уважаемого селекционера, человека честного, порядочного. В создании новой «науки» Лысенко помог его правая рука — И. Презент, ставший впоследствии академиком ВАСХНИЛ. Юрист по образованию, Презент обладал особым «талантом» — с помощью цитат, надерганных у классиков, подвести «философскую материалистическую» базу под что угодно.

Теоретической платформой «учения» Лысенко и его сподвижников был ламаркизм (я не случайно пишу слово «учение» в кавычках). Провозглашенные в XIX веке идеи Ламарка о наследовании благоприобретенных признаков к тому времени уже угасли, не получив экспериментального подтверждения. Но творцы новой «науки» их возродили, заявив о выведении необходимых сортов и свойств путем «воспитания» растений и животных с помощью условий внешней среды. При этом такие понятия, как «гены», «хромосомы», «мутация», отрицались. По своей методе Лысенко обещал создавать новые сорта не за десять — пятнадцать лет, как это делала классическая генетика, а за пять, три, а то и за два года.

Здесь надо напомнить время и ситуацию, в которых развивались события. На фоне успехов индустриализации сельскохозяйственная наука не могла похвастаться достижениями. Генетика была еще слишком молода и не успела стать фундаментом селекции. Положение в сельском хозяйстве усугублялось издержками коллективизации и голодом, охватившим отдельные регионы страны.

В этих трудных условиях обещания Лысенко достичь быстрых и сказочно высоких урожаев получили поддержку, тем более что его идеи были просты и понятны самым непосвященным в науке.

Разоблачить так называемого «народного академика» могла только генетика. Именно поэтому Лысенко начал свой крестовый поход против этой науки, обвинив ее в отрыве от практики, а ученых-генетиков — во вредительстве и пособничестве геббельсовскому расизму...

В атмосфере массовых репрессий периода культа личности такие обвинения, по сути дела, были политическим доносом. Нужно учесть и то обстоятельство, что деятельность Лысенко была горячо одобрена Сталиным. «Творец» яровизации, наглядно «показывающий», как можно «воспитать» ячмень из ржи, а соловья из кукушки, стал любимцем главы государства. В атмосфере усиливающегося культа личности, с его искажением и нарушением демократических устоев, реальные дела постепенно утрачивали смысл, их подменяли бодрые рапорты о достижениях, обещания новых успехов и демонстрация преданности вождю народа. Всего этого было в избытке в арсенале Лысенко и его приближенных. Эти псевдоученые быстро получали должности и звания.

Позиция же Вавилова и других генетиков, осудивших сторонников яровизации, была для тех серьезным препятствием на пути легких успехов. Началась настоящая травля Вавилова и его соратников. Некоторые из сотрудников Николая Ивановича, не имевшие «генов порядочности», становились доносчиками, осведомителями. Ими стали, например, профессор И. В. Якушкин, которого Вавилов пригласил в институт; профессор Е. К. Эмме, считавшая себя другом семьи Николая Ивановича; научные сотрудники А. К. Коль, Ф. Ф. Сидоров, С. Шунденко (последний, будучи сотрудником ВИРа, перешел затем на работу в органы НКВД). Будущие историки потом найдут в архивах доносы, написанные этими «благожелателями», проанализируют их приемы и методы, вызывающие чувство омерзения.

Приведу выдержки из одного доноса (с сохранением орфографии и особенностей стиля), написанного сотрудником ВИРа Г. Шлыковым.

«...Пока еще не уничтожены бандиты — Чернов, Яковлев и Бауман (арестованные руководители Наркомзема СССР и сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б).— С. Д.), надо выяснить, что делали они в плоскости вредительства по организации сельско-хозяйственной науки, опытных станций, постановки испытания и выведения новых сортов. Я все больше убеждаюсь, что тут могло быть разделение труда с Вавиловым, как с фактическим главой научно-исследовательского дела в стране в области растениеводства за все время после Октябрьской революции. Не являлось ли внешне отрицательное отношение к нему, а некоторое время и к их марионетке Муралову А. И. (президент ВАСХНИЛ.— С. Д.) прикрытием подлинного отношения как к сообщникам,— подлости и хитрости этих людей, как доказывает процесс, нет предела.

Просто трудно представить, чтобы реставраторы капитализма прошли мимо такой фигуры как Вавилов, авторитетной в широких кругах агрономии, в особенности, старой. Не допускаю мысли, чтобы он, как человек хорошо известных им правых убеждений, выходец из среды миллионеров, не был приобщен к их общей организации. Он хорошо известен как сужу по произведениям Бухарина правым.

Не является ли в связи с этим и шумиха, поднятая иностранной прессой в конце 1936 года вокруг Вавилова, в связи с «гонениями» на него, затем печатание подложных некрологов по его адресу провокацией, затеянной и организованной им же самим с его ведома. Ведь это же не случайно, что материал, освещающий положение в Институте растениеводства, который отчасти в копиях находится у вас, и который направлялся этим людям как представителям партии и правительства, не имел положительных последствий. Мало сомнений и в том, что они могли сигнализировать Вавилову об этом материале...

...Поэтому я и обращаюсь через Вас ко всей Вашей системе принять меры к вскрытию обстоятельств изложенных выше. А узнать досконально о вредительстве в деле организации сельскохозяйственной науки означает то же, что ускоренно освободится от последствий вредительства.

Шлыков (подпись)»

Сей документ датирован мартом 1938 года, когда еще шел процесс над Черновым, Яковлевым и Бауманом (все они потом были расстреляны). Даже неискушенный человек заметит полное отсутствие каких-либо доказательств вины Н. И. Вавилова. Более того, даже неприязненное отношение к нему разоблачаемых «врагов народа» рассматривается как маскировка — какая-то дьявольская, иезуитская логика «наоборот».

Лишь одна деталь в этом доносе соответствовала истине — Вавилов действительно был «выходец из среды миллионеров». Его отец Иван Ильич, потомок крепостных крестьян, вначале пел в церковном хоре, затем он — мальчик на побегушках у богатого купца. В дальнейшем благодаря своим способностям и энергии он стал владельцем торгового ряда в Пассаже, одним из директоров «Трехгорной мануфактуры». Октябрьскую революцию он не принял, уехал за границу, звал с собой сыновей. Дети тяжело переживали семейную драму. И все же Вавилов-старший не смог жить вдали от Родины. С помощью сына, больным, в 1928 году он вернулся, чтобы через три месяца умереть на родной земле.

Клеветнический характер доноса Шлыкова ясен. Но в то время таким пасквилям верили больше, нежели делам и поступкам тех, кого «разоблачали»... Зато доносчики и осведомители процветали: Шлыков, например, впоследствии стал доктором наук, заведующим отделом ВИРа и оставался в этой высокой должности до своей смерти в 1979 году.

В 1938—1939 годах травля Н. И. Вавилова и его единомышленников приобрела оголтелый характер. Аресту президента ВАСХНИЛ А. И. Муралова предшествовало преследование якобы орудующих в академии «врагов народа». Руководство ряда институтов — хлопководства, животноводства, агрохимии, защиты растений и других — было разгромлено как вредительское.

На собрании актива ВАСХНИЛ (бюллетень № 4 1937 года) Лысенко и Презент выступили с разоблачениями «крупных ошибок» Муралова, причем все обвинения строились только на том, что президент не поддержал их направления. «Правдолюбцы» добились своего: Муралов был арестован, а потом расстрелян.

После ареста многих руководителей ВАСХНИЛ в газете «Соцземледелие» (от 11 января 1938 года) была опубликована статья «Оздоровить академию сельскохозяйственных наук, беспощадно выкорчевывать врагов и их охвостье из научных учреждений». В разряд «врагов народа» попали академики Н. И. Вавилов, М. М. Завадовский, П. Н. Константинов. Им инкриминировалось враждебное отношение к «мичуринской биологии». В 1939-м редактируемый Лысенко журнал «Яровизация» (№ 2) поместил статью Презента, ополчившегося против институтов, возглавляемых Н. К. Кольцовым и Н. И. Вавиловым.

Наступление на Вавилова велось и по линии Академии наук СССР. Еще в 1938 году президиум АН СССР, заслушав доклад Николая Ивановича, вынес решение, в котором, в частности, говорилось:

«Институт генетики АН СССР не только не боролся с враждебными вылазками на биологическом фронте, но объективно способствует развитию таких возможностей. Основной причиной такой работы института является то, что в основу его деятельности была положена теория Н. И. Вавилова — «закон гомологических рядов», которая с известными поправками признается им и теперь, а также то, что институт игнорировал в своей работе теоретические достижения крупнейших биологов советской науки — Мичурина и Лысенко» (Вестник АН СССР № 6, 1938 год).

Жертвами репрессий стали такие выдающиеся ученые, как академик Н. П. Горбунов, соратник Ленина, один из основателей ВАСХНИЛ, известные генетики и селекционеры В. В. Таланов, Н. М. Тулайков, Г. К. Мейстер, С. А. Бондаренко, Г. А. Левитский, В. И. Агол... Число же арестованных агрономов, ветеринаров, селекционеров, рядовых сотрудников ВАСХНИЛ и селекционных станций (таких, как П. А. Зимяхин, письмо которого я привел в начале) трудно подсчитать...

Над головой Вавилова сгустились тучи. Он тяжело переживал «облысение» науки, как горько иронизировали генетики. Спорить с любимцем Сталина означало дискутировать с самим вождем, обрекать себя на верную гибель. Многие близкие друзья Николая Ивановича, опасавшиеся за его судьбу, умоляли Вавилова пойти на компромисс, на словах признать правоту Лысенко, тем самым сохранить свой институт, свою жизнь. Они предлагали ученому тихонько продолжать генетическую работу, ожидая, когда время неминуемо разоблачит «биологического Распутина».

Но у Николая Ивановича были свои представления об этике ученого. В 1939—1940 годах он резко критиковал деятельность Лысенко: «Под названием передовой науки нам предлагают вернуться, по существу, к воззрениям, которые пережиты наукой, изжиты, то есть воззрениям середины или даже первой половины XIX века». Но в дискуссии, организованной журналом «Под знаменем марксизма», будущий академик М. Б. Митин причислил генетику к «меньшевистскому идеализму», а Вавилова — к реакционерам.

Несмотря на усиливающуюся травлю, Николай Иванович делал все, что мог. Он направляет докладную в ЦК партии. Он пишет: «Высокое административное положение Т. Д. Лысенко, его нетерпимость, малая культурность приводят к своеобразному внедрению его, для подавляющего большинства знающих эту область, весьма сомнительных идей, близких к уже изжитым (ламаркизм). Пользуясь своим положением, Лысенко фактически начал расправу со своими идейными противниками».

Сколько же сил, мужества и честности требовалось этому удивительному человеку, чтобы в практически безнадежной ситуации, ожидая каждый день ареста, вести эту борьбу! Ученики Вавилова рассказывают, что в то тяжкое время он порывал со своими верными сотрудниками, старался перевести их в другие учреждения подальше от Москвы, надеясь спасти и людей, и науку...

6 августа 1940 года Вавилова арестовали.

Следователем по делу Вавилова был назначен ретивый лейтенант с весьма характерной фамилией Хват А. Г. (ставший впоследствии полковником, затем — персональным пенсионером). Почти год длилось следствие с применением недозволенных приемов. Допросы велись в основном по ночам, причем следователь разговаривал с академиком по-хамски, заставляя уже немолодого человека простаивать десятки часов на ногах. От этих «методов» у Николая Ивановича отекали ноги, он не мог двигаться (об этом рассказали люди, сидевшие с ним в камере).

9 июля 1941 года состоялся суд — закрытое заседание военной коллегии Верховного суда СССР. Приговор был страшен. В нем «констатировалось», что Н. И. Вавилов с 1925 года являлся одним из руководителей антисоветской организации «Трудовая крестьянская партия», а с 1930-го — активным участником антисоветской организации правых, действовавшей в системе Наркомзема СССР и некоторых советских научных учреждений. Ученого обвинили в активной вредительской деятельности, направленной на подрыв и ликвидацию колхозного хозяйства, на уничтожение социалистического земледелия... В приговоре говорилось, что Вавилов якобы поддерживал связи с белоэмигрантскими кругами и передавал им сведения, являющиеся государственной тайной Советского Союза...

9 июля 1941 года Н. И. Вавилов был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1а, 58-9, 58-7, 58-11 УК РСФСР, и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Надо сказать, что в те времена особо «ценились» групповые дела. Поэтому следователь и те, кто стоял за ним, состряпали коллективный «заговор»: по делу Вавилова были привлечены профессора Говоров, Панчишин, Запорожец и Карпеченко — один из любимых учеников Николая Ивановича, талантливый ученый...

Во время следствия, в Бутырской и Саратовской тюрьмах Вавилов вел себя достойно. Он отрицал предъявленные ему чудовищные обвинения. Но к его объяснениям никто не прислушался. Поединок был неравным...

В эти страшные для себя дни он писал:

«...Все мои помыслы — продолжить, завершить достойным для советского ученого образом большие недоконченные работы на пользу советскому народу, моей родине. За время пребывания во Внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получать бумагу и карандаш, мною написана большая книга «История развития мирового земледелия» (Мировые ресурсы земледелия и их использование), где главное внимание уделено СССР. Перед арестом я заканчивал большой многолетний труд «Борьба с болезнями растений путем внедрения устойчивых сортов», незаконченными остались: «Полевые культуры СССР», «Мировые ресурсы сортов зерновых культур и их использование в советской селекции», «Растениеводство Кавказа» (его прошлое, настоящее и будущее) и большая книга «Очаги земледелия пяти континентов» (результаты моих путешествий по Азии, Европе, Африке, Северной и Южной Америке за 25 лет).

Мне 54 года, имея большой опыт и знания, в особенности в области растениеводства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив отдать себя полностью своей родине, умереть за полезной работой для моей страны. Будучи физически и морально достаточно крепким, я был бы рад в трудную годину для моей родины быть использованным для обороны страны по моей специальности...

Прошу и умоляю... о смягчении моей участи, о выяснении моей дальнейшей судьбы, о предоставлении работы по моей специальности, хотя бы в скромнейшем виде (как научного работника, растениевода и педагога) и о разрешении общаться с моей семьей (жена, два сына — один комсомолец, вероятно, на военной службе, и брат — академик физик, о которых я не имею сведений более полутора лет).

Убедительно прошу ускорить решение по моему делу.

Н. Вавилов

г. Саратов.
Тюрьма № 1.

25/IV—1942 г.».

Этот документ потрясает. Оказывается, и в немыслимых условиях застенка Вавилов работал!

Создание научной монографии в тюрьме, без справочно-библиографических пособий кажется невероятным для нашего XX века. Но мы должны вспомнить о феноменальных способностях Николая Ивановича. Он мог по памяти диктовать стенографисткам, сменяющим друг друга, целые главы своих книг с подробнейшей библиографией! Вероятно, и эта «большая книга», как охарактеризовал ее сам автор, достойна других его знаменитых трудов. Но где он, этот труд ученого? Может быть, не исчез бесследно? Может быть, удастся его разыскать?

В любом случае «История развития мирового земледелия» должна занять достойное место в списке трудов Вавилова и в наших сердцах.

Николай Иванович упоминает в письме о своей семье. Его жена Елена Ивановна, тоже ученый, доктор наук, не знала, где находится арестованный муж. Голодая и бедствуя (с работы ее уволили), она отправляла в Бутырскую тюрьму продуктовые посылки. Там их регулярно принимали, регистрировали... Елена Ивановна жила в то время в Саратове у родственников и не могла предположить, что Николай Иванович находится в двух-трех километрах от нее.

«Брат — академик физик» — это младший брат, Сергей Иванович. Дружба и горячая привязанность объединяла двух братьев. Сергей Иванович был бессилен что-либо изменить в судьбе Николая. В 1945 году он стал президентом Академии наук СССР. Остается только гадать, почему Сталин избрал на этот пост именно младшего Вавилова, так горячо любившего своего брата...

Как мог, Сергей Иванович Вавилов противостоял волюнтаризации науки. Здоровье было подорвано нервными перегрузками, он тяжело заболел. Незадолго до своей преждевременной смерти он, по свидетельству близких, тайно побывал в Саратове, пытался найти могилу брата. После кончины Сергея Ивановича на его сердце обнаружили следы девяти рубцов — девяти инфарктов... Удивительно, что умер он почти в тот же день, что и Николай Иванович,—25 января.

В письме Вавилов упоминает о своих сыновьях.

Старший сын — Олег (родился от первого брака в 1918 году), физик, по всеобщему признанию, был очень талантлив. Он не мог смириться с обвинениями в адрес отца, пытался восстановить правду, вызвав только раздражение соответствующих инстанций. В 1945 году Олег, опытный альпинист, погиб в экспедиции на Кавказе...

Младший сын — Юрий (до войны он был ребенком) тоже стал физиком, ныне он старший научный сотрудник ФИАН СССР.

Но вернемся к трагическим дням в Саратове.

В 1942 году высшую меру заменили двадцатилетним заключением. Вавилов вначале обрадовался, ожидая перевода в «шарашку» — закрытое научное учреждение, в котором работали заключенные специалисты. Но что-то не сработало в механизме бюрократической тюремной машины, и Николай Иванович остался в Саратовской тюрьме. Его продолжали унижать, над ним издевались: ведь он не раскаялся, не признал свою «вину».

Свидетели последних месяцев жизни Вавилова рассказывали, что Николай Иванович пытался поднять дух заключенных, ободрял их, читал им лекции по генетике, почти сто лекций! Те, кто остался в живых, помнили их долгие годы.

Место захоронения Н. И. Вавилова до сих пор неизвестно.

На встрече с руководителями средств массовой информации и пропаганды М. С. Горбачев сказал: «...забытых имен, белых пятен ни в истории, ни в литературе не должно быть. Иначе это не история, не литература, а искусственные, конъюнктурные конструкции».

Убежден, ученые, писатели, кинематографисты должны наконец восстановить честные имена людей, составляющих славу и гордость нашей Отчизны. В ряду этих имен сияет и имя Н. И. Вавилова.

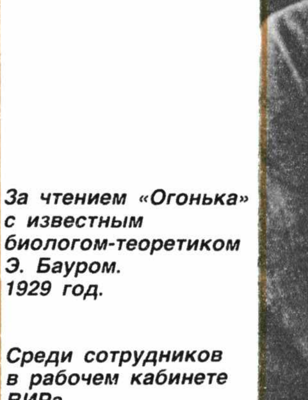
МЫ ПУБЛИКУЕМ ТРИ ПИСЬМА ИЗ БОГАТЕЙШЕГО АРХИВА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ВАВИЛОВА, НО ОНИ ДАЮТ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЕГО НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПАХ, О ТОМ, КАК И ДЛЯ ЧЕГО ОН ХОТЕЛ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ.

Алексей АДЖУБЕЙ

ТРИ ПИСЬМА

За чтением «Огонька» с известным биологом-теоретиком Э. Бауром. 1929 год.

Среди сотрудников в рабочем кабинете ВИРа. 1931 год. Фото из архива Ю. Н. Вавилова

Николай Иванович и Елена Ивановна Барулина. 1926 год.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

«Дорогой мальчик! Еду сегодня в Буковину, в Черновцы, оттуда в Карпаты. Места красивые. Проехал всю Подолию, Львовскую и Тернопольскую области. Пробуду (в дороге) еще недели две с половиной. Трудности с передвижением. Но пока выкручиваюсь. Философию Карпат надеюсь постичь. Привет всем! Твой отец».

Это последнее письмо в семью, сыну Олегу, Николай Иванович Вавилов написал за четыре дня до ареста, 2 августа 1940 года. Казалось, ничто не угнетает его. В строчках никакого отзвука близящейся беды. Незадолго до этого Николай Иванович говорил с братом, известным физиком, Сергеем Ивановичем по телефону, передал ему смысл последнего публичного выступления Лысенко. У того в ходу шли выражения за гранью не только научной, но и вообще пристойной лексики. Он громил генетиков, требовал выжечь «каленым железом» вейсманистов-морганистов, проводников фашистского мракобесия.

На что надеялся Николай Иванович? На логику, трезвый расчет? На тот всемирный интерес, который вызывала советская школа генетики, на уважение к нему лично крупнейших ученых мира? Я спросил об этом младшего сына Вавилова, Юрия Николаевича. Он подумал и ответил: «Отец, видимо, предполагал, что его спасет дело». В деле Николай Иванович действительно мог отыскать защиту...

В благословенных полях Западной Украины в жаркий плодоносный август сорокового года Николай Иванович занимался привычным поиском колосьев, зерно к зерну множил свою уникальную коллекцию, в которой уже хранилось 160 тысяч образцов культурных растений и их диких сородичей. Он не знал, что судьба его решена. Философия Карпат, логика, расчет, дело — все оставалось позади. В какой-то час прямо на полевой дороге его машину остановили, приказали пересесть в другую и увезли. Трудностей с передвижением не было...

Трофим Лысенко, найденный и обогретый вниманием Вавилова в начале тридцатых годов, мог успокоиться. Ненавистного «конкурента» не существовало. Впрочем, и не конкурента даже, а просто ненавистного человека. Липкое торжество растеклось по душе агронома. Он победил.

Много позже, оказавшись у разбитого корыта, скованный презрением многих ученых, он будет часами сидеть в академической столовой и бросать вслед проходящим: «Я не хотел гибели Вавилова, это не я, кто-то другой».

В начале шестидесятых годов Лысенко вновь пошел на приступ. Звезда Трофима Денисовича начала тускнеть, и он пригласил в свое хозяйство Горки Ленинские Никиту Сергеевича Хрущева. Вытаскивал из земли пудовые корни кормовой свеклы, следил за тем, какое это производит впечатление на гостей, поглаживал крутые холеные бока коров с многотысячными удоями и со все большим напором громил недобитых соперников, винил их в неуспехах сельских дел. Вот его поля и его фермы, вот где залог удачи.

Поля и фермы Горок Ленинских поражали изобилием. Генетика для Хрущева была за «семью печатями». Сталин верил Лысенко, и вот он, Хрущев, критикует Сталина, но и следует его убеждениям, когда в них есть польза! Хрущев знал Лысенко еще по Украине как хорошего агронома, бывал на полях его отца Дениса, цепкого, хозяйственного крестьянина. Здесь, в Горках Ленинских, «чудо» существовало во вполне реальных образах: тоннах, кормовых единицах, надоях. Оно было простым, доступным, какой стыд не взять его на пользу делу.

В который раз на неправде выстраивал Лысенко обещание сельского благоденствия. За новый аванс мечтал о возвращении прежнего всевластия. Однако такое уже не могло случиться. Хрущев поддерживал Лысенко-агронома, и для него мушка-дрозофила оставалась символом научной зауми, однако никто не мог дать в руки Лысенко дубинку. Прошли XX и XXII съезды партии...

Из послания сэра Генри Г. Дэйла, занимавшего пост Президента Королевского общества Великобритании с 1940 по 1945 год, Президенту Академии наук СССР Сергею Ивановичу Вавилову, сентябрь 1948 года:

«Г-н Президент!

Я пришел к решению, вынудившему меня к отказу от звания почетного члена Академии наук СССР, каковым я был избран в мае 1942 года.

Когда ваш выдающийся предшественник академик В. Л. Комаров письменно уведомил меня об оказанной мне чести, в своем письме он сослался на тот факт, что я в то время состоял председателем Лондонского Королевского общества. Я верю, что многие британские ученые расценили и приветствовали мое избрание в то время, как символ общности целей ученых наших двух стран, которые уже около года совместно вели войну против гитлеровской Германии, защищая, как мы верили, свободу науки, как и свободу всех других достойных видов человеческой деятельности, от угрозы агрессивной тирании.

В том же 1942 году Лондонское Королевское общество избрало Николая Ивановича Вавилова в число своих 50 иностранных членов. При поддержке и поощрении Ленина он имел возможность, будучи первым директором Института генетики имени Ленина, положить начало и способствовать дальнейшему быстрому росту участия исследователей СССР во всемирном прогрессе генетики, который последовал за признанием открытий Менделя. Его использование этих возможностей рассматривалось как приносящее большую пользу сельскому хозяйству Советского Союза. Мы хотели почтить эти заслуги как большой вклад в мировую науку. Однако в Британии стало известно уже в 1942 году, что Н. И. Вавилов каким-то образом впал в немилость тех, кто пришел после Ленина, хотя причина этому оставалась неизвестной. Мы могли лишь предположить, что она имела политический характер и не имела отношения к его научным достижениям. Только в 1945 году Королевскому обществу стало известно, что он был смещен со своего поста, исчез вместе с некоторыми из своих сотрудников по генетике и умер неизвестно когда между 1941 и 1943 годами. Повторные запросы об указании лишь даты и места его смерти, адресованные вашей Академии Королевским обществом через все открытые для этого возможности, остались без всякого ответа. Насколько мне известно, Королевское общество еще до сих пор не было официально уведомлено о том, был ли жив этот

выдающийся русский ученый во время избрания его в число иностранных членов Королевского общества.

Недавние события, о которых теперь получены полные сведения, осветили то, что случилось. Покойный Н. И. Вавилов был заменен Т. Д. Лысенко, проповедником доктрины эволюции, которая, по сути дела, отрицает все успехи, достигнутые исследователями в этой области со времен, когда в начале XIX столетия были опубликованы рассуждения Ламарка. Хотя труды Дарвина все еще формально признаются в Советском Союзе, его основное открытие будет теперь отвергаться. Все великое построение точного знания, которое продолжает расти усилиями последователей Менделя, Бэтсона и Моргана, подлежит отрицанию и поношению; и последние немногие, кто еще содействовал его созданию в СССР, теперь лишены своих положений и возможностей.

Это не результат честного и открытого конфликта научных мнений. Многие из нас, г-н Президент, с гордостью считали, что в науке, общей для всего мира, нет политических границ или национальных разновидностей. Однако теперь эта наука должна быть отделена от «советской науки» и порицаема как «буржуазная» и «капиталистическая».

Постановления, изданные Президиумом вашей Академии 27 августа текущего года, являются ясным выражением этой политической тирании. Мой старый уважаемый друг академик Орбели, выдающийся нервофизиолог, последователь школы вашего великого Павлова, снят с поста секретаря Отделения биологических наук вашей Академии. Пока нам известно только то, что генетика, которую поощрял Ленин, теперь запрещается как чуждая его политической философии. С тех пор как Галилей угрозами был принужден к своему историческому отречению, было много попыток подавить или исказить научную истину в интересах той или иной чуждой науке веры, но ни одна из этих попыток не имела длительного успеха.

С глубоким сожалением я должен просить вас исключить меня из числа почетных членов вашей Академии.

Уважающий вас
Генри Г. ДЭЙЛ».

Эти строки невозможно читать без чувства горечи и стыда. Может быть, их вовсе не стоит вспоминать? Не бередить раны, не ворошить прошлого? Также легче. Легче чем? Из смиренного неведения, из забывчивости ничто не произрастет...

Тысячи раз мы задавали себе эти вопросы и думали горько, что ответов на них как бы не существует. Сегодня больше, чем когда-либо, мы знаем, что такие ответы необходимы, как воздух живому. Ответы и ответственность рядом.

Они существуют в нас самих, в нашей истории, дальней и близкой, во всем, что сделано на нашей земле, во всем, что мы должны будем сделать. Все в нас самих. Трибуны и микрофоны необязательны.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Н. И. Вавилов — секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, наркому земледелия И. А. Бенедиктову. 1940 год.

«Во время моего отъезда на Кавказ в научную командировку распоряжением президента Сельскохозяйственной Академии акад. Т. Д. Лысенко, подписанным им и ученым секретарем Академии Н. Я. Чмора, постановлено утвердить ученый совет Всесоюзного Института Растениеводства в новом составе. Совет утвержден помимо представления директора, без всякого согласования с ним, в его отсутствие, что считаю действием, совершенно противоречащим конституции наших научных учреждений. Это тем более странно, что я состою директором Института Растениеводства 20 лет и поэтому обход директора в важнейшем вопросе состава квалифицированного совета по меньшей мере является странным.

Более того — из состава совета Института, действовавшего до настоящего времени, распоряжением президента изъяты наиболее крупные научные работники, профессора, доктора, заведующие крупными лабораториями и разделами, сколько могу понять — по принципу изъятия главным образом лиц, придерживающихся научных воззрений иных, чем Т. Д. Лысенко. Так, изъяты: 1. Заведующий лабораторией генетики, проф. Г. Д. Карпеченко, крупнейший советский генетик, с мировым именем, создавший большую лабораторию, имеющий большую школу, разработавший метод преодоления бесплодия отдаленных гибридов.

2. Профессор д-р Г. А. Левитский, заведующий цитологической лабораторией Института, самый крупный советский цитолог, создавший большую школу цитологов в нашей стране, разработавший новые методы цитологического исследования культурных растений. Более авторитетного цитолога нет в нашей стране.

3. Профессор д-р М. А. Розанова, заведующая секцией ягодных культур, крупный генетик, ботаник, сделавшая чрезвычайно много по вопросам классификации, селекции и генетики ягодных культур, бесспорно лучший в Союзе специалист по данному разделу.

4. Профессор д-р Е. В. Вульф, заведующий гербарием культурных растений, крупнейший советский ботаник и географ растений, основной редактор «Культурной флоры СССР».

5. Профессор д-р Л. И. Говоров, заведующий отделом зерновых бобовых, создатель мировой коллекции зерновых бобовых, выведший большое число сортов. Крупный селекционер, как теоретик, так и практик.

6. Д-р В. А. Рыбин, заведующий секцией физиологии наследственности, выдающийся генетик. Работы его по разработке методов отдаленной гибридизации и синтетического получения видов и по цитологии табака, картофеля и плодовых многократно отмечались, как выдающиеся, премиями Академии Сельхознаук и Наркомзема.

7. Профессор д-р С. А. Эгиз, крупнейший советский специалист по табаководству и культуре чая, основатель Всесоюзного Института табаководства, старейший исследователь в области табаководства нашей страны, ведущий и по настоящее время активнейшую работу по применению отдаленной гибридизации в табаководстве, крупный генетик и селекционер и в то же время специалист по вопросам табаководства и чайной культуры.

8. Д-р Ф. А. Крюков, крупный плодовод, имеющий большой теоретический и практический стаж, один из лучших специалистов Союза по косточковым.

9. Профессор д-р Г. М. Попова, заведующая разделом масличных культур, выдающийся знаток культурных растений Средней Азии, крупный селекционер и растениевод, автор ряда сортов масличных и зернобобовых культур, принятых в государственные стандарты.

10. Д-р Н. А. Базилевская, заведующая секцией цветоводства, талантливый ботаник, автор многочисленных трудов по растительным ресурсам.

11. Д-р Е. А. Столетова, заведующая секцией гречихи, автор крупных монографий — «Возделываемые растения Армении», «Кориандр» и другие работы.

Кроме докторов, т. е. официально наиболее квалифицированных работников, утвержденных в звании Комитетом по высшей школе, изъят из состава научного совета ряд кандидатов наук, заканчивающих подготовление к докторской диссертации и в то же время наиболее авторитетных работников в соответствующих областях растениеводства, как:

1. Г. А. Рубцов, крупный специалист по плодоводству, автор руководства по селекции плодовых, заканчивающий обширную монографию по груше, один из наиболее авторитетных специалистов по селекции плодовых.

2. Н. Р. Иванов, заместитель заведующего Отделом Зерновых Бобовых, лучший специалист Союза по сидерационным культурам, автор больших работ по зерновым бобовым.

3. В. А. Кузнецов, старейший работник Института, работающий с 1909 года, один из лучших знатоков культурных растений и в особенности кормовых.

4. К. Ф. Костина, специалист по косточковым плодовым, автор крупной монографии «Абрикос» и ряда работ по плодовым Средней Азии, один из крупных работников по плодоводству.

5. Г. Г. Тарасенко (член ВКП(б)), заведующий Отделом Плодоводства, молодой работник, автор ценной книги «Плодоводство в Карелии».

6. Н. М. Павлова, один из лучших специалистов по ягодным культурам, постоянный эксперт Наркомзема РСФСР по этому разделу, автор ряда крупных работ по ягодным культурам.

7. А. И. Мордвинкина, заведующая секцией овса, лучший в стране специалист по этой культуре, автор крупных трудов по ней.

8. Ф. Х. Бахтеев (член ВКП(б)), заведующий секцией ячменя, автор ценных работ по ячменю.

9. И. В. Кожухов, заведующий секцией кукурузы, один из лучших знатоков этой культуры в нашей стране.

10. Е. С. Якушевский, заведующий секцией сорго и лучший в нашей стране специалист по этой культуре.

11. М. М. Якубцинер, крупный специалист по пшенице, автор ряда больших работ по данной культуре, один из лучших знатоков по апробации зерновых культур.

12. Е. В. Эллади, лучший знаток по культуре льна, автор ряда ценных сортов масличного льна, принятых в стандарты.

13. Т. В. Лизгунова, один из лучших специалистов по овощным культурам, со стажем более 10 лет.

14. В. С. Лехнович, специалист по картофелю, автор большой работы по ракоустойчивым сортам.

15. Б. С. Мошков, талантливый физиолог, имеющий большое количество работ по фотопериодизму у растений.

16. А. Е. Вотчал, физиолог, сконструировавший аппараты по изучению засухоустойчивости и хладостойкости растений.

Помимо этого, я считаю совершенно необходимым включение в состав научного совета директоров наших опытных станций, крупных работников, специалистов по различным разделам растениеводства, как Н. В. Ковалев (член ВКП(б)), директор Майкопской станции, крупный специалист по плодоводству: Е. Е. Поволоцкая (член ВКП(б), директор Кубанской станции Института Растениеводства; т. Цейтлин (член ВКП(б)), директор Среднеазиатской станции, кандидат сельскохозяйственных наук, специалист по винограду; М. И. Гилев (член ВКП(б)), директор Дальневосточного Отделения Института, кандидат сельскохозяйственных наук, специалист по кормовым растениям.*

Представленный и утвержденный список включает ряд лиц, которых я бы не мог представить, учитывая требования, предъявляемые к члену ученого совета учреждением большой квалификации, как Бабич А. Г., Переверзев Г. А., Бельденкова А. Ф., Тюлина М. Д., Поташникова Б. Г.

Нужно учитывать, что Институт Растениеводства — учреждение очень большой квалификации, имеющее более 20 докторов и около 80 кандидатов наук.

Изъятие из состава научного совета наиболее квалифицированных лиц является случаем совершенно исключительным в истории советской науки, ничем не оправданным, кроме вмешательства в науку сугубо административного начала, по принципу подбора президентом Академии членов Совета, ему угодных по научным воззрениям. Это недопустимое сведение счетов, путем административного вмешательства, с наиболее квалифицированной группой по специальности генетики, селекции и растениеводства. При проведении в жизнь этого постановления, не прошедшего при том через президиум Академии, не может идти нормально жизнь Института. Директору его, а также и изъятым из Совета руководителям разделов, придется выйти из состава Института. Это тем более недопустимое явление, что большинство указанных работников — создатели лабораторий, отдавшие значительную часть своей жизни работе в Институте, поднявшие эту работу на большую высоту, что являлось до сих пор общепризнанным.

Я прошу Вашего срочного вмешательства в это дело, чтобы приостановить угрожающий учреждению развал, оставление его наиболее квалифицированным персоналом, уход из Института большого числа наиболее квалифицированных работников, неизбежный при такого рода отношении президента к Институту.

Я должен сказать заодно, что это вмешательство президента является не первым. Помимо согласования с директором, заместителем по научной части назначен С. П. Хачатуров, с которым фактически я не могу работать, ибо он не только не помогает в работе, но мешает руководству Институтом. Такого же рода вмешательство имело место и в назначении заместителя директора по научной части на Майкопскую станцию. Эти факты показывают глубокие аномалии, которые имеются в руководстве Сельскохозяйственной Академии им. Ленина и которые не могут быть решены в самой Академии.

Проведение в жизнь постановления президента лично для меня делает также невозможным продолжение руководства Институтом и заставляет задумываться над необходимостью отхода от этого дела, что является, как Вы поймете, болезненной хирургической операцией, поскольку делу Института, поднятию его на большую высоту, созданию сильного коллектива мной отдано 20 лет жизни».

Это длинное деловое письмо Николая Ивановича тоже одно из последних. Оно малоизвестно широкому кругу читателей, и я намеренно привожу его полностью. Краткие, точные характеристики Николая Ивановича Вавилова своим коллегам по труду — своеобразный отчет человека, рисующего истинную картину возможностей советской генетики. Той самой, по которой учились, ибо она составляла славу не только нашего Отечества, но и мировой науки. Теперь мы в догоняющих...

И всего несколько строк перед тем, как читатель познакомится с письмом третьим. Оно сугубо личное. Написано в голодный, страшный двадцатый год. Тогда многие отчаивались. Но здесь ни строчки уныния, растерянности, упадка душевных сил. Вавилов весь в будущем. Он хочет выстроить его сам и приглашает к такой судьбе близкого человека. Она разделит с ним все — радость труда, блеск славы и трагический час величайшей несправедливости.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Из Москвы в Саратов Елене Ивановне Барулиной. Ночь. 1 октября 1920 года.

«Милая Лена, сегодня приехал в Москву и получил твое первое письмо. Оно было мне так нужно. Ведь, право, так много недоговорено. Как ни досадно, лучше все же общаться хоть почтой. Нам надо близко знать друг друга. Ты, конечно, должна все сказать, что связывает тебя. Все, что узнал из письма, еще дороже сделало для меня тебя, милая Леночка. Я не мог не думать, что ты не любила и не была любима. Это так естественно. Мне больно причинять горе другому, я всегда хотел бы избежать этого. Это удерживало долго от признания. Я бы хотел, чтобы все вышло возможно мягче. Я очень близко знал свою покойную сестру Лиду, которую очень любил и которую нельзя было не любить, и пережил много ее увлечений и ее увлечения были в среде моих ближайших друзей. Когда-нибудь ты об этом узнаешь. Жизнь научила осторожно относиться к людям.

Но жизнь надо строить, как подсказывает чувство и разум. И у меня нет сомнений, что оба мы правы. Мне м. б. проще, ибо давно не первый год мне ясно, что между женой и мной мало общего. Это чувствовалось, и не мною одним. Как натуралист я объективно мог анализировать себя. Научная работа давала импульс жизни, позволяла не углублять анализа. Но результаты его мне были ясны давно. Любить — это постоянно хотеть видеть любимого человека, хотеть постоянно делиться с ним своими переживаниями, жить с ним в унисон и, если возможно, работать с ним вместе. Этого, Лена, не было. Любовь я понимал как святое святых души. Можно увлекаться, можно м. б. любить?.., но всерьез нельзя любить много раз.

Для того, чтобы любовь была крепка, сильна, надо знать друг друга, понимать. Милая Лена, мне страшно хочется после твоего ответа, чтобы любовь наша была сильна и крепка. Не зная тебя в личной жизни, я полюбил тебя. По мелочам, по обрывкам твоей личной жизни на моих глазах я реставрировал в уме твою жизнь. Я понял интуитивно, что я могу тебе сказать, что люблю тебя. О самом себе мне по существу сказать, вероятно, можно немногое.

Я не пессимист, скорее оптимист. Юношеская жизнь прошла не так полно, как хотелось бы. Жену свою знаю давно, со студенческих лет, но не близко. Это была самая умная, образованная слушательница в Петровке, которую уважали все от студентов до профессоров. Она была старше меня на год. Была попытка пойти одной дорогой, но из этого ничего не вышло. Тем более, что этому мешал и тяжелый характер Екатерины Николаевны.

И единственное, что связывает нас,— сын, которого нельзя не любить. Я очень хотел бы, чтобы он был дорог и тебе. В нем многое моего и мне хотелось бы передать ему все лучшее, что смогу. Я привык жизнь свою связывать с будущим. Это путь верный,— в этом я глубочайше убежден и как биолог и иначе не могу думать. Мать моя добрая простая, уже почти старуха. Горе за горем в семье сделали ее нервной, плохо разбирающейся в людях. Нас она мало понимает, но очень любит, и я очень ее люблю. Она не скоро поймет все и за Олега будет строга.

Брата Сергея я люблю, хоть мы и не очень близки с ним. Он очень способный и будет, вероятно, выдающимся физиком. Он очень уважает Ек. Ник-ну и, конечно, будет не на моей стороне, по крайней мере первое время. У нас в семье держатся старых традиций, которые я сам не одобряю. Старшая сестра, пережившая сама многое, относится очень просто и спокойно, как и я сам поступил бы. Жизнь свою каждый решает сам.

Нас в семье трое, сестра Александра Ивановна очень энергичная, дельная, у ней двое детей и она недавно вышла снова замуж, на мой взгляд, неудачно, мы не очень близки. В начале войны умерла от черной оспы сестра Лида, которая была общей любимицей. Она была замужем за проф. И. П. Макаровым. Ей он посвятил свою книгу «Эволюция крестьянского хозяйства». Отец был крупным промышленником и коммерсантом. Начал с ничего. Пользовался большим уважением. Отец, по-видимому, умер, но точно я не знаю. Все мы очень самостоятельные, хотя были очень богаты и потому не привыкли к устроению своей внешней жизни. Семья теперь бесповоротно разорена.

Мне будет 25 ноября 33 года. Вот краткое откровение. Пишу для того, чтобы вызвать тебя на то же. Мне все интересно знать. Мне хотелось бы, чтобы когда-нибудь, когда со всем примирятся, а это, конечно, будет, быть близким твоей семье, если ты это найдешь нужным.

Вот уже 4-й час, завтра много дела. Пора кончать и заставить себя спать. Милая, любимая Лена, мне так хочется, чтобы во всем мы поняли друг друга, чтобы любовь была сильна. Мне хочется, чтобы мы были друзьями, у которых все общее, и горе и радость. Я бесконечно рад, что мы будем работать вместе. Милая и прекрасная Леночка, мне хочется, чтобы ты была счастлива. Мы правы в поступках. Все сложное разберется. Все трудное преоборимо.

Работы так много. Все говорит за переезд в Петроград. Там будем устраивать вместе жизнь. Пиши, милая, мне так хочется видеть тебя.

Твой Н. В.

2.X. Утро.

Мне хочется многое сделать. Ты знаешь немного планы, да они не вполне оформились. Ты пойдешь вместе, и я счастлив иметь самого близкого милого друга. Жизнь я привык связывать с наукой. Чтобы ты была довольна (будь очень строга), я приложу все усилия. Иногда, как теперь, я чувствую, что смогу сделать что-нибудь. Счастье дает силу. И я давно не был так счастлив.

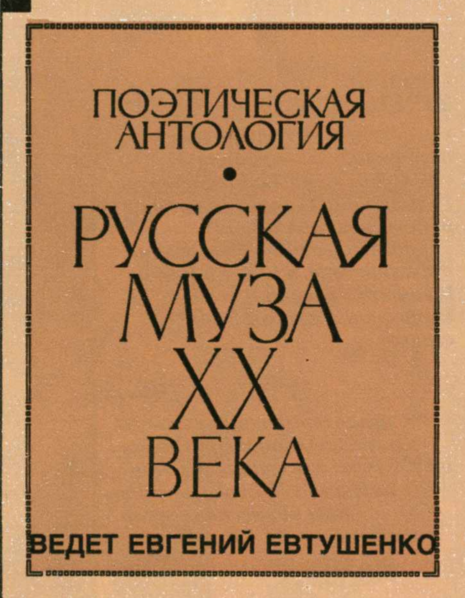
Твой Н. В».

На столе в квартире Юрия Николаевича Вавилова ворох бумаг. Письма отца, верстка книги воспоминаний о нем. Юрий Николаевич — физик.

— Это письмо было особенно дорого матери. В нем первое объяснение отца в любви...

Юрий Николаевич говорит о днях своей саратовской жизни. О вечном страхе матери за судьбу отца, о вечном ожидании. Видимо, их оставили в покое только потому, что Сергей Иванович занимал высокий пост в военной промышленности. Когда была прорвана блокада Ленинграда, он выхлопотал им разрешение на возвращение в этот город. Туда, где Елена Ивановна Барулина не раз перечитывала строки письма с первым объяснением в любви. Она считала это письмо очень личным и разрешила сыну опубликовать его после смерти. Теперь оно публикуется впервые.

Вавилов был среди тех первых советских ученых, которые подчиняли научные занятия гуманным целям. В этом смысле он, бесспорно, выражал самые высокие идеалы социалистической революции.

Василий Александровский

1897—1934

Один из активных участников московского «Пролеткульта». В двадцатые годы часто печатался в центральных и периферийных газетах и журналах. А. М. Горький видел в Александровском талантливого представителя молодой писательской смены, назвав его в 1926 году в письме к А. Н. Фурмановой в ряду «орлят» советской литературы.

* * *

Мы умеем все переносить,—
Стискивая зубы, мы годами
Пили муть овьюженной Руси
Жадными, прозрачными глазами.

Шлях и степь. Часовня и курган.
Вот что память бережет и холит.
Нас в снегах баюкала пурга
Песнями отчаянья и боли...

Мы смотрели, доверяясь снам,
Как с закатов осыпались перья,
Как слетали с сумерками к нам
Древние сказанья и поверья...

И, сжигая взвихренную муть
В огненном кипенье Революций,
Мне теперь понятно, почему
Мы боимся солнцу улыбнуться...

30 марта 1921.

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся как ночь,—
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь.

Я частенько захаживал к Вере,
И ко мне приходила она;
Палец в рот, и станет у двери
Или сядет на стул у окна.

(Знала, знала, что я скучаю:
Угадывала по лицу...)
«Вера, хочешь сладкого чаю?..»
И сквозь острые зубки:
«Хоцу...»

А когда я читал о Донбассе,
О финансах, о кровном враге,
Приходила и...
«Дядя Вася,
Покачай меня на ноге».
«Сколько лет тебе, Вера?»
— «Двести...»
— «Что сегодня?»
— «Сегодня — вцера...»
Сколько раз коротали мы вместе
Незаполненные вечера.

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся как ночь,—
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь.

1924.

Павел Лукницкий

1900—1973

Более известен как прозаик. Между тем начинал как весьма талантливый поэт, о чем свидетельствуют стихи, выбранные из первых книг «Волчец» и «Переход». Стихотворение «Кнопка», а также фотография поэта переданы нам семьей П. Н. Лукницкого и взяты из его архива.

КАМНИ

Я рад не думать об ушедшем дне.
Ведь уши звуками он исцарапал мне.

Ведь красками он мне прожег глаза,
Ведь он в душе промчался, как гроза.

Подобран ночью я едва живой
От этой скифской грубости дневной.

И вот лежу на ласковых камнях,
И тают боль и темный стыд и страх.

И чутко чувствую я жизнь камней,
И всяких жизней эта жизнь мудрей,

И припадаю я к камням душой,
И пью из хладной глубины покой.

И каменную нежность узнаю,
Неведомую ни в каком раю.

И все ясней, все слаще для меня,
Что нового уже не будет дня,

Что полный счастья, полный бытия,
Сам в черный камень превращаюсь я.

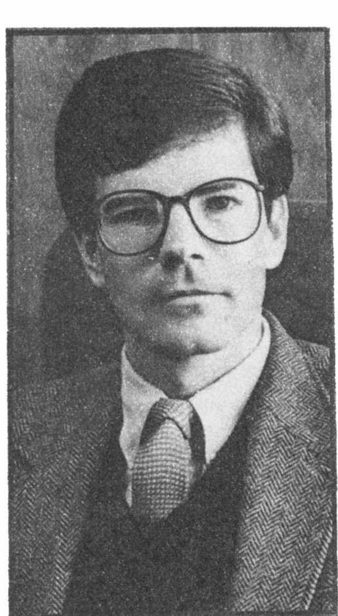
1925.
Гурзуф.

* * *

Кнопка. И пальца прикосновенье.
Разинуты рты. Дышать тяжело.
И сто километров — одно мгновенье.
И пол-океана вулканом взмело.

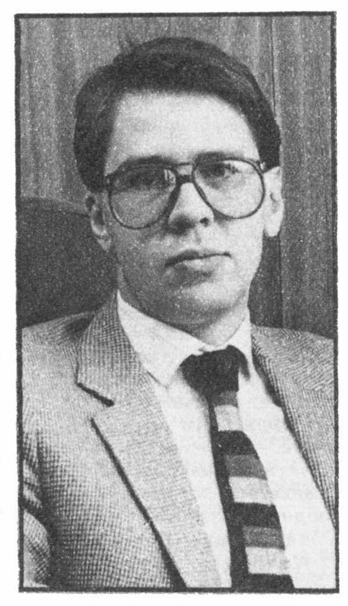
Так будет, когда дослушают страны
Горбатых физиков разговор...
Но успокойся! Пока еще рано
В их детских глазах читать
приговор!

1928.

Джефф **ТРИМБЛ —** *московский корреспондент американского журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Родился в 1957 году. За время работы в журнале был корреспондентом в Нью-Йорке, в Вашингтоне, а затем в Риме. В качестве специального корреспондента был в 20 странах.*

Дмитрий **БИРЮКОВ —** *редактор международного отдела «Огонька». Родился в 1957 году; в журнале работает с ноября 1986 года. До этого был корреспондентом Гостелерадио СССР в Индии.*

ОТ БАЛТИКИ ДО БАЙКАЛА

ПРОНЗИТЕЛЬНО ЗАЗВЕНЕЛ ЗВОНОК, И ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОЖАРНЫЙ ЗАНАВЕС МЕДЛЕННО И НЕОХОТНО, С ГУСЕНИЧНЫМ ЛЯЗГОМ СТАЛ ПОДНИМАТЬСЯ. МЫ — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ А. А. АШИМОВ, АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛИСТ ДЖЕФФ ТРИМБЛ И Я, АВТОР ЭТИХ СТРОК,— СТОЯЛИ НА СЦЕНЕ КАЗАХСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ ИМЕНИ М. О. АУЭЗОВА. ЧЕМ ВЫШЕ ПОДНИМАЛСЯ ЗАНАВЕС, ТЕМ СИЛЬНЕЕ Я ВОЛНОВАЛСЯ. ВЕДЬ МЫ С ТРИМБЛОМ НАЧИНАЛИ ПРАКТИЧЕСКИ НОВОЕ ДЕЛО — СОВМЕСТНЫЙ РЕПОРТАЖ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ВЫПУСКА АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛА «Ю. С. НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ», ПОСВЯЩЕННОГО 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. НАШЕ ЗАДАНИЕ — ПРОЕХАТЬ ВМЕСТЕ ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ. А ПОТОМ ДЖЕФФ ТРИМБЛ НАПИШЕТ РЕПОРТАЖ О ПЕРЕСТРОЙКЕ, А Я К НЕМУ КОММЕНТАРИЙ, И ВСЕ ЭТО БУДЕТ ОПУБЛИКОВАНО В «Ю. С. НЬЮС», А ЗАТЕМ В «ОГОНЬКЕ». ЗАНАВЕС НАКОНЕЦ ПОДНЯЛСЯ, И МЫ УВИДЕЛИ ПУСТОЙ ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ НОВОГО ЗДАНИЯ ТЕАТРА В АЛМА-АТЕ, КОТОРЫЙ НАМ РАЗРЕШИЛИ ПОСМОТРЕТЬ. БЕЛЫЕ ЧЕХЛЫ В ПАРТЕРЕ И ДИРЕКТОРСКОЙ ЛОЖЕ. НЕУЮТНО. НО, НАВЕРНОЕ, ТАК И ПОЛАГАЕТСЯ ВЫГЛЯДЕТЬ ЛЮБОМУ ТЕАТРУ ДО ОТКРЫТИЯ СЕЗОНА. ПРАВДА, ДЛЯ МЕНЯ ВСЕ РАВНО НЕ ИСЧЕЗЛА ТОРЖЕСТВЕННОСТЬ МОМЕНТА. ПОЖАРНЫЙ ЗАНАВЕС ТОЛЬКО УСИЛИЛ ЭТО ОЩУЩЕНИЕ.

Фантастическая, по меркам 70-х годов, идея совместного репортажа родилась летом нынешнего года на встрече главных редакторов журнала «Огонек» и «Ю. С. ньюс». У нас с Тримблом появилось много хлопот. Джефф назвал лишь города, где хотел побывать, а мне предоставил право полностью разработать всю программу. Единственное его условие — все 7 городов: Одессу, Алма-Ату, Улан-Удэ, Северобайкальск, Новосибирск, Ленинград, Ригу — мы должны были проехать за 15 дней. (Именно на столько отпустила его из Москвы редакция «Ю. С. ньюс».) Ничего не скажешь, жесткое условие. У меня создалось впечатление, что ни сам Тримбл, ни его редакция реально не представляли себе расстояний, которые нам предстояло преодолеть,— только в полете мы провели 26 часов.

Вот с погодой нам действительно повезло. Мы успевали взлетать и садиться сразу после или до того, как налетал циклон с бурями и туманами. В общем, извините за избитую фразу, погода благоприятствовала международному сотрудничеству.

«Пишите о нас только чистую правду»,— попросила Тримбла женщина, продававшая на новосибирском рынке сохранившийся до поздней осени весенний алтайский мед. На мой взгляд, Джефф честно выполнил эту просьбу. За каждой строчкой его репортажа — километры магнитофонной пленки, несколько исписанных блокнотов, в которых, я думаю, есть темы и информация для многих новых интересных статей о нашей стране и людях. Джефф работал одержимо. Если у него не хватало времени в гостинице, то в самолете сразу же после взлета он доставал маленький, чуть меньше тома БСЭ, персональный компьютер и продолжал сосредоточенно печатать, даже не подозревая, что создает угрозу устойчивости самолета. Пассажиры, несмотря на уговоры стюардессы, вскакивали со своих мест, чтобы посмотреть, что это за штука и как она работает без электросети.

И вот наконец репортаж передо мной. Не знаю, почему, но внутренне я был уже готов опровергать. Наверное, сработала застарелая привычка — журналист-то американский. Но чем дальше я читал репортаж Тримбла, тем больше понимал: опровергать мне практически нечего. Более того, я вдруг почувствовал, что стал относиться к его материалу не как оппонент, а как редактор. Нет, Джефф совсем не идеализировал наш строй. С компьютерной точностью он перечислял наши проблемы, задавал острые вопросы. Но когда я попросил его добавить в материал эмоций, то есть дать свою личную оценку тем или иным фактам, Джефф вежливо отказался: «Не имею права. Таковы законы американской журналистики».

Ну что ж, о законах не спорят, но мне бы очень хотелось узнать, например, что думает Тримбл о результатах опроса общественного мнения жителей Новосибирска, который проводила вместе со специалистами редакция журнала «ЭКО». Тема — отношение к перестройке. По данным опроса, 30% населения города за перестройку, 50% относятся к ней нейтрально и 20% — против.

За время нашего путешествия мы беседовали с людьми «с улицы», с партийными руководителями, директорами предприятий, представителями интеллигенции. Между встречами иногда не было и минутного перерыва, и тем резче и отчетливее мы могли сравнивать и оценивать людей. Были и такие, кто автоматически повторял лозунги «перестройка», «гласность», «человеческий фактор», видимо, не совсем усвоив суть этих понятий, не зная, что за ними стоит. К счастью, большинство наших собеседников не только знали, но и воплощали эти понятия в жизнь. Среди них и Мария Дмитриевна Шолар, которая вот уже 40 лет руководит колхозом «Маяк». Здесь строят новые дома молодым парням, возвращающимся из армии. «Он придет, а домик уже стоит»,— просто говорит Мария Дмитриевна. Уверен, проведи в ее колхозе опрос общественного мнения — результаты были бы совсем другими, нежели в Новосибирске.

Шел пятый день нашей командировки. Вечером

Продолжение на стр. 18.

Третьим участником совместного советско-американского репортажа был фотокорреспондент «Огонька» Сергей Петрухин. Эти фотографии — его отчет о командировке, насыщенной встречами. Конечно, мы не можем опубликовать все фотографии,— их несколько сотен.

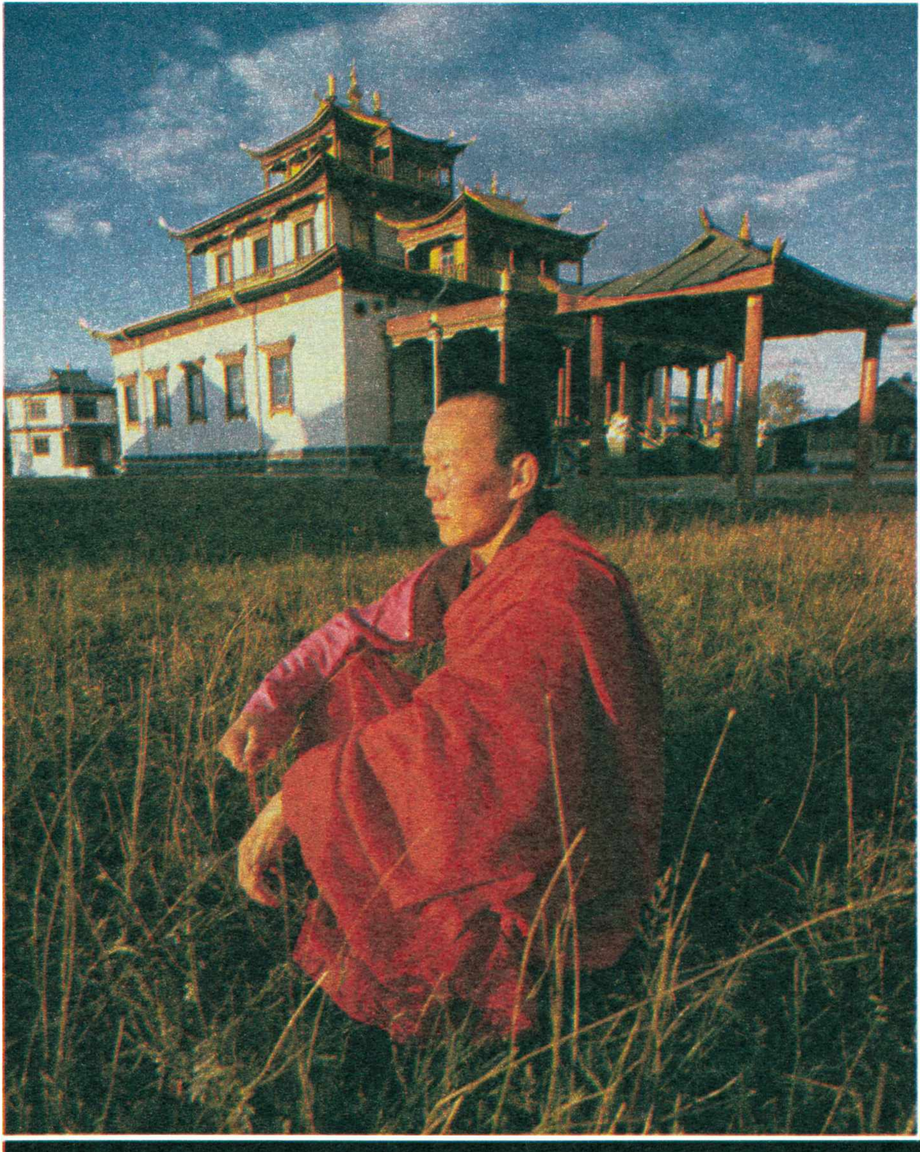

Итак,
перед вами
стоп-кадры
из хроники
поездки.
Все 7 городов:
Одессу, Алма-Ату,
Улан-Удэ,
Северобайкальск,
Новосибирск,
Ленинград,
Ригу — журналисты
должны были проехать
за 15 дней
(именно на столько
отпустила
корреспондента
из Москвы редакция
«Ю. С. Ньюс»).
Ничего не скажешь,
жесткое условие.
Ни сам Тримбл,
ни его редакция
реально
не представляли себе
расстояний,
которые предстояло
преодолеть...

СМЕШНАЯ РАБОТА

В КАКОМ БЫ ЦИРКОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ НИ УЧАСТВОВАЛ КЛОУН СЕНЯ, ОН ЖЕ СЕМЕН МАРГУЛЯН, ЭТОМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЮ ОБЕСПЕЧЕН УСПЕХ. АРТИСТ ЗАВОЕВЫВАЕТ СИМПАТИИ С ПЕРВОЙ ЖЕ ВЫХОДНОЙ РЕПРИЗЫ «СВИСТ». ОН ДЕЛАЕТ ВСЕ ТОЧНО И ОРГАНИЧНО. НЕВЕРОЯТНО СМЕШНО И С ТОЙ ДОЛЕЙ ПОДЛИННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВКУСА, КОГДА РЕЗУЛЬТАТ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ОСОБЫМ «ЧУТЬ-ЧУТЬ»: НЕДОДЕЛАЛ ЧУТЬ-ЧУТЬ ИЛИ ПЕРЕИГРАЛ ЧУТЬ-ЧУТЬ — И НЕТ ИСКУССТВА, ОСТАНЕТСЯ ТОЛЬКО РЕМЕСЛО, ПОЯВЛЯЕТСЯ ФАЛЬШЬ.

Клоун! Вы его видите на фотографии. Он один из лучших наших коверных. Говорю об этом с полной ответственностью, ибо не единожды видел, как он доводил зал до гомерического хохота, до исступления, до колик, когда от смеха выступают слезы.

Он начинал мотогонщиком.

Реклама гласила: «Мотогонки по отвесной стене! Уникальные трюки с риском для жизни!! Спешите!!!»

Реклама явно перебарщивала по части трюков и риска, но — что верно, то верно — работа была жуткой по изнурительности. По десять, а то и пятнадцать заездов в день. Артист-исполнитель и одновременно автомеханик, администратор. Денег, правда, много, а вот удовольствия от такой почти механической работы никакого. Не выдержал — ушел. Ушел в униформисты.

Узнал по-настоящему цирк. Цирк, который любил с детства. Из униформистов перешел в акробаты, а затем стал клоуном в одной из групп «Цирка на сцене». Работа опять же на износ. Переезды почти каждый день. Места выступлений — от клуба-сарайчика (сценическая площадка четыре квадратных метра) до дворца спорта. И всегда и всюду он заставлял всех смеяться.

Домашние сокрушались. У сына диплом об окончании железнодорожного техникума. Диплом с отличием, позволяющий вне конкурса поступать в институт, а их сын, просто стыдно признаться в этом соседям, валяет дурака, хочет стать профессиональным шутом.

Он действительно смешной. Обаятельный, ловкий, сильный, забавный, ироничный, непредсказуемый и всегда, в каждом жесте органичен... Что бы он ни делал, все выходит у него достоверным. А самое главное — у него умный смех. Не смех ради смеха, а смех разящий, ироничный.

Если бы он показывал клоунаду «Колокольчики» один, без помощи Ирины Маргулян, прекрасно играющей на скрипке и обладающей талантом актерского перевоплощения, то он тоже, не сомневаюсь, доводил бы зрительный зал до гомерического хохота.

Коронная реприза — «Таинственное яйцо». Она стала классикой. Многие видели ее в исполнении Юрия Никулина и Михаила Шуйдина, ибо Центральное телевидение часто ее показывает. Я однажды наблюдал за лицом Юрия Никулина, смотревшего «Таинственное яйцо» в исполнении Семена Маргуляна и начинающего клоуна Игоря Подчуфарова (Игорь Подчуфаров — партнер талантливого мастера, я надеюсь, он меня правильно поймет, главный в этом дуэте — Семен Маргулян). Я видел, как народный артист СССР Юрий Никулин, наблюдая за Семеном Маргуляном, смеялся громче всех. Хотя он, Никулин, репертуар этого коверного знал наизусть. А смеялся! Смеялся, потому что Семен Маргулян каждый раз работает по-новому. Ощущение, будто он ежевечерне на арене импровизирует. Импровизирует на высшем уровне.

Клоун Сеня развивает традиции лучших советских клоунов — Мусли, Карандаша, Енгибарова. И уже сегодня многие молодые артисты цирка у него учатся.

...Бессонные ночи, когда ты не в состоянии заснуть, хотя и безумно устал, отработав три представления в день, как это бывает по субботним и воскресным дням, в праздники, во время школьных каникул. Ты не можешь уснуть, пытаясь проанализировать, почему зрители смеялись, как кажется, сегодня меньше, чем всегда. Может быть, это произошло оттого, что на спектакль пришли другие клоуны и ты слишком волновался?

Легко ли быть клоуном? Легко ли круглогодично разъезжать по стране и жить в гостиницах (к клоунам у администраторов гостиниц отношение чуть ироничное)? Легко ли репетировать по ночам (днем манеж отдают дрессировщикам и групповым номерам, а клоун — он может репетировать и ночью)? Легко ли одно и то же повторять сотни раз, пытаясь научить своих ассистентов (а в каждом цирке они все время новые) точности, легкости? Риторические вопросы.

Мне вспоминаются слова одного из лучших современных режиссеров цирка, ныне художественного руководителя Всесоюзной дирекции по подготовке новых номеров и аттракционов Александра Калмыкова об искусстве клоунады: «На манеже нужно работать так, чтобы зрителю казалось, что сегодняшняя реприза, клоунада, интермедия исполняется в первый и последний раз, чтобы зрителям казалось, что виденное ими рождается на их глазах и при их участии. Вот так нужно работать». Действительно, чувство импровизации — одно из важнейших условий клоунского труда.

Он великолепно водит машину, способен починить любую технику — от выключателя в квартире до сложнейшей радиотехники,— и не только способен, но и любит этим заниматься. В нем явно погиб талантливый инженер. А может быть, не погиб — просто клоун победил инженера, и теперь инженер помогает клоуну в создании трюкового реквизита?

Более чем в тридцати странах с успехом гастролировал Семен Маргулян. Совсем недавно он выступал в Никарагуа, затем властвовал на манеже столичного цирка шапито в ЦПКиО имени Горького, и вот он уже в Канаде.

В Канаду планировались другие клоуны — тоже талантливые, интересные, перспективные,— но импресарио, увидев в одной из программ Семена Маргуляна, «закапризничал»: «Прошу дать только Семена Маргуляна, и это теперь мое главное условие при организации гастролей!»

— В цирк я попал по великому желанию, но в то же время случайно,— рассказывает артист.— И клоуном стал случайно. Мне во всем сопутствовал случай. Но этот случай приходит только тогда, когда ты все делаешь для того, чтобы он пришел. Ты хочешь чего-то добиться — и добиваешься, ищешь, пробуешь. Вот тут и появляется Его Величество Случай. И своего партнера Игоря Подчуфарова я нашел случайно. Но это, должен вам сказать, отличный случай, везение. Мне действительно очень везет. Мне повезло, что меня пригласили работать в цирк на Цветной бульвар. Это академия цирка. Мне повезло, что со мной занимался Юрий Владимирович Никулин, которому я очень обязан. Мне повезло с автором, Леонидом Куксо,— это друг, единомышленник. Мне удивительно везет со зрителями: они понимают меня, а я, как мне кажется, понимаю их.

Сколько стоит смех? Золото имеет цену, а вот смех — сколько он стоит?

Общеизвестно, смех не продается. Вроде все верно. Но мы же платим за билеты в цирк? Два рубля 50 копеек в первый ряд, рубль — на ярус. И, приходя на представление, ожидая появления клоунов, просто жаждем посмеяться.

Как обозначить на бумаге смех?

Ха-ха, хи-хи, кхе-кхе...

А сколько оттенков у смеха? Сколько интонаций? Какой бывает смех? Саркастический, гомерический, веселый, раскатистый, резкий, странный, грустный. Смех до колик, смех до слез.

Вот этим умением — умением вызывать смех у зрителя, смех самых разных оттенков и интонаций — блестяще владеют клоуны Семен Маргулян и его партнер Игорь Подчуфаров.

Как-то я был в цирке на представлении с участием Семена Маргуляна вместе с друзьями. Супружеская пара. В день нашего похода они, так получилось, поссорились и поэтому пришли в цирк порознь. После представления они уходили вместе. Муж подавал жене в гардеробе пальто. Жена заботливо поправляла у мужа шарф. Их сын, девятилетний мальчишка, просто светился, взяв за руки мать и отца, не разговаривавших до этого целый день. Семья побывала в цирке! Они вместе смеялись на представлении. И помирились. Их помирил клоун.

— Хочу быть клоуном! У них смешная работа! — вдруг выкрикнул на весь зал во время представления озорной мальчишка лет пяти. Выкрикнул так, что все в цирке засмеялись.

Смешная работа!

Как тут не вспомнить известную притчу о клоунах.

Когда-то известный клоун Боб О'Коннор, способный заставить публику покатываться в цирке от хохота, страдал в жизни ипохондрией. Он лечился у невропатолога. Тот прописал обтирание холодной водой, дал ряд советов, а в заключение сказал:

— Пойдите для развлечения в цирк, где выступает смешной клоун Боб О'Коннор, и вы непременно развеселитесь.

— Боб О'Коннор — это я,— уныло ответил артист.

Смешная работа...

Владимир ШАХИДЖАНЯН,
фото Анатолия БОЧИНИНА.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ

ПРИРОДУ ЛЮБЯТ НЕ ВСЕ

«Вы любите природу?» — спросили мы у браконьера Альберта Колесникова (см. «Огонек» № 42). Он ответил вопросом. Из него следовало: если можно что-то взять.

Живет А. Колесников в поселке Торфопредприятия, расположенном на территории национального парка Лосиный остров. Убеждения браконьера, к сожалению, разделяют иные его соседи, любовь которых к природе отразилась при сносе построек на самовольно занятых участках. Студентов, приехавших помочь навести порядок в парке, тут встретили дрекольем...

Но если «огородников», защищающих свои потребительские интересы, еще как-то можно понять, то уяснить логику Калининградского горисполкома затруднительно. Во-первых, городские власти не торопятся выполнять решение о переселении четырехсот жителей поселка в Калининград. Напротив, к этим сотням добавились с соизволения властей новые.

Во-вторых, совсем недавно исполком принял решение снести сараи подле незаконных огородов. Но возложил сию миссию на... администрацию парка. Вам, мол, надо, вы и действуйте. А себе отвел роль контролирующую.

И как не сопоставить единицы калининградцев с тысячами москвичей, участвовавших в субботниках и воскресниках в городской части парка. Понятно, он им нужнее: парк — «легкие» столицы. Москвичи пришли помочь Острову из бескорыстных побуждений — красиво в лесу, и птицы поют, и белки почти ручные. И дышится в самом деле полной грудью. Приезжали поработать иностранные студенты, ирландские школьники. Поклон им низкий за помощь.

Дирекция парка благодарна всем участникам и организаторам — Советскому комитету защиты мира, МГУ, КМО СССР, Всероссийскому обществу охраны природы, Сокольническому райисполкому, школьникам, учащимся ПТУ и педучилищ, которые недавно посадили в честь 70-летия Великого Октября тридцать липок и сорок дубков. Признателен Лосиный остров писателю С. Залыгину, философу Э. Гирусову, биологу Н. Реймерсу и многим, многим другим. И еще тем, кто справедливо требует использовать строящееся на территории парка здание пансионата ПО «Красный богатырь» как Экологический центр.

До новой встречи на Лосином острове!

Борис РЯЗАНЦЕВ

Начало на стр. 16.

мы довольно долго бродили по Алма-Ате. Ноги уже начали деревенеть, и я сказал: «Джефф, пора возвращаться». «Почему?» — спросил он. Тут я решил пошутить: «Да ведь комендантский час скоро». В ответ от Тримбла, не страдающего отсутствием юмора, я ожидал услышать все что угодно, только не... «Да ты что!» — Он весь напрягся. Уже потом Джефф смущенно оправдывался, что в Москве он слышал и даже читал в какой-то американской газете, что еще во время декабрьских событий в Алма-Ате был введен комендантский час.

Неужели события последних лет в нашей стране дают основания верить во всякую небывальщину и все, что нам кажется логичным, воспринимается американцами, даже специалистами, как хаос, случайное стечение обстоятельств?

Неужели, когда мы видим одно и то же, наше мышление, построенное на разных подходах, стереотипах, делает прямо противоположные выводы?

Рано утром в Новосибирске в Академгородке начался праздник. Его организовали школьники в честь своих гостей — сверстников из разных американских штатов. Ребятам было настолько весело, что даже противный моросящий дождь не помешал им устроить хоровод. Мы с Джеффом стояли у парадного подъезда одного из зданий, укрывшись от дождя, и ждали момента, чтобы сфотографировать торжественную церемонию посадки деревьев.

«Смотри».— Джефф легонько толкнул меня локтем. Я проследил за его взглядом и увидел трех здоровых мужиков, стоящих недалеко от нас, прямо под дождем. Широкоплечие, в наглухо застегнутых черных кожаных пальто, будто купленных в одном магазине, в надвинутых на глаза широкополых фетровых шляпах... Живописная троица.

«Уж очень они одинаковые,— усмехнулся Джефф.— Уверен, что любой американец принял бы их за агентов КГБ». И, еще раз взглянув на них, добавил: «Как в плохом американском кино».

В этот момент нас позвали. Советские и американские школьники сосредоточенно помогали друг другу сажать молодые березки, бережно утаптывая землю и распрямляя хрупкие стволы деревьев.

Ни на кого не глядя, мимо нас прошествовала знакомая троица. У каждого в руках был объемный ящик, обтянутый черным кожзаменителем.

«Рацию понесли,— со смехом сказал Джефф.— Сейчас в Москву передавать будут».

И тут, будто услышав нас, «агенты» открыли свои черные ящики и достали оттуда разноцветные баяны. На поляне раздались первые аккорды «Амурских волн». Хорошо, что мы стояли чуть в стороне, а все ребята собрались вокруг музыкантов,— никто, надеюсь, не слышал, как хохотали два журналиста.

Мне очень хочется, чтобы так же легко рушились и исчезали стереотипы, создаваемые годами. Хочется, чтобы сообщения газет и программы «Время» не разделяли нас, воздвигая непреодолимые стены из взаимных упреков и обвинений. Мощь вооружений не может быть единственно общим, что связывает наши страны. Это ненормально. Сегодня нам просто необходимы новые точки соприкосновения. Они нужны для доверия, для сотрудничества, и самое главное, для совместного выживания.

«Верите ли вы в возможность нормального сотрудничества с США?» — спросил я у председателя агрофирмы «Адажи» Альберта Эрнестовича Каулса.

«Верю»,— сказал он.

«Подумайте,— настаивал я. — Администрация Картера создала политический прецедент, установив эмбарго на научно-техническое сотрудничество с СССР. На БАМе нам рассказывали, как в один миг разрушилось отличное перспективное сотрудничество с американской фирмой «Робинс», которая продавала Бамтоннельстрою механизированные горнопроходческие машины. С западногерманской фирмой «Вирт» приходилось начинать все сначала. Политический прецедент — опасная вещь. Кто даст гарантию, что через несколько лет администрация США не использует эмбарго вновь? Ваша агрофирма — не Бамтоннельстрой, она уже сегодня работает в условиях хозрасчета, а это означает, что вы как председатель фирмы здорово рискуете прогореть. Что вы на это скажете?»

Альберт Эрнестович задумался, а потом, упрямо мотнув головой, сказал: «Я все же рискну. Потому что я верю в сотрудничество».

Дмитрий БИРЮКОВ

Джефф ТРИМБЛ,
корреспондент журнала
«Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК

ОДЕССА

Как только с советской экономики сняли «смирительную рубашку», в Одессе начался прилив предпринимательской деятельности, которая сдерживалась на протяжении почти всех 70 лет, минувших с Октябрьской революции.

Теперь все по-другому.

Сегодня по улицам города колесят 500 частных такси. Они начали острую конкурентную борьбу за пассажиров с государственными автомобилями.

Парки пестрят маленькими палатками, где на законных основаниях продаются одежда и всевозможные поделки. Художники делают наброски портретов, получая до 10 рублей (16 долларов) за каждый рисунок.

Одно кооперативное предприятие сообщает в своей рекламе о готовности стать посредником и помочь в обмене жилья. Другие предприимчивые, следуя советам океанографов, занимаются разведением мидий на Черном море. Это выгодно также с экологической точки зрения, так как мидии питаются планктоном, который в последние годы уменьшил содержание кислорода в воде у побережья Одессы.

И все же самым бойким местом бесспорно является новое кооперативное кафе «Вишневое» на Дерибасовской улице в самом центре города. Пользуясь поддержкой местного клуба портовых рабочих, директор кафе 28-летний Константин Кадцин и его помощник 34-летний Ян Циринготкрыли видеокафе. Утром, как правило, здесь идут мультфильмы. Вечером вход только по билетам, и уже демонстрируют художественные фильмы. Алкогольных напитков в продаже нет. Западные кинокартины привлекают множество зрителей, но «Рэмбо» и других жестоких фильмов в программе нет.

18-часовой рабочий день пяти членов кооператива оплачивается высоко: повара получают 400 рублей, что в два раза превышает средний уровень зарплаты в Советском Союзе. Пока предприятие становится на ноги, оно облагается по согласованию с местными властями лишь небольшим налогом: всего 3 процента от доходов в течение первого года, 4 процента — в течение второго и 10 процентов — в течение третьего.

О чем мечтает Кадцин? «Открыть целую сеть кафе после того, как первое наберет силу».

Свобода пришла в социальную сферу. Светловолосые хористки и танцоры брейка шесть вечеров в неделю отплясывают под громкие звуки западных шлягеров в ресторане гостиницы «Красная». Власти настояли на постановке этого шоу и привлекли к участию в нем выпускников местной школы искусств.

Новые веяния не ограничиваются пределами города. Неподалеку, в грузовом порту Ильичевск, докеры объединились в бригады по договорным обязательствам. В результате зарплата возросла в целом на 10 процентов. Есть, правда, неожиданный побочный эффект: из 8 тысяч рабочих мест 900 было упразднено. Но это не привело к безработице, поскольку все уволенные, как правило, могут найти другую работу.

Логика новой системы, по словам заместителя начальника порта Николая Гришина, полностью отвечает интересам экономики. «В прошлом, если ты работал много и производил больше нормы, то получал тот же оклад, только на следующий год твоя норма повышалась. А кому это нужно? Теперь — чем больше работаешь, тем больше и получаешь, а это, как вы понимаете, в интересах бригады,» — говорит Гришин.

КОЛХОЗ «МАЯК», УКРАИНА

Мария Шолар — живое доказательство того, что среди людей, разбирающихся в прибылях, есть не только молодые. 64-летняя Шолар — председатель колхоза «Маяк», расположенного на холмистой местности в 120 милях к северо-западу от Одессы. В 1944 году 20-летнюю трактористку Шолар назначили председателем. По ее оценкам, в годы правления Брежнева уровень доходов был самым низким.

«В течение 20 лет руководство не интересовалось сельским хозяйством,— говорит Шолар.— Оно лишь указывало нам, что мы должны произвести для выполнения плана, и мы делали все, что было в наших силах. Теперь все изменилось. Благодаря реформам люди наконец начали работать».

Как и в Ильичевском порту, большинство из 515 колхозников «Маяка» трудятся в составе бригад, выполняя договорные обязательства. Оклады растут, повышается и моральный дух рабочих, хотя старые беды — низкая производительность, плохое планирование, нехватка качественного оборудования — сказываются на окончательных результатах производственной деятельности «Маяка».

В то время, когда началась массовая миграция сельских жителей в города, Шолар повела решительную борьбу за то, чтобы ее ребята оставались в колхозе. Она предоставила свободный кредит на покупку или строительство дома. У молодых людей появилась материальная заинтересованность в возвращении домой после прохождения обязательной воинской службы. Материнская забота Шолар проявилась и в том, что на каждого ребенка в колхозной семье бесплатно выдается литр молока в день.

Колхозные дома на одну семью выстроены добротно, но в них нет водопровода, а кухни находятся в надворных постройках. Дороги в «Маяке» заасфальтированы, что является предметом зависти многих советских колхозников, которые знают, сколько зерна пропадает в дорожной грязи.

Шолар считает, что патриотизм — это основа деятельности ее колхоза. Здесь бережно относятся к памяти погибших во второй мировой войне. 354 человека из «Маяка» ушли на войну. 170 не вернулись. Шолар ведет нас к монументу, на котором высечены имена павших. Памятник весь в цветах.

Дело не в том, насколько прочны основы подобного патриотизма. Главное, нельзя отрицать его существование. Именно он помог Марии Шолар и многим другим пройти через хорошие и плохие времена и обязательно поможет в будущем, какими бы ни были изменения в политическом курсе страны.

АЛМА-АТА

Посещение общественной бани в Алма-Ате переубедит всякого, кто ошибочно называет всех жителей СССР просто «русскими».

Когда входишь внутрь, где сотни людей парятся, делают массаж, моются и спят, возникает ощущение, будто попал на сессию ООН, все делегаты которой голые. В Казахстане, второй по величине республике Советского Союза, живут 16 миллионов человек 100 различных национальностей.

На бумаге, а именно в Конституции СССР, советская система действует прямо противоположно американской концепции «смешения рас и народов». Конституция СССР гарантирует национальным меньшинствам образование на родном языке. Все народности пропорционально представлены в государственных органах. Они гордятся сохранением своих национальных традиций. В этой связи можно привести пример государственного казахского театра в Алма-Ате, возглавляемого известным казахским

актером Асанали Ашимовым. Спектакли идут на казахском языке с русским переводом. Труппа театра часто гастролирует по Советскому Союзу, показывая пьесы как казахских, так и авторов других национальностей.

Однако для того, чтобы преуспеть в обществе, надо хорошо знать русский язык. Во многих вузах обучение ведется на русском языке. В Москве деловой и правительственный язык только русский. К тому же русские преобладают в структуре партийной власти.

Все это вызывает значительные трудности. В декабре 1986 года казахские националисты организовали волнение после смещения с должности Динмухамеда Кунаева, который много лет стоял во главе республиканской партийной организации. В результате беспорядков погиб один человек. События потрясли республику. Теперь новые партийные руководители ведут борьбу с коррупцией, наследием времен Кунаева. Правда, по-прежнему бюст Кунаева стоит рядом с его особняком в центре Алма-Аты.

За декабрьскими выступлениями в Алма-Ате последовали демонстрации других живущих в СССР этнических меньшинств, в частности крымских татар.

УЛАН-УДЭ

Вряд ли можно представить, что здесь, на унылой, продуваемой ветрами сибирской равнине, отслуживший в армии молодой человек сможет найти путь к Будде.

Но случилось так, что именно здесь десять лет назад Эрдем нашел свое призвание во время посещения дацана — буддийского храма, расположенного недалеко от Улан-Удэ. Теперь Эрдему 33 года, и он священник в храме.

Жизнь Эрдема — яркий пример сложных отношений между религией и государством. После обращения в веру молодой выпускник технологического института добился разрешения учиться на священника в соседней Монголии. Сейчас он скромно зарабатывает на жизнь в дацане, одном из двух буддийских храмов в СССР. После работы он облачается в повседневную одежду, забирается в свою малолитражку и едет в Улан-Удэ, где живет его семья. По словам Эрдема, жена, которая работает бухгалтером, «ничего не имеет против» его не совсем обычной профессии.

Советская конституция гарантирует «свободу вероисповедания», то есть отправление каждым человеком религиозных обрядов, если он того пожелает. Но на деле все намного сложнее.

Детям сообщают в школе о пороках и злодеяниях церковников.

Секты должны регистрироваться властями. Тысячи храмов, мечетей и других мест поклонения богу были уничтожены воинствующими атеистами в 30-х и 50-х годах. Были утрачены художественные и духовные ценности, которые теперь оплакивают представители советской интеллигенции, многие из которых атеисты.

Согласно западным данным, в 1915 году в Российской империи жили 16 тысяч буддийских монахов. А в 1960 году в СССР их было всего 300.

Тем не менее религия существует и продолжает привлекать небольшое число людей, и даже молодых, таких, как Эрдем.

Руководители общин официально заключили мир с системой. Они солидарны с советской позицией по контролю над вооружениями и по другим вопросам международной жизни, а также входят в состав советских делегаций высокого уровня на форумах, посвященных проблемам сохранения мира. Буддисты, например, активно поддерживают политику Советского Союза в Азии на международных конференциях.

СЕВЕРОБАЙКАЛЬСК, СИБИРЬ

Отдаленное и суровое сибирское поселение напоминает нарисованные около ста лет тому назад пейзажи американского «Дикого Запада», если добавить к ним еще и сборные домики из гофрированного железа.

Местные жители устало идут мимо деревянных фасадов магазинов Северобайкальска — города, которого 15 лет назад еще не существовало. За это время его население выросло до 50 тысяч жителей. Медведи и дикие соболи бродят по берегам находящегося неподалеку озера Байкал. В городе господствует дух строительства и готовности выполнить любое задание наряду со здоровым недовольством плановиками, сидящими в своих московских конторах на расстоянии пяти часовых поясов отсюда.

Жизнь этому городу дала железная дорога протяженностью 2 тысячи миль, известная под названием БАМ, Байкало-Амурская магистраль, второй транссибирский рельсовый путь, огибающий с севера озеро Байкал и ведущий к Дальнему Востоку. Она играет жизненно важную роль в разработанном для Сибири плане развития, осуществление которого займет два десятка лет и обойдется в 400 миллиардов долларов. В недрах Сибири — три четверти всех природных ресурсов Советского Союза, в том числе половина мировых залежей угля, а также пятая часть мирового лесного покрова. К сокровищам не так легко добраться: две трети сибирской земли находятся в зоне вечной мерзлоты. Суровые зимние холода и ураганы неохотно сменяются коротким влажным летом.

БАМ, названный советской прессой «проектом века», наглядно демонстрирует состояние развития Сибири, характеризующееся чередованием хороших и плохих новостей. Завершение строительства БАМа, прокладываемого через горы в суровых климатических условиях с использованием многомиллиардных средств, станет воистину триумфом человека и его инженерной мысли.

В 1984 году советские телезрители увидели, как две бригады строителей в торжественной обстановке соединили рельсы, завершив прокладку лишь через год после намеченного срока. Однако нормальные перевозки по магистрали, несмотря на поднятую официальными кругами шумиху, не начнутся по крайней мере до 1989 года.

Строительство осложняется бюрократическими неувязками, спорами всевозможных министерств и ведомств.

Промышленное строительство в районе БАМа и в Сибири подвергалось резкой критике и даже приостанавливалось под давлением сторонников охраны окружающей среды, которые выступают за сохранение природной красоты озера Байкал.

Более 2 миллионов рабочих приехали строить БАМ. Одних привлекла высокая заработная плата, других — романтика. В Северобайкальске каждая третья семья имеет машину, а этот показатель куда выше, чем в европейской части СССР. Доходы семьи по меньшей мере в три раза превышают средний уровень по стране. Плотник Владимир Митраев 12 лет назад приехал вместе с женой работать на прокладке тоннелей. Теперь у них двое детей, и они заняты на строительстве совхоза недалеко от Северобайкальска. Живут в удобном четырехкомнатном деревянном доме. Возле дома — сад и баня-сауна.

«Зачем мне жить где-то в другом месте?» — спрашивает Митраев, предложив гостям из Москвы выращенные в своей теплице свежие помидоры величиной с бейсбольный мяч. После московских очередей и перебоев с продуктами есть о чем подумать.

НОВОСИБИРСК

Колыбель перестройки — Новосибирск, интеллектуальный центр которого находится в Академгородке. Академгородок с его трехрядными улицами и блочными домами не похож на рабочий кабинет революционеров. Должностные лица решительно отрицают его главенствующую роль, утверждая, что перестройка — общенародное, массовое явление. Однако именно отсюда, из этого научно-исследовательского центра, где живут девять тысяч научных работников и академиков с семьями, вышли такие люди, как Абел Аганбегян и Татьяна Заславская, чьи давние радикальные идеи либерализации экономики стали теперь повседневной политикой Кремля.

Сегодня, когда верх берет их линия, толпа в Новосибирске обсуждает возможные последствия и окончательные контуры экономических реформ Горбачева.

«Мы расплачиваемся за ошибки прошлого»,— вздыхает Борис Орлов, профессор экономики Новосибирского университета. «Нам еще предстоит освобождаться от догм сталинизма»,— добавляет он. Вряд ли подобное заявление было бы так просто сделать до гласности.

Отвечая на провокационный вопрос, Орлов и другие говорят, что придерживаются нового подхода не из стремления угодить Москве. «При Брежневе и до него,— утверждает Орлов,— мы сидели тихо, но никогда не отказывались от своих взглядов».

В другом институте на той же улице академик Андрей Ершов говорит о грядущей компьютеризации Советского Союза. Он решительно отверг предположение о том, что в закрытом обществе возможен свободный обмен информацией, который принесет компьютеризация. «А контроль над информацией — это оружие бюрократов»,— добавляет Ершов.

«При нашей громадной территории информатика станет центральной нервной системой, которая сегодня жизненно необходима для Советского Союза,— утверждает Ершов.— Информатизация — это следующий этап после электрификации, индустриализации и коллективизации».

В настоящий момент перед учеными стоит труднейшая задача. Телефонные линии работают плохо, затрудняя передачу информации. Уровень контроля за качеством на производстве компьютеров ниже среднего. Технология намного отстает от западной. Даже у Ершова в кабинете нет компьютера.

Как здесь, в Новосибирске, так и везде по стране сейчас чувствуется общий идеологический настрой — возвращение к основополагающим трудам Ленина. Цель: обращаться к Ленину за решением всех насущных вопросов. В этой связи 63 года, прошедшие со дня смерти Ленина, расцениваются как исключительное время. Эксцессы сталинского периода рассматриваются как обусловленные зачастую крайней исторической необходимостью. Даже самые жесткие критики Сталина не преминут иной раз признать, что при нем страна добилась выдающихся успехов в экономике.

Говоря о перестройке, заместитель главного редактора журнала «ЭКО» Владимир Быков выразил то чувство, которое проявлялось у нас во время бесед об экономике в Новосибирске. «У нас нет выбора,— однозначно говорит он,— у нас нет другого пути».

ЗАМЕТКИ ПО ХОДУ ДЕЛА

Самые тяжелые минуты наступают для меня в Советском Союзе тогда, когда я вижу, как образ Америки подается его жителям.

Во время ожидания в аэропорту Улан-Удэ после двух захватывающих дней в отдаленных районах Сибири я видел, как вечерняя телепрограмма новостей «Время», которую ежедневно смотрят 150 миллионов советских людей, выдает злобную антиамериканскую тираду по поводу вьетнамской войны.

Главной темой этого телесюжета был отказ Вашингтона нормализовать торговые отношения с Вьетнамом. Но показывали-то кадры, запечатлевшие горящие деревни, стреляющих морских пехотинцев и убитых вьетнамских детей.

В самолете на пути в Ленинград пробегаю глазами длинную статью нью-йоркского корреспондента «Правды» Геннадия Васильева под названием «Встреча в Гарлеме». Слегка съязвив насчет 200-летия американской конституции, Васильев с яростью обрушивается на положение в области прав человека в США.

«...спектр форм попрания прав человека в США чрезвычайно широк,— заявляет он,— от лишения миллионов людей права на работу... от расовой дискриминации чернокожих американцев до фактического геноцида против первоначальных хозяев этой земли — индейцев».

Васильев пишет: «Нередко американец иронически улыбается, когда ему говорят, что в США есть политические заключенные. Но они есть».

Примеры показывают, с каким образом Америки выросли советские люди и как они научились нас видеть. Происшедшие за последние месяцы незначительные изменения не смогут сразу разбить подобные представления.

ЛЕНИНГРАД

Проститутка сбрасывает обтягивающую юбку и заваливается на кровать с клиентом, рослым милиционером, ушедшим с дежурства для удовлетворения своей страсти.

И все это происходит не на загнивающем Западе, а на сцене в Ленинграде, колыбели советской революции, которая свершилась 70 лет назад.

«Звезды на утреннем небе», спектакль об исковерканной жизни московских женщин,— гвоздь театрального сезона в городе. Но это лишь одна из сторон гласности — волна культурной и социальной либерализации, прибившаяся к берегам вошедшего в историю балтийского порта.

В нескольких кварталах от театра, где идут «Звезды», руководители рок-клуба, объединения начинающих самодеятельных рок-групп, прослушивают новых кандидатов.

Чуть дальше на Невском проспекте члены «Спасения», неформального объединения, цель которого — охранять памятники старины, обсуждают возможность проведения демонстраций.

Другое неформальное объединение под названием «Гайд-парк» вынашивает идею создания в Ленинграде такого общественного места, где, как в лондонском Гайд-парке, люди могли бы без предварительного официального разрешения собираться и высказывать свою точку зрения по любому вопросу. Сократ Петров, второй секретарь Ленинградского горкома партии, не исключает возможности осуществления такой идеи. «Нам придется рассмотреть ее,— говорит он,— и пока я не вижу здесь никаких проблем». Но члены объединения считают, что трудности еще впереди.

Лев Додин, пользующийся уважением художественный руководитель Малого драматического театра, утверждает, что поставил бы «Звезды» и раньше, даже если бы пьеса была написана пять лет назад. Однако признает: «Сомневаюсь, что она появилась бы на сцене».

«Многие считают, что не надо изображать плохое на сцене, что зрителю надо нести положительные примеры,— рассуждает Додин,— но научить то-

му, что хорошо, нельзя показом одного только хорошего.

Где же пределы?

Начнем с того, что практически все новые санкционированные группы и активисты тщательно придерживаются официальной линии, восхваляя Горбачева и перестройку.

«Мы хотим помочь перестройке,— заявляет Сергей Васильев из группы «Спасение»,— не будь перестройки, не было бы и нас».

«Спасение» само по себе уже не может считаться неформальным объединением, так как оно зарегистрировано у местных властей. Рок-клуб также существует на законных основаниях как официальная культурная организация.

Короче, никто не бросает вызов самой системе, как это постоянно случается на Западе, и никто открыто не отрицает ведущую роль Коммунистической партии. Правда, власти ограничили свободу выражения протеста. Теперь, чтобы провести демонстрацию в Ленинграде, необходимо подать официальное уведомление за 10 дней. Подобные правила действуют и в Москве.

Но, несмотря на эти ограничения, общественная жизнь бьет ключом.

РИГА

Советскую журналистику, освещающую внутренние темы, захлестнула волна гласности, и ее роль капитана болельщиков сменилась ролью критика, вскрывающего недостатки.

До недавних пор центральные издания были во главе прорыва к гласности. Но теперь острая журналистика появилась и в других местах, в частности в Риге, столице Советской Латвии.

«Прежде мы вяло сидели на местах, а сейчас прыгаем,— улыбается Янис Бритланс, редактор «Цини», основной рижской газеты на латышском языке.— Обычно в августе мы смотрели друг на друга, не зная, чем заполнить номер. А теперь иной корреспондент целый год бьется, чтобы его напечатали».

«Циня», выходящая без перерыва с 1904 года,— старейшее коммунистическое издание. Она возникла еще до «Правды».

«Перестройка началась здесь, в Латвии, чуть раньше, чем во всей стране,— указывает Бритланс.— И нам надо поспевать за переменами». И в самом деле, крохотная прибалтийская республика с населением 2,6 миллиона человек может похвастаться бóльшим количеством экономических нововведений, чем любая другая часть СССР.

Сегодня в газете критика партийных и государственных деятелей, бюрократов; проблема охраны окружающей среды; преступность и другие вопросы, которые редко затрагивались при Брежневе. В те времена советская печать воспевала практически каждый шаг руководства.

Ныне «Циня» оказывается на равном положении с западными газетами. Должностные лица после критического выступления газеты подают на нее в суд. «Циня» только что выиграла свой первый крупный процесс, который был затеян одним из руководителей местной милиции, уволенным за служебные проступки. Он обвинил «Циню» во лжи, заявив, что газета неправильно сообщила о причине его ухода с работы. Газета дала отпор, избрав проверенный временем способ защиты: она сообщила правду, а правда не может быть клеветой. И суд согласился.

На вопрос о том, укрепляет ли журналистская бдительность связь между корреспондентами и должностными лицами, Бритланс ответил: «Никто не хочет быть объектом критики».

Цензура печати сохраняется. Но Бритланс, как и другие встретившиеся нам в поездке журналисты, утверждает, что цензоры теперь следят только за тем, чтобы не разглашались военные и государственные тайны, и не касаются критических выступлений. Как говорят журналисты, сейчас все чаще встречается самоцензура редакторов, не желающих раздвигать рамки гласности и навлекать на себя неприятности.

Новое направление журналистской деятельности во многом определяется письмами читателей, ежедневно приходящими сотнями в редакцию «Цини».

«Раньше наши темы, как правило, нисходили сверху,— отмечает Бритланс.— Теперь их все чаще диктуют нам сами читатели».

Прежде в письмах главным образом писали о жилье и других повседневных заботах. Теперь читатели затрагивают такие вопросы, как демократия, роль Коммунистической партии и перестройка.

«Мы мало пишем о нашей истории, и это приводит к недопониманию»,— сокрушается Бритланс и обещает более открыто говорить о прошлом и продолжать уделять внимание имеющимся трудностям, высвеченным перестройкой.

Перевел Егор ВАСИЛЬЕВ.

Тэффи — литературный псевдоним Надежды Александровны Бучинской (урожденная Лохвицкая) (1872—1952). А. И. Куприн писал, что псевдоним этот взят по имени одного из персонажей английского писателя Киплинга — «непокорной девочки, буйного и откровенного характера». Куприн называл писательницу «единственной, оригинальной, чудесной Тэффи, которую любят и дети-подростки, и пылкая молодежь, и зрелые люди труда, и посыпанные сединой старцы». Талант Тэффи ценил И. А. Бунин, отметивший,

что ее рассказы написаны «здорово, просто, с большим остроумием и чудесной насмешливостью». Тэффи — автор свыше 40 книг прозы и стихов. Советским читателям ее творчество мало известно, так как с 1920 года писательница жила за рубежом. Умерла в Париже. Тэффи писала о себе: «Думаю, что в моих произведениях я правильно поняла детскую психологию и поняла также животных и их переживания». Публикуем впервые в советской печати рассказ Тэффи «Подземные корни» (из цикла «Дети») и рассказ о животных «Знамение времени».

Публикация
А. В. ХРАБРОВИЦКОГО

Н. А. ТЭФФИ — РАССКАЗЫ — Рисунки Петра ПИНКИСЕВИЧА

ПОДЗЕМНЫЕ КОРНИ

Лиза сидела за чайным столом не на своем месте. «Свое место» было для нее на стуле с тремя томами старых телефонных книг. Эти книги подкладывали под нее потому, что для своих шести лет была она слишком мала ростом и над столом торчал один нос. И в этих трех телефонных книгах было ее тайное мучение, оскорбление и позор. Ей хотелось быть большой и взрослой.

Весь дом полон большими, сидящими на обыкновенных человеческих стульях. Она одна маленькая. И если только в столовой никого не было, она будто по ошибке садилась не на свой стул.

Может быть, от этих трех телефонных книг и осталось у нее на всю жизнь сознание обойденности, незаслуженного унижения, вечного стремления както подняться, возвыситься, снять обиду.

— Опять пролила молоко,— брюзжал над ней старушечий голос.— И чего не на свое место села? Вот я маме скажу, она тебе задаст.

Что «задаст» — это верно. Это без ошибки. Она только и делает, что задает. И всегда что-нибудь найдет. Ей и жаловаться не надо. То зачем растрепанная, то зачем локти на стол, то грязные ногти, то носом дергаешь, то горбишься, то не так вилку, то чавкнула. Весь день, весь день! За это, говорят, ее надо любить.

Как любить? Что значит любить?

Она любит маленького картонного слоника, простого елочного. В нем были конфетки-драже. Его она любит до боли. Она его пеленает. Его хобот вылезает из белого чепчика, такой жалкий, бедный, доверчивый, что ей хочется плакать от нежности. Она слоника прячет. Инстинкт подсказывает. Если увидят — засмеют, обидят. Гриша способен даже нарочно сломать слоника.

Гриша теперь совсем большой. Ему одиннадцать лет. Он ходит в гимназию, а по праздникам его навещают товарищи — пухлый Тулзин и черненький Фишер с хохолком. Они расставляют на столе солдатиков, прыгают через стулья и дерутся. Они могущественные и сильные мужчины. Они никогда не смеются и не шутят. У них нахмуренные брови, отрывистые голоса. Они жестоки. Особенно пухлый Тулзин, у которого дрожат щеки, когда он сердится.

Но страшнее всех брат Гриша. Те чужие и не смеют, например, ее щипать. Гриша все может. Он брат. Ей кажется, что он стыдится за нее перед товарищами. Ему унизительно, что у него такая сестра, которая сидит на трех телефонных книгах. Вот у Фишера, говорят, сестра так сестра — старая, ей сем-над-цать лет. За такую не стыдно.

Сегодня как раз праздник, и оба они — и Тулзин, и Фишер — придут. Боже мой, боже мой! Что-то будет?

Утром водили в церковь. Мама, тетя Женя (эта хуже всех), нянька Варвара. Гриша — ему-то хорошо, он теперь в гимназии и пошел с учениками. А ее тиранили.

Тетя Женя свистит в ухо:

— Если не умеешь молиться, то хоть крестись.

Она отлично умеет молиться. «Пошли, господи, здоровья папе, маме, братцу Грише, тете Жене и мне, младенцу Лизавете». Знает «Богородица дева, радуйся».

В церкви темно. Грозные басы гудят непонятные и грозные слова «аки, аще, аху...». Вспоминается, что бог все видит, и все знает, и за все накажет. Мама не все знает, а и то тошно. И бога надо любить! Вот Варвара кланяется в пояс, крестится, закидывая голову назад, и потом сжатой горстью дотрагивается до полу. Тетя Женя, та подкатывает глаза и качает головой, точно с укором. Вот, значит, так надо любить.

Она поворачивается, чтобы посмотреть, как любят другие. И снова свистящий шепот около уха:

— Стой смирно! Наказание господне с тобой!

Она истово перекрестилась, откинув голову, как Варвара, вздохнула, подкатила глаза, встала на колени. Постояла немножко. Больно коленкам. Присела на пятки.

И опять около уха, но уже не свистящий шепот, а воркотливый говорок:

— Встань сейчас же и веди себя прилично.

Это мама.

А сердитые басы гудят грозные слова. Это все, верно, о том, что бог ее накажет.

Как раз перед ней огромное паникадило. На нем потрескивают свечи, капает воск. Вон и внизу, у самого пола, налипло на него воску. Она тихонько подползла на коленках, чтобы отколупнуть кусочек.

Тяжелая лапа поймала ее за плечо и подняла с полу.

— Балуй, балуй,— закрякала Варвара.— Вот ужо придешь домой, мама тебе задаст.

Мама задаст. Бог тоже все видит и тоже накажет.

Отчего она не умеет так делать, как все другие? Потом, через двадцать лет, она скажет в страшную, решающую минуту своей жизни:

— Почему я не умею так делать, как другие? Почему я ни в чем никогда не могу притворяться?

После завтрака пришли Тулзин и Фишер.

У Тулзина был замечательный носовой платок — огромный и страшно толстый. Как простыня. Отдувал карман барабаном. Тулзин тер им свой круглый нос, не развертывая, а держа, как пакет тряпья. Нос был мягкий, а пакет тряпья твердый, неумолимый. Нос багровел.

Тот, кого Лиза полюбит через девятнадцать лет, будет носить тонкие, маленькие, почти женские платочки с большой шелковистой монограммой. Четкая сумма любви состоит из стольких слагаемых... Что мы знаем?

Фишер, черненький, с хохолком, задира, как молодой петушок, суетится у стола в столовой. Он принес целую коробку оловянных солдатиков и торопит Гришу достать скорее своих, чтобы развернуть поле сражения.

У Тулзина всего одна пушечка. Он ее держит в кармане и вываливает каждый раз, как достает свой носовой платок.

Гриша приносит свои коробки и вдруг замечает сестру. Лиза сидит на высоком креслице и, чувствуя себя лишней, смотрит исподлобья на военные приготовления.

— Варвара! — бешено кричит Гриша.— Уберите отсюда эту дуру, она мешает.

Приходит Варвара из кухни, с засученными рукавами.

— Ты тут чего скандалишь, постреленок? — говорит она сердито.

Лиза вся сжимается, крепко цепляется за ручки креслица. Еще неизвестно — может быть, ее будут тащить за ноги...

— Хочу и буду скандалить,— огрызается Гриша.— А ты мне не смеешь делать замечания, я теперь учусь.

Лиза отлично понимает смысл этих слов. «Я учусь» значит, что теперь он перешел в ведение другого начальства и имеет полное право не слушать и не признавать бабу Варвару. С детской и с няньками покончено.

Очевидно, Варвара все это отлично сама понимает, потому что отвечает уже менее грозно:

— А учишься, так и веди себя по-ученому. Чего ты Лизутку гоняешь? Куда мне ее деть? Там тетя Женя отдыхает, а в гостиной чужая барыня. Куда я ее дену? Ну? Она же сидит тихо. Она никому не мешает.

— Нет, врешь! Мешает,— кричит Гриша.— Мы не можем расставить как следует солдатиков, когда она смотрит.

— А не можешь, так и не расставляй. Важное кушанье!

— Дура баба!

Гриша весь красный. Ему неловко перед товарищами, что какая-то грязная старуха им командует.

Лиза втянула голову в плечи и быстро переводит глаза с Варвары на Гришу, с Гриши на Варвару. Она прекрасная дама, перед которой сражаются два рыцаря. Варвара защищает ее цвета.

— Все равно ей здесь не сидеть! — кричит Гриша и хватает Лизу за ноги. Но та уцепилась так крепко, что Гриша тянет ее вместе с креслом.

Тулзин и Фишер не обращают ни малейшего внимания на все эти бурные события. Они спокойно вытряхивают солдатиков из круглых лубяных коробочек и расставляют их на столе. Такой дракой их не удивишь. У самих дома дела не лучше. Тетка, нянька, младшие братья, старшие сестры, старые девки, лет по шестнадцати. Словом, их не удивишь.

— Ну, Гришка Вагулов, ты скоро? — деловито справляется Тулзин и выволакивает свой чудесный платок. Пушечка падает на пол.

— Ах да,— говорит он.— Вот и артиллерия. Куда ее ставить?

Гриша отпускает Лизины ноги, внушительно подносит к самому ее носу кулак и говорит:

— Ну все равно. Сиди. Только не смей смотреть на солдат и не смей дышать, иначе ты все мне тут перепортишь. Слышишь? Не смей дышать! У-у, коровища!

«Коровища» вздыхает глубоким, дрожащим вздохом, набирает воздуху надолго. Неизвестно ведь, когда ей позволят снова вздохнуть.

Мальчики принимаются за дело. Фишер достает своих солдатиков. Они совсем не подходят к Гришиным. Они вдвое крупнее. Они ярко раскрашены.

— Это гренадеры,— с гордостью говорит Фишер.

Грише неприятно, что они лучше его солдатиков.

— Но их слишком мало. Придется расставить их по краям стола, как часовых. Тогда по крайней мере будет понятно, почему они такие огромные.

— А почему? — недоумевает Тулзин.

— Ну, ясное дело. Часовые всегда выбирают великанов. Опасная служба. Все спят, а он бодра... бурда... бордовствует.

Фишер доволен.

— Еще бы,— говорит он.— Это герои!

Лизе безумно любопытно взглянуть на героев. Она понимает, что теперь не до нее. Она тихонько сползает со стула, подходит к столу, вытягивает шею и близко-близко, словно обнюхивая, смотрит.

— Тррах!

Гриша ударил ее прямо по носу кулаком.

— Кровь! Кровь! — кричит кто-то.

На поле сражения брызнула первая кровь.

Лиза слышит свой острый визг. Глаза у нее закрыты. Кто-то вопит. Варвара? Лизу несут.

Через много лет она скажет:

— Нет, я никогда не полюблю вас. Вы герой. Самое слово «герой» вызывает во мне, я не знаю почему, такую тоску, такое отчаяние. Я же говорю вам, что не знаю почему. Мне близки тихие-тихие люди. С ними мне спокойно. Ах, не знаю, не знаю почему.

ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ

За последнее время мне случалось несколько раз касаться темы о животных. И, надо сказать, ни один из моих рассказов, за редкими исключениями, не вызывал такого горячего отклика читателей, как именно рассказы о животных.

Это знамение времени.

Природа и звери. Вот что волнует и трогает душу современного человека.

Я помню, как читалась вышедшая года три назад книга «Лесника», совсем незамысловатая, о лесном шуме, о деревьях, зверях, рыбах и птицах.

Люди, никогда не живавшие в деревне, с трогательным интересом читали и рассказывали друг другу о том, как ловится лососина, как белка собирает на зиму запас орехов, как спит медведь и как птицы вьют гнезда.

Книга Пришвина про корень женьшень с описанием тайги и быта оленей бралась в библиотеке нарасхват, и нужно было ждать очереди, чтобы получить ее.

Лекции профессора Давыдова о зверях, птицах и природе собирают всегда переполненный зал. В этом случае, конечно, большую долю интереса нужно отнести к необычайному лекторскому таланту профессора, но и сама тема привлекает слушателей.

Чем это объяснить? Почему такое внимание, почему такая любовь к зверям?

И ведь не только к литературе о них, к художественному их изображению. Любят его, настоящего, живого зверя.

Никогда не было на свете столько собак, столько кошек. И это не только вопрос моды (сейчас у каждой элегантной женщины как аксессуар туалета должна быть собака). Не только вопрос моды, но и настоящая потребность видеть в своем доме милого зверя.

И когда встречаются, захлебываясь, рассказывают друг другу каждый о своем: о своей собаке, о своей кошке. Не слушают друг друга, перебивают — так много нужно рассказать одному про его бульдога, другому — про попугая, третьему — про своего кота, совсем обыкновенного, но вместе с тем замечательного. Бульдог отличается огромным ростом и басовитым лаем, попугай позволяет почесать себе голову и даже сам подставляет — «ну, прямо как человек», а обыкновенный кот задумчиво смотрит на муху, замечательно жмурится, и, что особенно удивительно, неизвестно, что он при этом думает.

Владелец бульдога вырезает из всех журналов все попадающие на страницы бульдожьи морды,

одни — потому, что похожи на его Жимку, другие — потому, что их никак и сравнить нельзя.

Владелец кота носит в бумажнике фотографию, очень хорошо схватившую черты любимого лица, кошачьей морды.

Попугай так чисто выговаривает «дурак, пьяная рожа», что не его учить, а у него следовало бы многим поучиться дикции.

Словом, есть что порассказать.

Но самое главное не это. Не то, что попугай дивно выговаривает, что бульдог самый мордастый в мире, что кот жмурится, как никто. Главное то, что человек, возвращаясь домой, знает, что кот ждет его, уткнув нос в дверь так плотно, что каждый раз еле успевает отскочить, чтобы не получить по лбу. И знает, что пес шевелит ушами каждый раз, как загудит лифт, и вздыхает, когда лифт поднимается выше. И знает, что попугай уже давно сердито стучит клювом по прутьям клетки и стонет, и ждет, когда заскребет ключ в замке входной двери, чтобы бодро и радостно крикнуть от всей души все, что бог послал на душу и что человек дал разуму: «Дуррак! Пьяная рррожа!»

Так искренне и чисто радоваться встрече со «своим» человеком может только зверь.

Ему все равно, что собой представляет этот вернувшийся, вошедший в дом хозяин. Проваливший роль актер, освистанный певец, избитый шулер, уличенный мошенник, не понятый толпою гений, старый петух с выщипанным хвостом — все равно для зверя он одинаково любим и дорог.

Перед зверем притворяться не надо. Да его и нельзя обмануть.

Вы можете войти в дом очень бодро и весело, сказать жене и другу, что унывать нечего, что, в сущности, дела обстоят не так плохо и, наверное, очень скоро наладятся. И жена улыбнется и успокоится, а друг скажет этой самой жене:

— Я же говорил вам, что не из-за чего тревожиться.

И успокоится тоже, если только беспокоился. Но вернее, что и не беспокоился. Друзья беспокоятся редко. Чувство дружбы выявляется иначе. Оно выявляется любопытством к вашим интимным делам и стремлением сняться с вами на одной фотографии, если вы по рангу своему стоите выше.

Одна старая писательница говорила как-то про одну известную петербургскую даму:

— Эта женщина для достижения своих целей не остановится ни перед какой низостью. Можете мне верить, я ее хорошо знаю — я ее лучший друг.

Так говорила эта старая писательница и никак не могла понять, почему я засмеялась.

Человек — дурак. Человек о человеке ничего не знает. Человек всегда человеком обманут.

Что знаем мы друг о друге, кроме вранья и притворства? Там, где зверь рычит,— человек сдержанно улыбается.

Там, где зверь воет,— человек спокойно говорит о посторонних делах.

И человек человека всегда отлично обманет, но никогда не обманет зверя.

Помню, был такой случай: вечер в провинциальном доме. Вечер не в смысле развлечения, а просто в смысле предночного времени. Собрались серьезные тихие люди, говорили о политике, о разных текущих делах, без споров и разногласий, спокойно и мирно. Это было еще до войны, когда вообще люди могли говорить, не волнуясь.

Но один среди нас как-то выбивался из общего темпа. Он был в каком-то приподнятом настроении, которое все мы приняли за веселое. Он рассказывал анекдоты, всех перебивал, шутил. Мы его таким никогда не видали и немножко удивлялись, что он вдруг так развернулся.

— Никогда человека до конца не узнаешь. Всегда был таким угрюмым, а теперь как разошелся! Влюбился, что ли?

У хозяев была собака. Самый обыкновенный пес, рыжий сеттер. И вот этот рыжий сеттер лежал тут же в углу и, не спуская глаз, следил за веселым господином. Потом подошел, положил обе лапы ему на колени и, закинув голову, тихо завыл.

Собаку отогнали, но на веселого человека ее поведение произвело, по-видимому, очень беспокойное впечатление. Он начал нервно смеяться, что-то говорил непонятное и, когда все решили, что пора расходиться, стал умолять посидеть еще немного, что было очень странно, так как сами хозяева гостей уже не удерживали. На улице он убеждал всех пойти погулять, пройтись к речке, хотя было темно и стал накрапывать дождь. Он всех проводил домой и, прощаясь с последним, долго удерживал его на крыльце.

И никто из нас не понял его настроения. Для нас он был развеселившимся нытиком. Его настроение понял только чужой зверь, чужая собака. Зверь почувствовал и завыл. А мы узнали только на другое утро, что веселый господин, вернувшись домой, пустил себе пулю в лоб.

А ведь как он за нас цеплялся! Как старался дать нам то, что люди больше всего ценят в ближнем,— смех, забаву! Думал, что даст нам веселье и этим удержит около себя, и не останется один, лицом к лицу с тем черным, что уже дожидалось его.

Зверь все понял. А мы понять не могли. И человек в трагическую минуту своей жизни, окруженный хорошо расположенными к нему людьми, был одинок.

И если бы был около него в этот вечер исключительно близкий ему человек — он бы тоже не понял его. Потому что люди объясняют свое душевное состояние словами, то есть только приблизительно. А зверь чувствует то, что находится за этими словами, самую эмоциональную сущность. И в ответ на слова человек ответит:

— Вы нервничаете? Да и немудрено: мы все теперь стали такими неврастениками. Постарайтесь взять себя в руки и встряхнуться.

А зверь в ответ на то, что находится за словами, положит человеку на колени обе лапы и тихо завоет.

«Одиночество! Одиночество!» — вечный вопль человека.

Как уйти от него?

В идейную работу? В семейную жизнь? В любовь?

Но идейная работа доступна человеку, только полному сил и веры в идею. А именно тогда, когда он завопит об одиночестве, у него сил уже не будет.

Семья? Семья бывает у человека только в те годы его жизни, когда она ему, пожалуй, меньше всего нужна. К заключительным годам его жизни семья рассыпается. Нежно любимая дочь («Сможет ли что-нибудь разорвать эти узы!») говорит своему мужу:

— Скоро Новый год. Надо не забыть папу поздравить.

— Напиши, а я припишу.

— Ах, я совсем не знаю, что ему писать? Лучше ты напиши, а я припишу.

— Неловко, ведь ты дочь. Ты должна написать.

— Пустяки. Он знает, что я терпеть не могу писать. Ты напиши, что я занята и потом напишу побольше. А я только припишу.

И отец получит приписку дочери и, чтобы не было очень больно, сумеет объяснить своему глупому сердцу, что милой девочке некогда, а то бы она наваляла четыре страницы. Главное, что не забыла, вспомнила, написала.

Спаянной навеки остается только большей частью несчастная семья — горбатая дочь, чахоточный сын — все те, которым пути ухода остались закрыты.

А человек из счастливой семьи остается один.

— Все, слава богу, хорошо устроились. Сын пишет из Америки, дочь не пишет из Конго. А я вот завел песика Бумку. Замечательный! Возвращаешься домой — он уже встречает. И знаете, я еще внизу, еще и до лифта не дошел, а он уже чувствует. Носится по квартире как угорелый — то к окну, то к двери, до того рад, что себя не помнит. И вот уж без лести предан. На прошлой неделе уехал я на четыре дня в Фонтэнбло и поручил консьержке Бумку кормить. Так ведь каков негодяй — в рот ничего не взял. Рычал на бедную бабу и зубы скалил. Уехал бы я надолго, он с голоду бы сдох. Ну, прямо дурак! Изволь, значит, с ним всю жизнь сидеть. И что он во мне такого нашел? Кормлю его неважно, ругаю иногда, случится — и ногой пихну. Чудеса!

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Юрий КРИЧЕВСКИЙ

НИКТО НЕ СТАНЕТ ОСПАРИВАТЬ СЕГОДНЯ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ КООПЕРАТИВОВ. ПО МНЕНИЮ ВИДНОГО СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО АКАДЕМИКА О. БОГОМОЛОВА, ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ПУТЬ ОЗДОРОВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА СВЯЗАН, В ЧАСТНОСТИ, С РАЗВИТИЕМ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КООПЕРАТИВОВ. ВЕСЬМА УБЕДИТЕЛЕН ЗДЕСЬ И ПРИМЕР БРАТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН. ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ КООПЕРАТИВЫ ТАК ТРУДНО, С ТАКИМ СКРИПОМ ВХОДЯТ В НАШУ ЖИЗНЬ?

●

ИЗ ДНЕВНИКА КООПЕРАТОРА

«7.09.87. 9.30. Приняты председателем комиссии исполкома Моссовета по ИТД и кооперативной деятельности А. Паниным, чтобы завизировать устав. Он отослал нас к Н. Благиревой. 11.00 у Благиревой. Полистав устав, тов. Благирева велела убрать из текста цифры и перепечатать заново. 11.20. Прощаемся. Звонить о новой встрече предложено десятого в 9.30.

10.09.87. Телефон у Благиревой отозвался только в 13.20. Встреча назначена на 16.00. Прибыли в 15.30, приняты в 16.30. Благирева произвела сверку устава «Комплекса» с Примерным уставом кооператива, опубликованным в «Экономической газете». После того, как тексты оказались неидентичны, отвела нас к юристу. 17.10. Юрист, выслушав Благиреву, заявил нам: «Вы полгода всем тут надоедаете. Хотите работать, делайте, что вам говорят». 17.20. Вернувшись с нами к себе, тов. Благирева внесла в наш устав ряд пометок и исправлений, вычеркнула отдельные положения. Мы заикнулись было о том, что нам пообещали в телепередаче «Человек и закон», посвященной ИТД, и получили следующий ответ: «Мало ли чего там в прессе наговорят, это одни прожекты, а не закон. Советую переписать Примерный устав слово в слово. И не забудьте, что вам разрешается иметь дело только с частными лицами. Все расчеты наличными, но денежные средства кооператива непременно должны храниться в банке».

17.40. Вновь уходим из Моссовета с пустыми руками, зря потратив целый рабочий день, и недоумевае: зачем банк, если расчеты наличными? И самое интересное, что основное сырье, материалы, оборудование, как известно, отпускаются по перечислению...»

ХОТЯ СЛОВА И ЗВУЧАЛИ...

Решающими факторами безопасности атомных реакторов эксперты МАГАТЭ называют надежность систем управления, быстродействие и качество ввода аварийных стержней защиты.

Так вот одной исследовательской группой разработаны электромагнитные элементы с быстродействием во много раз выше тех, что сегодня служат на атомных станциях. Мало того, авторский коллектив предложил использовать в роботах-бульдозерах, «не желавших» работать в зоне сильной радиации (отказывала электроника), дееспособные при облучении электромагнитные элементы.

Кандидат технических наук Рубен Артурович Агаронянц примкнул со своей группой к создающемуся кооперативному объединению «Комплекс». Его пай — фундаментальные открытия магнитоупругого электромагнитного эффекта и явления динамической магнитной стабильности электромеханических систем (несколько монографий Р. Агаронянца на эти темы вышли в издательстве «Наука»). Ожидаемая экономия от внедрения открытий только в отраслях машиностроения должна составить ежегодно около полутора миллиардов рублей.

Ну и что? — спросит читатель. А ничего. Открытия Агаронянца и его коллег были известны еще давно, однако ни в ГКНТ, ни в АН СССР, ни в Минприборе их не замечали, равно как и отзывов крупнейших специалистов. Чернобыльская трагедия в числе других ответила и на вопрос, нужны ли отечественной науке и технике подобные исследования. Заметим, что авторский коллектив не ждал, а обращался с письмами в различные инстанции, взывал к общественности со страниц журнала «Изобретатель и рационализатор». Результат? Министерства, ответственные за внедрение прогрессивной технологии, отделались от рабочей группы «Комплекса» отписками.

МЕХАНИЗМ ТОРМОЖЕНИЯ

Механизм торможения обыкновенно связывают со злой волей отдельных лиц. Думается, куда как просто ткнуть пальцем в бюрократов, противодействующих разумным начинаниям. Гораздо труднее разобраться в том, почему они так поступают. Не последнее место, как мне кажется, занимают здесь стереотипы восприятия, стойкая неприязнь к тем, кого по инерции принято обзывать «нэпманами».

Образ кооператора в нашем сознании трансформировался с течением времени от этакого ухватистого мужичка с туеском клюквы или мешком пушнины до лихого парня в кепочке «семь листков, одна заклепка», отмеривающего на прилавке штуки довоенного ситца. Посмотрите, как у нас в кино изображают нэпманов. Это либо жалкие личности в галстуке бабочкой, с бегающими глазами, либо американизированные дельцы в бриджах и ботинках на каучуковой подошве. Вместе с тем новая экономическая политика вызвала к жизни и другой тип предпринимателя — человека дальновидного, смелого, энергичного, отнюдь не думавшего лишь о собственной выгоде. Среди кооператоров тех лет было немало представителей научной и технической интеллигенции, боровшихся за реализацию своих замыслов. Именно эти люди, усвоившие суть ленинских положений о нэпе, образовывали его глубинное течение, если угодно, своеобразный Гольфстрим.

Полагаю, что сходные по характеру люди обращаются к кооперативной деятельности и сегодня. Им нелегко преодолевать сопротивление тех, кто усматривает в их действиях прежде всего личную корысть и жажду наживы. Наверняка есть среди новых кооператоров и такие. Но погоды они, как говорится, не делают.

Инициативная группа «Комплекса» — 25 высококвалифицированных специалистов, хорошо знающих нужды городского коммунального хозяйства, узкие места строительства, потребности производства. И не просто знающих, а способных быстро, эффективно удовлетворить многие из этих нужд и потребностей с прибылью для государства и, естественно, для себя.

Знакомьтесь. Юрий Сергеевич Крикоров (председатель) — инженер-строитель, в настоящее время пенсионер. Его брат Вадим Сергеевич — доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, заместитель директора АмурКНИИ, директор Инженерно-технического центра ДВНЦ АН СССР — готов возглавить дальневосточный филиал задуманного кооператива. Геннадий Семенович Бузов — кандидат технических наук, инженер-шахтостроитель, автор 22 внедренных изобретений. Пенсионер Владимир Викторович Дубровский по специальности техник-механик, в недавнем прошлом начальник управления «Главмосремонт». Олег Александрович Лукинский — руководитель лаборатории объединения «Росреставрация». Владимир Викторович Красов — кандидат технических наук, лауреат Государственной премии и премии Совета Министров СССР...

Серьезные, как видим, люди, внушающие доверие.

ЛЮДИ ИЗ «КОМПЛЕКСА»

В ходе уже упоминавшейся телепередачи «Человек и закон» первый заместитель председателя исполкома Моссовета Ю. М. Лушков дал обещание организаторам кооператива выделить в порядке эксперимента для их объединения необходимые помещения площадью две тысячи квадратных метров. Воодушевленные столь авторитетным заверением, члены инициативной группы вновь устремились в «коридоры власти», но вновь наткнулись на бюрократические препоны. Производственной базы как не было, так и нет.

«Комплекса» пока тоже. Слишком уж, видимо, он непривычен. Вот если бы кооперативное кафе или мастерская, тогда на здоровье. А то, глядите-ка, желают иметь дело с государственными предприятиями, да еще во всесоюзном масштабе, от спектра их научно-технических предложений в глазах рябит. Хлопот с ними потом не оберешься!

Так примерно рассуждают уполномоченные по

ИТД люди, забывающие порою знаменитое ленинское положение о социализме как строе цивилизованных кооператоров. «...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»,— писал вождь революции в статье «О кооперации», подразумевая не только кооперирование крестьянства, но и программу построения социализма в нашей стране.

О ТЕХ, КОГО НЕТ

Они, конечно же, есть. И в то же время их нет, поскольку рожденные ими идеи и конкретные изобретения не находят практического применения. Нет Р. Агаронянца с его группой. Нет автора оригинального метода гидроизоляции кровель и стен подвалов О. Лукинского, внедряющего свое детище уже без малого 18 лет. Нет члена инициативной группы «Комплекса» Г. Бузова, опасающегося, что подобная участь ждет изобретенный им механизм, устраняющий ручной труд при прокладке тоннелей, сооружении силосных ям и подземных резервуаров для хранения (причем без фильтрации!) горюче-смазочных веществ. Нет, выходит, еще одного потенциального кооператора — доктора технических наук А. Ларина, под руководством которого разработан проект уникального грузоподъемного устройства. «Комплекс» готов создать опытные образцы, но негде — в базе пока отказывают...

В то же время пустует небольшой завод в Зеленограде стоимостью три с половиной миллиона рублей. Он принадлежит «Союзспецремэнерго» и не функционирует с 1983 года. Так сдайте завод в аренду кооперативу, коли самим не нужен! Право, всем будет больше пользы. Во Владимирской области предоставляют «Комплексу» бывший санаторий из пяти корпусов и давно закрытую шелкоткацкую фабрику в придачу. «Нельзя!» — раздается из облисполкома, ведь кооператив зарегистрирован в Гагаринском районе столицы...

О БЕРЕГАХ ИНИЦИАТИВЫ

Почему же не дают хода «Комплексу»? Пугает его многопрофильность? Так ведь на то и эксперимент, чтобы пробовать. Нет резона бояться неизбежной борьбы взглядов, которые возникают в период становления новых кооперативных форм. Известный исследователь экономической политики двадцатых годов доктор исторических наук профессор В. Дмитренко в беседе с корреспондентом «Известий» предостерегает от забвения основополагающего ленинского принципа кооперации: сначала *там,* потом *здесь.* «Когда же в кооперацию «спускается» интерес города или района,— указывает В. Дмитренко,— она попадает в рамки дозволенного. А рамки определяются не теми, кто кооперацию создает, а теми, кто ее разрешает. Так что первоначально предполагаются жесткие, но неопределенные ограничения, при которых этой форме деятельности развиваться трудно».

По мнению ученого, в 20-е годы экономическая самодеятельность вписывалась в централизованную систему, объединявшую и защищавшую интересы кооператоров. Сейчас пока еще каждый кооператив сам по себе, за ним не стоит кооперативная общественность, кооперативная система, кооперативный банк, наконец. А ведь заработанные деньги должны работать. На благо кооператива, на благо общества. Не то экономическая цепь обрывается, оставляя кооперативу лишь его хозяйственные связи и доход для личного потребления. Вопрос о расширении производства, о филиалах, о том, куда девать прибыль, если она высока, не решается.

СТРУКТУРА

Итак, кооперация не нововведение наших дней. Структура ее менялась, но суть оставалась неизменной, ибо свобода и раскованность человеческих отношений при социализме сами собой обусловливают подобные формы трудового содружества людей, захваченных общей идеей и объединяющихся, чтобы успешнее воплотить ее в жизнь, с выгодой для государства и, разумеется, для себя.

К сожалению, пока возникают преимущественно кооперативы в сфере торговли и бытовых услуг. Но интерес данных кооперативов сосредоточен лишь на получении прибыли. А разве в этом заключается цель кооперации? Заслуга ее не в том, сколько она получит прибыли. И даже не в том, сколько и чего она произведет. Главное — скольких людей она сможет объединить.

«Комплекс» — кооперативное многопрофильное научно-техническое и внедренческое объединение рассчитано человек на триста. Интересуетесь его организационной структурой? Пожалуйста. Она и впрямь достойна упоминания.

По утверждении устава избирается правление в составе девяти человек. Оплачиваемые единицы: председатель, заместитель, главный конструктор, бухгалтер, снабженец, диспетчер. Остальным начисляется процент с общего дохода от выполненных работ (предположительно от 25 до 60 процентов). Внутри бригады сумма заработанных денег делится по коэффициенту трудового участия. Ведомость ежемесячно сдается бухгалтеру, и зарплата переводится на лицевые счета членов-пайщиков. В «Комплексе» найдется место и студентам, и ученым, секций на всех хватит — строительная, проектно-изыскательских работ, по ремонту коммуникаций, бытового обслуживания, изобретений и пропаганды передовых знаний среди населения...

За признание такого вот кооператива по полной программе они и ведут с Моссоветом уже который месяц изнурительную тяжбу.

— Хотим взять на себя функции генподрядчика на строительство кооперативных гаражей и автостоянок в Москве,— говорит Ю. С. Крикоров.— Но поскольку заказчиком являются не сами гаражные кооперативы, а ГлавУКС, нам опять отказ. Между тем в огромном городе до сих пор не существует специализированной организации, ведущей такого рода строительство. Главмосстрой и Главмоспромстрой, за которыми этот фронт работ записан и которые обязаны их выполнять, отказываются; не хватает, мол, рабочих рук и мощностей. В итоге проблема не снимается, усугубляясь год от года...

Люди, настроенные обузить «Комплекс» до кооперативной мастерской, ссылаются на отсутствие в постановлении особых оговорок относительно аналогичного диапазона деятельности возможного кооператива. Приходится еще раз напомнить ясно и недвусмысленно: то, что специально не запрещается, считается разрешенным.

О ГУСЯХ, РЫБЕ И ПРОЧЕМ

На то они чудаки, чтобы мечтать. В Угранском районе на Смоленщине облюбовали брошенную деревню, придумали, как соорудить дамбу с родниковой водой и разводить силами пенсионеров-москвичей с ранней весны до поздней осени мальков ценных рыбных пород, гусей на откорм поставить, кур. Подсчитали и экономический эффект: до 500 гусей за сезон с одного гектара, с водоема — до семи центнеров товарной рыбы. Разве плохо?

Хотя что там гуси, рыба! В фирменном прейскуранте «Комплекса», помимо строительства дачных домиков и кооперативных гаражей, есть новаторская герметизация крыш и подвалов, очистка отопительных систем от каменной накипи. Сейчас в Москве протекает 25 процентов кровельной площади, многие подвальные помещения заполнены водой и разрушаются, десятки километров намертво закупоренных труб теплоцентралей просто-напросто вырезают и выбрасывают. Кооператив готов решить эти проблемы хоть завтра. Но его услуги пока никем не востребованы.

А чудаки все не унимаются. Знакомишься с их предложениями и невольно приходишь к мысли, что кооператив может все. Наладить в Благовещенске при АмурКНИИ безотходную технологию добычи драгоценных металлов. Ремонтировать фабричные трубы с экономией условного топлива. Устанавливать в подъездах жилых домов выключатели освещения на пьезоэлементах, так, чтобы в ночное время автоматически зажигались только дежурные лампочки через каждые два лестничных пролета (Моссовет, ратующий за повсеместную экономию электроэнергии, полгода изучает это предложение). Экранировать надземные и подземные резервуары полимерными пленками с разноцветными анкерными ребрами, используя их так же, как декоративные детали панелей зданий. Оснащать современными вентиляционными системами старые трикотажные фабрики, где впору работать в противогазах. Проводить профилактику заводских трансформаторов и т. д. и т. п.

Однако и это еще далеко не все. У чудаков в запасе организация массового выпуска полисветановой пленки, народнохозяйственное значение которой трудно переоценить (одно лишь применение ее в теплицах увеличивает урожай огурцов на 20 процентов, а помидоров — на все 60). В штабе «Комплекса» прикинули: если взять на вооружение технологию вакуумного напыления, фотолитографии, порошковой металлургии и прочее, можно освоить «у себя» на списанном оборудовании изготовление разнообразного ассортимента товаров повышенного спроса — от солнечных батарей на монокристаллах и пленках до специальных плат с разводкой для простых микросхем (узлы радиоаппаратуры, электронные детские игры).

В прошлом году Госплан и Госснаб СССР задались целью проверить, способна ли действующая система справиться с проблемами рационального использования вторресурсов. Выяснилось, что для выполнения намеченных мероприятий необходимо увеличить штат госснабовских заготовителей с 16 тысяч до 80—100 тысяч человек, а на устройство заготовительных пунктов выделить два миллиарда рублей капиталовложений. Кооперативы же обойдутся без дополнительных затрат и ассигнований, незначительным числом людей и гораздо более экономичным способом. В порядке эксперимента и родились первые заготтоварищества, убеждающие теперь в правильности избранного пути.

Вот бы и «Комплексу» позволить поэкспериментировать, риск-то невелик, пусть для начала в системе Госснаба, на вторсырье.

А портфель предложений кооператива все пополняется. Когда я готовил к печати эту статью, «команда» доктора технических наук, профессора В. Г. Хозина разработала новое научное направление в области модификации полимеров — антипластификацию, открывающую возможности создания на материале производственных отходов универсальных дешевых антикоррозийных покрытий и консервационных составов. Уже получены из эпоксидных полимеров их первые опытные партии (сам видел!). Внедрение этих чудо-композитов по разработанной «Комплексом» программе принесет народному хозяйству до 450 миллионов рублей экономии.

Ах, чудаки, чудаки! Носятся со своими консервантами, чьи преимущества перед традиционными очевидны любому специалисту. Доказывают невозмутимому начальству, что вскоре универсальные отечественные полимеры смогут потеснить железобетон, металл, дерево, что их охотно будут покупать у нас даже очень развитые страны.

А им в ответ: кто, скажите на милость, возьмется за внедрение? Желающих опять-таки, к сожалению, не обнаруживается. Кроме чудаков из «Комплекса», которые предлагают государству свои знания, опыт, инициативу. Предлагают сегодня, чтобы завтра, как не единожды случалось, реальный экспорт не обернулся импортом.

УСТАМИ ПОЭТА

В кратком вступлении Б. Ахмадулиной к недавней огоньковской подборке стихов Бориса Чичибабина есть такие слова:

«...о всеобщих доходах можно помышлять лишь при условии, что любой человек с любым человеческим талантом может заниматься своим делом по своему усмотрению. Иначе всеобщие убытки не восполнимы, не возместимы». Тонкая лирическая поэтесса чеканно формулирует мысль, которая сделала бы честь экономистам.

Неужели и впрямь наша промышленность не в состоянии сегодня реализовать столь ценные разработки? Тогда пусть поможет «Комплексу» внедрить их в производство в качестве генподрядчика, как он того добивается. А Моссовет (или иные инстанции) утвердят его соответствующий официальный статус. Пора наконец дать зеленый свет «Комплексу» и его делам, крайне нужным государству.

Каждые 15—20 лет в Москве полностью заменяют трубы горячего водоснабжения. Метод промывки, предложенный «Комплексом», увеличит срок службы этих коммуникаций в три-четыре раза и в десятки раз сократит затраты на их содержание. Я не говорю уже о протекающих кровлях зданий, латать которые нередко приглашают за валюту зарубежных специалистов!

Люди устали от несовершенств окружающей действительности и, быть может, потому, приветствуя кооперативное движение, ждут от него реальной незамедлительной отдачи, скорейших разрешений своих бытовых проблем, оздоровления хозяйственной деятельности. Ожидания эти оправданны.

Пора четко определить место кооперации в нашей жизни, всемерно поддерживать взваливающих на себя хлопотные и многотрудные заботы энтузиастов.

Уверен, «Комплекс» и другие подобные ему кооперативы органично войдут в наше социалистическое завтра.

●

М. Н. РОМАДИН. Род. 1940. БИТВА. 1975—1976 гг.

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ

Федоровка — небольшая деревенька, затерявшаяся в глухих тамбовских лесах, одна из тех российских деревень, где исстари живут талантливые мастеровые люди. Ее жители занимались гончарным промыслом: никудышной считалась невеста, не умевшая лепить горшки, а для парней и подавно мастерство было делом мужской чести. И малые дети в дело годились — ладили ручки к отцовским кувшинам.

Федоровский товар шел нарасхват: в крестьянском хозяйстве крынки, горшки, махотки, рукомои — вещи наинужнейшие. И по сей день спрос на федоровскую посуду велик — добротна, красива, практична: и холодит, мо-

локо в ней подолгу не киснет, и жара печного не боится.

Годы совсем не изменили выверенную временем форму горшков и кувшинов, и работают мастера, как встарь, на ручных гончарных кругах.

Многие семьи в деревне лепят и обжигают посуду: Попковы, Павловы, Стройковы, Уткины, а вот как у Григория Сергеевича Иванова — ни у кого не получается. Другого такого гончара в Федоровке нет, мастер он первостатейный. Поговаривают, правда, про него, что до седин дожил, а хозяйства ладного не нажил. Хоть и вырастил пятерых детей — четырех дочерей и сына, а никто из них в родительском доме не остался, все перебрались на жительство в столицу. Одни со старухой теперь век коротают, да все богатство в доме — с десяток разношерстных кошек.

Иные мастера стараются побольше смастерить посуды на продажу, а Иванов не торопится, обязательно еще зайцев, гусей либо охотников прилепит к крутобоким кувшинам, каждую крынку руками любовно отгладит, чтобы ровной да ладной вышла из горна. И потому-то вся его посуда звонкой и веселой получается.

Крестьянская работа всегда рук требует, и, только когда спадет летняя страда, к зиме поближе, заготовит мастер глины, примостит в сенях старый, потрескавшийся гончарный круг, разложит рядом нехитрые принадлежности.

Один из кувшинов работы Иванова был подарен гостье из Королевского шекспировского театра, которая долго не хотела верить, что этот черно-серебристый, классически изысканной формы сосуд сделан в наши дни простым деревенским мастером. Чернолощеную керамику легче увидеть среди музейных экспонатов, ведь почти такую же посуду лепили и древние славяне, а в доме Иванова она в ходу. Обработка ее требует особого мастерства и сноровки, обжигают посуду при сильно коптящем пламени, а сверху присыпают землей. И выходят из горна горшки и квасники цвета тамбовского чернозема.

Другие семьи в Федоровке, занимающиеся гончарством, не в пример Иванову, живут зажиточно. Видно, истинный художник всегда бессребреник. Иванов охотно отдает свою посуду на всевозможные выставки, щедро раздаривает гостям, заставит целый угол в избе лепным товаром — посудой, игрушками, рукой махнет: мол, забирай, что понравилось. Старый мастер после давней болезни не говорит, немой. Но и без слов его понять легко: приветлив, рад каждому, и глаза у него ясные, подетски чистые.

Когда попросили мы Григория Сергеевича показать удостоверение о присвоении ему в прошлом году звания народного мастера, старик долго искал, перетряхивал все «бумажки» (а в их числе были грамоты, выданные Союзом художников СССР, дипломы лауреата Всероссийских и Всесоюзной выставок), а нужной все не попадалось. И в самом деле, неважно для Иванова это запоздалое подтверждение его мастерства. Как был он мастером долгие годы, так им и остался.

Живет в тамбовской деревне народный мастер Иванов, один из тех Ивановых, на которых Россия держится.

Лариса ЧЕРКАШИНА

Фото Александра ВИКТОРОВА

ПОЭЗИЯ

Владимир РЕЦЕПТЕР

МУЗЫКЕ ДОВЕРЮСЬ ВДВОЙНЕ...

Владимиру Рецептеру решительно повезло. Перед ним одновременно возникли два пути. Случай редкий и поучительный.
Дело не только в сюжетной направленности стихотворений Рецептера, которые просто немыслимы вне сценической атмосферы, не в пристрастии автора к Шекспиру. Все это само собой разумеется, как явление культуры и личной страсти одаренного человека.
Но ведь стихотворения Рецептера буквально просятся быть произнесенными вслух, как бы ни были они далеки от огней рампы, от эстрады или трибуны. Они диалогичны изнутри. В них чувствуются экспрессия живого жеста, звонкая и напряженная артикуляция.
Поэт способен перевоплощаться, угадать в другом себя и в себе — другого: собственного деда и летчика, клоуна шекспировских времен и тень гамлетовского отца...
В поэзии Рецептера обнаружишь и строгое подчинение ритму и власть над ним. Во всяком случае, ямбом и хореем Рецептер владеет, как очень немногие.
Мне остается еще раз повторить: артистизм многих других стихов Владимира Рецептера безупречен, он не требует особых доказательств и анализа и сам в себе несет свою награду.
Но этот поэт и человечен, и жалостлив без сентиментальности, и не чужд иронии и усмешки (больше всего по своему же адресу), и наблюдателен к городской сутолоке рабочего дня: коротко же — это живой современный человек, много повидавший на своем веку.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ
1974 г.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Это, может быть, лучшее время
века нашего. Вместе со всеми,
кто нам дорог, склонимся к труду.
Под дурную не спляшем дуду.

Как на сердце ложится обнова,
так и выскажем честное слово,
не сболтнем, что у всех на слуху.
Вон как людно в любимом цеху!

Промолчим, уступая журналы
тем, которых давно не хватало,
кто сказал безупречней, чем мы
из своей замогильной тюрьмы.

Честь и место Вам, Анна Андревна!
Вы оплакали так неплачевно
без суда осужденных на ад.
Вашим словом и камни звучат.

Пусть, что знает, доскажет
Твардовский,
Правдолюбец Смоленский,
Московский —
от неправды, господь, упаси! —
И Всея справедливой Руси.

Пусть обычай божественных выдач
продолжает Борис Леонидыч,
благороден на все времена.
Отзывайся, живая струна!

Пусть отверзнется черная яма,
и ГУЛАГ воротит Мандельштама.
И Цветаева хоть напрочет,
хоть на время прощенье пришлет.

Кто бы знал в бессловесные ночи
до клейменого слога охочий,
что меж нами окажутся тут
Ходасевич, Иванов, Набоков,
Гумилев... Пересмотренных сроков
нам не счесть, как счастливых
минут.

Что ж, родных созывая с чужбины
в свой язык, золотой и единый,
разве станем слабее себя?
Нет, воистину. Время приспело.
Право слово, которое — дело.
Право дело, чье имя — судьба.

Сентябрь 1987 г.

ПОМИНАЛЬНЫЙ ПЛАЧ О МАТЕРИ И БРАТЕ

Не остановишь эти жернова.
Больница рядом, вот и слышу стон.
Жилплощадь отбирая и права,
смерть успевает обслужить район.

И все слышнее хруст, острее скрип,
тут не лопата шепчется с песком —
могильный скрепер на ветру охрип,
несытый ковш костей глотает ком.

Тут времена идут на времена,
и на кладбище тесно без чумы.
И нет войны, и вот она, война,
и в обороне лучшие умы.

Бушует пламя в топках трех печей,
у заправил на изготовку речь,
здесь крематорий — фабрика речей,
успей решить: сжигаться либо лечь.

Отравлен воздух ядом, время — яд,
и легкие дурная губит смесь,
и там, за смертью, мать моя и брат,
и сверстники мои вступили в смерть.

Охриплый Гамлет умер, обронив
нам на руки свой современный плащ.
И если я еще покуда жив,
пускай звучит мой поминальный
плач.

Помянем мертвых, близких
обоймем,—
пусть, кто умеет, прячется
и врет,—
мы тех, кто служит смерти,
проклянем
и станем жить, не зная, чей черед.

И времена пройдут сквозь времена,
сквозь жар печей и землеройный
труд,
и мы поймем, как жестока война,
когда все жизни смерть переживут.

1980.

* * *

Пройдя через прозу, музыке
доверюсь вдвойне.
Сквозь шум океана и трубы услышу
и скрипки.
И ангел пропащий затянет о прошлой
войне,
и лишний куплет обо мне прохрипит
по ошибке.

Проснемся за полдень и вновь
просидим допоздна;
пройдя через прозу, мы все на войне
припозднились,
все позадержались, и поздно
очнулась вина,
та самая, наша, а в ней до войны
провинились.

Мы живы, и мы виноваты, и нам
искупать.
Прощайте, родные, и мы бы за вас
умирали.
Пройдя через прозу, музыка
грохочет опять,
помимо нее наши души спасутся
едва ли.

Спаси наши души, музыка, шуми,
океан.
Канальи оскалились, поздно почуяв
угрозу.
Мы поздно проснулись, но в клочья
разорван туман.
Теперь-то уж мы допоем, перейдя
через прозу!..

* * *

Как кошка бесхозная жмется к ноге,
меня на добро испытав,
строка выгибается к верхней строке,
почувствовав родственный нрав.

Как кошка зайчатой раскраски
пришла
к бессонной полоске двери,
так теплые сгустки живого тепла
толкают в плечо — отвори.

Водой напоить да кусок поделить,
живой помогает живым.
И правила знаем. И некогда жить.
Чего ж на пороге стоим?

* * *

Слишком легко дорогая любовь
доставалась тебе,
горе не жгло, и тоска не скулила
в трубе,
страсть не пытала, не вздернула
дыба родства,—
вот и казалось, что ты, а не правда
права.

То и недорого, что доставалось
легко.
Годы не в счет, у тебя на губах
молоко.
Даже во имя добра я не буду
жесток,
просто уйду,
возвращусь на любимый восток.

Там, далеко, золотой исцеляющий
зной
звонкие крылья свои развернет
надо мной,
в древней пустыне
песок осторожный скользнет,
ветер займется, и первые годы
не в счет...

Ленинград.

Владимир НИКОЛАЕВ

ЖИТЬ В ДОЛГ У СЛУЧАЯ?

«...ОБИДНАЯ И ГРОЗНАЯ ИСТИНА В ТОМ, ЧТО ЖИВЕМ МЫ СЕГОДНЯ В ДОЛГ У СЛУЧАЯ. ВСЕ СУЩЕСТВУЕТ, ПОКА СУЩЕСТВУЕТ ПОТОМУ ЛИШЬ, ЧТО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. СУЩЕСТВУЕТ В МИРЕ, В РЕАЛЬНОСТИ, ГДЕ УЖЕ И ТАКАЯ ОГЛУШИТЕЛЬНАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ БЕДА, КАК ЧЕРНОБЫЛЬ, ВЫГЛЯДИТ ЛИШЬ НАМЕКОМ НА ТУ, КОТОРАЯ МОЖЕТ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ ОБРУШИТЬСЯ НА ВСЕХ. МЫ НЕ МОЖЕМ СТОЯТЬ В СТОРОНЕ И ЖДАТЬ, КОГДА ЭТО ПРОИЗОЙДЕТ»,— ТАК ПИШЕТ АЛЕСЬ АДАМОВИЧ В СТАТЬЕ, ОПУБЛИКОВАННОЙ В КНИГЕ «ПРОРЫВ: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ», ВЫШЕДШЕЙ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПРОГРЕСС».

BREAKTHROUGH
Становление нового мышления
Советские и западные ученые призывают к миру без войн
ПРОРЫВ

Книга эта необычная. Представители американского движения «Мир без войн» встретились с членами Комитета советских ученых за мир, против ядерной угрозы и попытались выяснить, можно ли прийти к согласию по проблеме предотвращения войны между США и СССР. В результате длительных дискуссий и было решено создать сборник статей, в котором советские, американские и западноевропейские ученые могли бы обсудить самую главную проблему современности: как избавить человечество от грозящей ему ядерной катастрофы. В ходе работы над книгой было высказано немало разных мнений, но все ее авторы единодушно выступили за решительные изменения в принципах мышления в условиях ядерного века. Причем они подчеркивают, что одно лишь понятие «выживание» не дает полного представления о поставленной ими задаче. Их свела вместе не только угроза гибели, они пытаются предотвратить ее и в то же время заглянуть в будущее без войн.

Работу над книгой взяла на себя редакционная коллегия из советских и зарубежных ученых, возглавили ее Мартин Хеллман, профессор Стэнфордского университета (штат Калифорния) и Анатолий Громыко, член-корреспондент АН СССР.

Книга открывается совместной статьей «Наука и современный мир» упомянутого выше Мартина Хеллмана и профессора Сергея Капицы. Авторы ее утверждают, что основной причиной противоречий в мире ныне является несоответствие между научно-техническим прогрессом и уровнем развития общества и личности. Поэтому перед лицом ядерной угрозы для нашего физического выживания необходимо изменение мышления. Для нас, ученых, занимающихся естественными науками, пишут Хеллман и Капица, считалось не совсем уместным с той же настойчивостью, что и в точной науке, пытаться воздействовать на общественное сознание, политику и международные отношения, то есть на область наук «естественных», но мы вынуждены поступать «неуместно». Что ж, в этом тоже виден признак нового мышления!

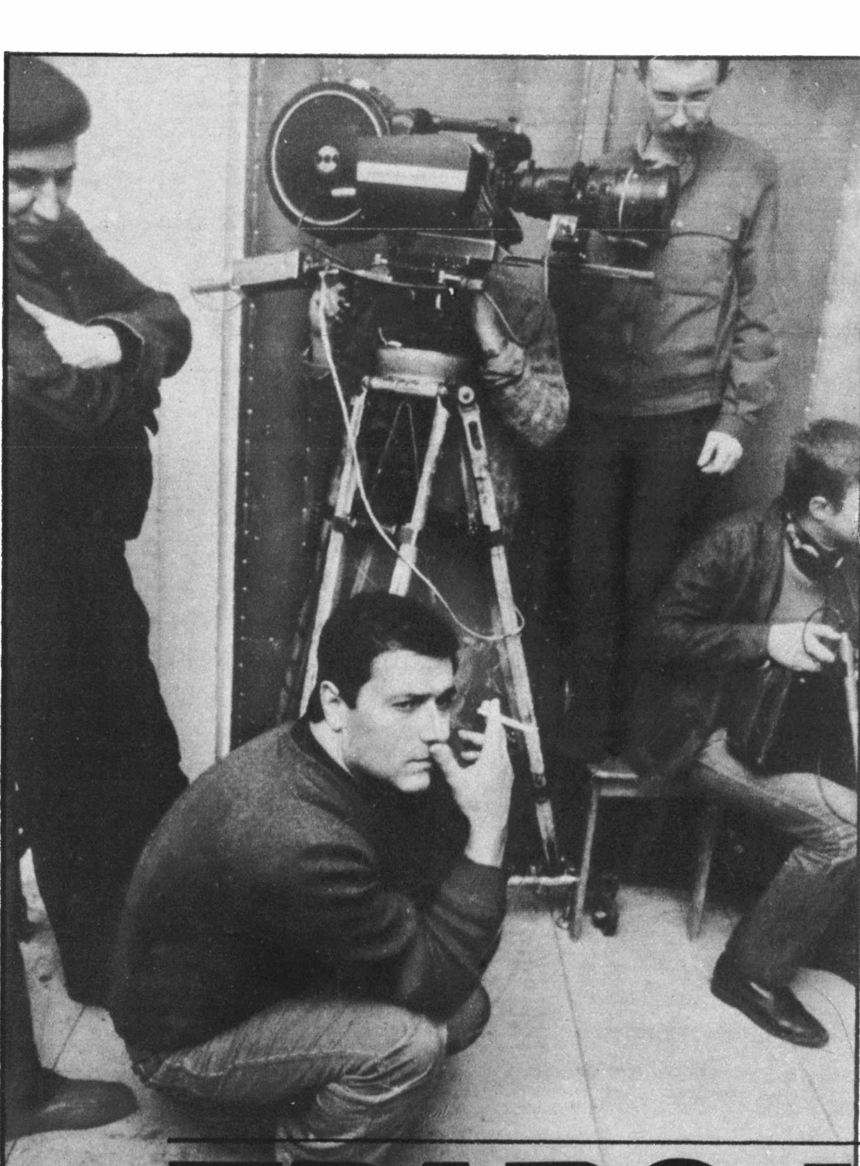
«Неизбежность: грозящий катастрофой курс на столкновение» — так озаглавлен первый раздел книги. Открывая его, Поль Брэкен, профессор Йельского университета, пишет о ненадежности контроля за ядерными силами. Он вспоминает еще первую мировую войну, которая была подготовлена всем предшествующим развитием событий. Тогда в Европе была создана система взаимосвязанных военных приготовлений, мобилизационных планов, упреждающих мер, и весь этот чудовищный механизм мог быть приведен в действие по любому незначительному поводу. Так и случилось. Сегодня такая опасность значительно возросла. Об этом пишет в статье «Компьютерные войны?» академик Борис Раушенбах. Он считает, что люди становятся заложниками компьютеров, так как при ядерном конфликте судьба всего человечества начинает зависеть от компьютеров, от заданных заранее программ, от исправности этих машин. Возможность начала ядерной войны по ошибке или в результате случайного стечения обстоятельств, заключает Раушенбах, перестает быть академическим вопросом. Ту же тему развивает профессор-психолог из Каролинского института (Стокгольм) Марианна Франкенхаузер в статье с весьма красноречивым заглавием: «Человеку свойственно ошибаться: ядерная война в результате ошибки?». Несколько с другой стороны рассматривает ту же проблему профессор-психиатр из университета Осло (Норвегия) Эйнар Кринглен, который считает, что рациональное поведение в кризисных ситуациях — миф. Риск случайного или несанкционированного возникновения ядерной войны, пишет Кринглен, зависит от действий более чем 100 тысяч человек, которые имеют дело с ядерным оружием.

Большой интерес представляет и второй раздел книги, который назван так — «Глобальное мышление: взгляд в будущее». О глобальной взаимосвязи как факторе нашей жизни пишет профессор Американского университета (Вашингтон) Джон Ричардсон. Он справедливо указывает, что большинство людей никогда не слыхало о глобальных моделях и их целях. А без понимания этой проблемы сегодня жить нельзя. Происходящие время от времени катастрофы, отзвук которых прокатывается по всему миру, лишний раз напоминают нам о том, что все мы являемся маленькими и чрезвычайно хрупкими элементами тесно связанной системы взаимозависимостей. Такого рода факты очевидны. Но большинство примеров глобальной взаимозависимости не столь наглядны. А их необходимо знать! Существование человечества зависит ныне от решений, основанных на учете интересов всей системы в целом. А учет этот возможен только в условиях сотрудничества. Осознание хотя бы этой истины — уже пример мышления по-новому, в духе ядерного века.

Третий раздел сборника посвящен процессу перемен в мире, преобразованию человека и общества. Экономист, политолог, медик, психолог, физик и другие специалисты с разных точек зрения рассматривают эту важную проблему. Известный советский публицист, профессор философии Федор Бурлацкий пишет о проводимых в нашей стране экономических, политических и социальных реформах, которые основаны на возвращении к ленинскому пониманию социализма, объясняет сущность перестройки нашего общества. Он подчеркивает, что это новое мышление лежит в основе внешней политики СССР, в его борьбе за разоружение.

Американский профессор Эверет Роджерс в статье «Распространение идеи мира без войн» пишет о том, что особенно трудно внедрять в массы новые идеи, когда они имеют превентивный характер. Он полагает, что есть значительный потенциал для более успешного распространения идей мира. Выход этой книги — еще одно тому свидетельство. Она издана одновременно на русском и английском языках в Советском Союзе и Соединенных Штатах и является совместным вкладом обеих сторон в создание и укрепление нового мышления. При всей ее уникальности необходимо отметить, что она стала отнюдь не первым примером, убеждающим в возможности советско-американского сотрудничества. Так, в 70-е годы, когда наметилось улучшение отношений между обеими странами, многие американские и советские специалисты работали плечом к плечу, вместе писали научные труды и книги. В те годы я не раз был свидетелем того, как плодотворно трудились вместе в Бетесде, неподалеку от Вашингтона, в Национальном институте здоровья, американские и советские специалисты по сердечным и раковым заболеваниям, по охране окружающей среды. В Батавии (штат Иллинойс) я несколько дней провел с нашими и американскими физиками, работавшими на ускорителе. Тогда журнал ученых-атомников США «Буллетин оф атомик сайентистс» писал: «Вклад советских ученых в совместное американо-советское предприятие оказался весьма значительным». В Хьюстоне, космической столице США, я видел, с каким энтузиазмом наши и американские космонавты готовились к совместному полету.

Так было. Так и должно быть. Сегодня в советско-американских отношениях, в решении проблемы разоружения наметились новые обнадеживающие перспективы. Нельзя жить дальше в долг у случая.

Режиссер Роман Балаян. Снимается кино...

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА

ПРАВО НА ВЫБОР

СУДЬБЕ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА, ОКАЗАВШЕГОСЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПАРАДОКСАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ПРЕСЛЕДУЕМОГО И НЕВОЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЯ, ПОСВЯЩЕН НОВЫЙ ФИЛЬМ РОМАНА БАЛАЯНА, АВТОРА НАШУМЕВШИХ «ПОЛЕТОВ ВО СНЕ И НАЯВУ», СТРАННОЙ, НЕДООЦЕНЕННОЙ КАРТИНЫ «ХРАНИ МЕНЯ, МОЙ ТАЛИСМАН...», А ТАКЖЕ ТОНКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ «БИРЮКА», «КАШТАНКИ», «ПОЦЕЛУЯ». ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, ВЫБОРА НРАВСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ — ЭТИ ТЕМЫ ЗАТРАГИВАЮТСЯ В БЕСЕДЕ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА ЗАРЫ АБДУЛЛАЕВОЙ С РЕЖИССЕРОМ РОМАНОМ БАЛАЯНОМ.

Роман БАЛАЯН

— Ваш новый фильм исторический?

— Уже определили... Семь лет назад я прочел короткий рассказ А. Серафимовича «По следу»; филер шел по пятам своей жертвы и в финале случайно, нелепо умирал. Мораль вроде бы проста: собаке — собачья смерть. Я написал заявку, долго и безуспешно носил ее по инстанциям, но, в общем, не предпринимал особых усилий для ее прохождения; считал в то время бессмысленным. А два года назад решил к ней вернуться. Обратился к Рустаму Ибрагимбекову с просьбой быть моим соавтором сценария, в котором остались лишь некоторые мотивы рассказа Серафимовича. Наш теперешний герой, учитель гимназии, подал в отставку из-за ареста своих коллег. При этом он не разделяет их революционных настроений, а поступает так потому, что с ними обошлись несправедливо, беззаконно. Уже одиннадцать месяцев он не работает: его имя в черном списке, а для того чтобы устроиться на работу — в другую гимназию, например, или хотя бы дворником (он готов пойти и на это),— требуется письменное подтверждение лояльности. В полицейском участке такой бумаги ему, естественно, не дают, но предлагают сотрудничество... За это время он, что называется, износился, дошел до крайне взвинченного состояния. А дома жена и не очень здоровый ребенок, которых нужно кормить. Необходимо за что-то зацепиться, обрести в этом шатком положении хоть какую-то устойчивость, пусть только материальную.

Не правда ли, странно: ни к какой партии не принадлежать, ни в каких общественных движениях не участвовать, но стать социальным изгоем?

Совершенно случайно Воробьев (так зовут нашего героя) оказывается на грани предательства: теряя сознание после изнурительных, голодных блужданий по городу, он произносит имя человека, за поимку которого назначена цена в. пять тысяч. Получив вознаграждение и понимая весь ужас свершившегося, он кончает самоубийством. Между тем вышла ошибка, и он «заложил» как будто не того человека. То есть реальное предательство не совершилось. Обстоятельства скорее смягчают, нежели усугубляют вину героя. Но Воробьев знает только одно: он предал собственные принципы чести. Способность вынести себе приговор, не оглядываясь на сложившиеся условия, не ища оправданий,— самое поразительное, что есть в этом человеке.

— Мне кажется, что вас никогда не занимала прямая зависимость героя от внешних сил. Но сейчас вы помещаете героя в особую историческую эпоху. Дело-то происходит в шестнадцатом году. Чем вызван такой экскурс?

— Я сожалею о том, что люди, подобные Воробьеву, как-то незаметно растворились во времени, в исторических катаклизмах тех лет. Мы о них практически не имеем информации. А ведь и тогда, и впоследствии было немало таких, кто остался на перепутье... В своих реакциях на жизненные, исторические обстоятельства они руководствовались не столько определенной идеологической установкой, сколько своим нравственным чувством. Я часто думаю: ведь Чехов и Короленко, порвавшие из-за несправедливости по отношению к Горькому с академией, революционерами не были. Они поступали как честные люди в соответствии со своим внутренним голосом. Недаром при этом Чехова обвиняли в отсутствии направления, а он стремился к освобождению от внутреннего рабства. Это очень серьезно и вовсе не означает индифферентности позиции. Может быть, я говорю о вещах известных, но мне хотелось бы их напомнить.

Как видно, даже в бурные эпохи, когда идет жесткое размежевание, остается место и для независимого, не мотивированного одними только политическими пристрастиями выбора.

— И все-таки эпоха, ее конкретные приметы как-то будут пробиваться на экран?

— Вообще «демонстрация эпохи» меня не волновала. Конечно, можно было бы воспроизводить якобы достоверную фактуру. Но я не терплю приблизительности. Кроме того, предпочитаю в центре кадра видеть человека, а не среду, не фон.

— А что касается пространства? Почему вы выбрали провинциальный город?

— Такое поведение нашего героя, скажем, в Петербурге, было бы, мне кажется, не вполне оправданным. Между прочим, я думал, что и ситуация «Полетов во сне и наяву» нестоличная. Хотя кто знает. Во всяком случае, в провинции больше шансов задохнуться.

— Как сказать. Бывают, однако, такие моменты в истории, когда нравственное решение определяется не только личным, но и социальным чувством.

— Мой герой, должно быть, преподает в гимназии словесность или историю, но в фильме об этом нет ни слова. Прекрасно понимая неизбежность и обоснованность острейших социальных столкновений, в то же время не стоит, вероятно, замалчивать тот факт, что мы, исходя из логики объективного исторического развития, в каком-то смысле лишились определенной духовной и нравственной преемственности.

— Но выбор человека, оказавшегося в трагических обстоятельствах, в конфликтных отношениях со временем, может быть и стоическим. У нас на слуху знаменитые ахматовские строки:

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

— Любой свой самый страшный поступок человек может исправить, как говорится, через пять минут. Эти «пять минут» мне и важны. Не миг предательства, пусть неосознанного, а переживания и поступки после него. Мой герой не стоик. Но он кончает самоубийством именно потому, что себе изменил. Речь, в сущности, идет о проблеме самоопределения личности.

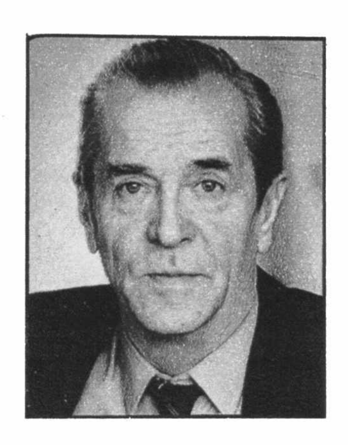
— Проблема эта, судя по вашим фильмам, волнует вас постоянно. Вы берете конкретное время и как бы сталкиваете его с вечными нравственными ценностями. При этом судьба вашего героя (в этом его парадоксальная особенность) все-таки весьма косвенно зависит от внешних обстоятельств. При относительно нормальной, во всяком случае, мирной жизни герой «Полетов...» переживает тяжелую душевную агонию. Ищет дуэли в праздничной болдинской атмосфере герой «Талисмана». Теперь человек, который хочет, чтобы его оставили в покое в предреволюционное время. Ваш герой всегда решает отношения прежде всего с самим собой?

— Для меня это едва ли не самая главная проблема. Независимость моих героев приводит их порой к конфликтам с внешним миром. Как они себя поведут, на что окажутся способны, мне и важно уразуметь.

— Вы говорите о соотношении индивидуального и общего в человеке? Конфликт, таким образом, состоит в противоборстве этики нравственной и социальной?

— Может, и не конфликт. Мне кажется, что при любых изменениях общественного мнения каждый должен иметь свободу в выборе собственной позиции — гуманистической, разумеется. Это и будет, по-моему, истинной демократией. Были люди, которые,

Продолжение на стр. 31.

Имя автора этой повести давно знакомо читателям. Его произведения публикуются в «Огоньке» с 1951 года. Широкую известность получил роман «Ошибка резидента». Олег Михайлович Шмелев написал книги «Три черепахи», «Возвращение под огонь», много очерков и рассказов. Он участник войны, был дважды ранен, награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и другими медалями.

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ.

1

Не каждое утро начинается, как это...

С пятницы на субботу Татьяна Никитина не ночевала дома. У нее было два билета в Малый театр, и, так как Саша Кузьмичев, ее теперешний друг, за которого она собиралась выйти замуж, неожиданно вынужден был срочно уехать из Москвы, она пошла в театр со своей сослуживицей и подругой Натальей Поздняковой. Наталья жила недалеко от театра — в старом доме на улице Кирова, вместе с родителями, а Татьяна — в самом конце Профсоюзной. Они еще днем решили, что Татьяна не поедет ночевать домой, и после спектакля пешком пошли на улицу Кирова. Для начала апреля вечер был очень теплый, они шли неторопливо, тем более что новые, еще не обношенные туфли слегка натирали Татьяне пятки. Против памятника первопечатнику Федорову они остановились, Татьяна сняла туфли и вынула из них уже притоптанные самодельные подушечки из бумаги, выбросила их, оглянувшись по сторонам, на проезжую часть.

Потом они долго разговаривали на кухне за ужином, легли во втором часу и проснулись поздно. Татьяна отказалась от предложения подруги провести субботу вместе, взяла такси и поехала к себе на Профсоюзную.

Поднявшись на лифте, она позвонила к соседям, супругам Семеновым. Открыла Марья Николаевна.

— Здравствуйте. Саша ключи оставил? — спросила Татьяна.

— Здравствуй, Таня. Сейчас.

Марья Николаевна принесла брелок с ключами.

Войдя в квартиру, Татьяна сбросила туфли, надела тапочки и открыла дверь комнаты.

То, что она увидела, заставило ее вскрикнуть.

На полу лежал мужчина.

Он лежал спиной к двери на боку, с согнутыми в коленях ногами. Он как будто спал, но что-то сказало Татьяне, что лежащий не спит, что он не дышит. Было так тихо, как не бывает просто в пустой квартире. Словно это застывшее на полу тело вбирало в себя все звуки.

Телефонный звонок в кухне оглушил ее. Она на цыпочках подошла, сняла трубку и услышала частые гудки. Положила трубку, увидела на столе свои ключи, сунула их в карман жакета и, бросив сумочку перед выходной дверью, выбежала на лестничную площадку.

Открывшая ей Марья Николаевна тотчас поняла: произошло что-то необычное.

— Что случилось?

Татьяна показала на распахнутую дверь своей квартиры.

— Там, там...

— Петр! — позвала Марья Николаевна.

Ее муж вышел в накинутом на плечи старом военном кителе.

— Что такое, Таня?

— Прошу вас, Петр Иванович, посмотрите...

Они втроем вошли в квартиру Татьяны — Петр Иванович впереди.

— Кто ж это? — спросил он, увидев лежащего на полу мужчину.— Живой?

— Не дышит,— ответила Татьяна.

На мужчине была короткая, до пояса, серая кожаная куртка и синие вельветовые брюки. Одежда показалась Татьяне знакомой, но она не могла бы утверждать, что это действительно так. Она плохо соображала.

Они стояли в дверях на пороге комнаты. Марья Николаевна заглянула через плечо мужа и сказала:

— У него на голове рана.

И правда, густые русые волосы на затылке были словно смазаны бурой, уже засохшей краской — всего один мазок.

— Надо звонить ноль-два,— сказал Петр Иванович.

Он ушел, а Татьяна и Марья Николаевна остались на площадке.

...Дежурная следственно-оперативная группа приехала минут через тридцать. Вместе с нею был старший оперуполномоченный МУРа майор Басков.

Следователь прокуратуры Степанов жестом руки показал группе, чтобы приступали к делу. Басков посмотрел на Татьяну Никитину, стоявшую в тесной прихожей, спросил:

— Вы хозяйка?

— Да.

— Посидите, прошу вас, на кухне.

Она пошла, села к столу и замерла, слушая, как в комнате происходит какая-то возня, что-то щелкает. Потом она увидела собаку, овчарку, следом за которой выскочил на лестницу низенький человек.

Все двери раскрыты, чужие люди в доме... Все это было похоже на день, когда хоронили отца, пятнадцать лет назад. Но тогда ей было больно и невыразимо печально, и даже ее одноклассницы из 9 «А», принесшие белые цветы, печально плакали в передней — не в этой квартире, а в прежней,— а теперь она испытывала страх. У нее было такое чувство, что она сидит в чужом доме, куда ее привели силой и где происходит что-то непонятное, а она одна, совершенно одна, и уже ничего не сделаешь, чтобы прекратить происходящее, остановить, повернуть...

Басков вошел, посмотрел на нее мельком.

— Меня зовут Алексей Николаевич Басков.

— Таня,— сказала она.

— Простите, но вам придется взглянуть на умершего.

Она встала, он взял ее под локоть и ввел в комнату. Мужчина в серой куртке и синих брюках лежал на спине.

Она посмотрела на лицо лежащего и застонала.

— Вы знаете его? — спросил Степанов.

— Толя,— тихо сказала она.

— Кто он?

— Мой бывший муж.

В эту минуту в комнату вошел низенький человек, державший на коротком поводке немного позади себя овчарку. Он сказал, переводя дыхание:

— Товарищ Степанов, только до переулка... Там, наверно, стоял автомобиль.

Степанов махнул ему и сказал кому-то из присутствующих:

— Увезите.

Того, кого она назвала Толей, положили на носилки и унесли.

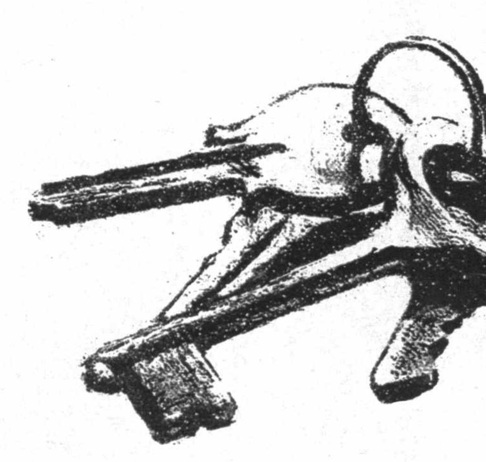
Степанов спросил у одного из оперативной группы:

— Как замок?

— Если изъять, может, что и найдется, но скорей всего не чужим ключом открывали.

Степанов опять сделал общий жест, и все ушли, кроме Баскова.

— Следователь по особо важным делам,— представился хозяйке Степанов.

Басков снова взял Татьяну под локоть и повел на кухню.

Они все сели к деревянному столу, и Басков спросил, доставая из кармана сигареты и зажигалку:

— Можно, я закурю?

Татьяна молча подвинула стоявшую на столе медную пепельницу, в которой лежало несколько сигаретных окурков.

Степанов из чемоданчика вынул и положил на стол пачку больших листов и сказал Татьяне:

— Мы понимаем, вам сейчас не до этого, но есть срочные вопросы. Вы говорите, это ваш бывший муж. Давно разошлись?

— Почти год. В июле.

— Как его фамилия?

— Как моя. Никитин. Анатолий Владимирович.

— Жил где?

— У него однокомнатная квартира. Кооператив.

— Адрес знаете?

Она назвала адрес.

— Где работал?

— Табачным киоскером. Только значился, а торговала его мать, пенсионерка.

— Завтра воскресенье,— сказал Степанов.— Мы вас вызовем в понедельник... Но вот еще что... У него ключи от вашей квартиры были?

— Да. Он свои вещи не все еще забрал.

— В коридоре на вешалке мужской плащ и пальто. Они принадлежат Никитину?

— Нет, это Сашины.

— А кто — Саша?

— Кузьмичев Александр,— ответила она, вздохнув.— Собираемся расписаться.

— Он живет у вас?

— Да. Уже полгода... Но у него есть комната в общежитии.

— Чем он занимается?

— Шофер... На дальних рейсах...

— Совтрансавто?

— Не знаю, как называется... Большая такая машина... С брезентом...

— А где он сейчас?

— К родителям поехал, в Харьков. У отца инсульт... Пришла телеграмма...

— А комната где?

Татьяна продиктовала адрес Саши — Александра Михайловича Кузьмичева.

— У вас его фотография есть? — спросил Басков.

— Конечно.

— Дайте нам одну, пожалуйста.

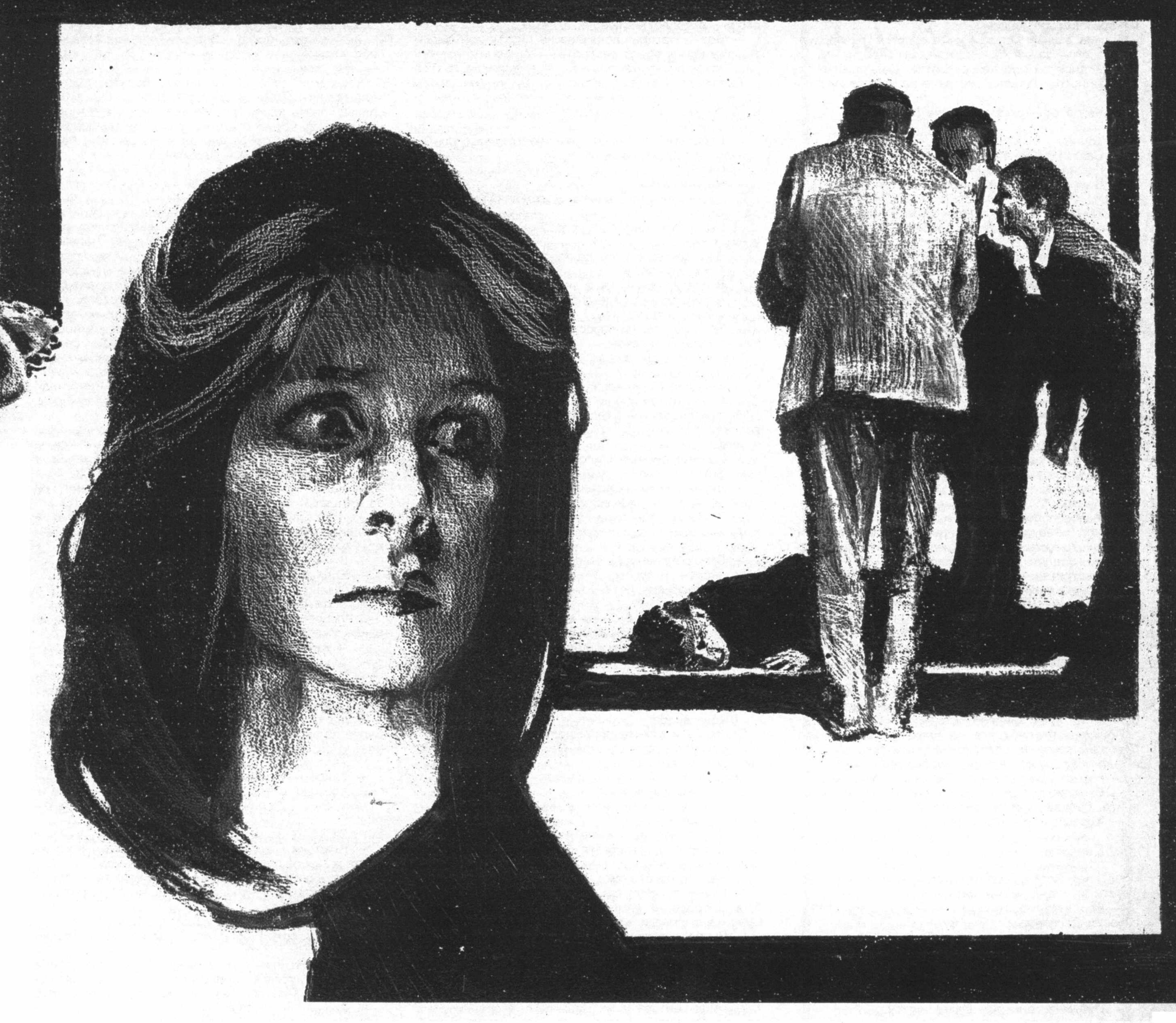
Он пошел с нею в комнату. Татьяна взяла с книжной полки черный конверт. В нем была пачка разноформатных фотографий, она отобрала несколько штук, протянула Баскову. Басков взял портрет девять на двенадцать, сделанный в фотоателье.

Они вернулись на кухню.

— Прошу вас,— сказал Степанов,— начните со вчерашнего дня... Если можно, по порядку.

Татьяна рассказала о непредвиденном отъезде Саши, про театр, про ночевку у подруги и все остальное, вплоть до того момента, когда она вошла в свою квартиру.

— Как зовут вашу подругу?

— Наташа... Наталья Ильинична Позднякова.
— Где работает?
— Мы вместе... В министерстве. Она тоже плановик.
— Скажите, Татьяна Васильевна, ваш бывший муж и Александр Кузьмичев друг друга знали?
— Да, они знакомы.
— И в хороших отношениях?
Она замялась.
— Саша ревнует немного.
— Поехал на поезде?
— Да. Машину гонять не захотел.
— Во сколько он уехал?
— По-моему, в девять с чем-то.
— Вчера?
— Да.
— А какую машину он не захотел гонять — большую с брезентом?
— У него «Жигули».
Басков спросил:
— Кто знал, что вы идете в театр?
— Толя.
— Каким образом?
— Он же сам билеты достал.
— Когда это было?
Она немного подумала.
— В понедельник.
— А когда пришла телеграмма?
— В среду.
— Билеты у вас сохранились?
Татьяна порылась в сумочке, в кошелечке.
— Здесь нет... Может, у Наташи...
Степанов записал номер дома и квартиры по улице Кирова, спросил:
— Телефон там есть?
— Да.— Татьяна продиктовала.
Басков сказал:
— Давайте позвоним.
Синий телефонный аппарат стоял в нише кухонного шкафа. Татьяна перенесла его на стол, набрала номер, сказала в трубку:
— Наталья, это я.
Видно, Наталья по голосу сразу почувствовала, что с подругой неладно. Басков и Степанов отчетливо услышали вопрос:
— Что случилось, Тань?
— Не спрашивай... С тобой хотят поговорить.
Басков взял протянутую трубку.
— Здравствуйте, Наталья Ильинична. Это Басков из уголовного розыска. Надо бы встретиться, буквально на две минуты. Если вы не против...
— Пожалуйста,— растерянно сказала она.
— Мы заедем через час. А может, чуть позже.— Положив трубку, Басков спросил у Татьяны: — В Харькове где родители Кузьмичева живут?
— К сожалению, не знаю. Как-то ни к чему.
— Вы говорили, у него машина,— напомнил Степанов.— Где он ее держит?
— Во дворе.
— Проводите, пожалуйста, мы взглянем.
Степанов дописал протокол, дал прочесть Татьяне, она расписалась, и они вышли из квартиры.
Красный «Жигуленок», к которому Татьяна подвела Баскова и Степанова, стоял недалеко от мусорных баков.
Они оба одновременно увидели на полу под задним сиденьем сверток из газеты.
Степанов посмотрел на Баскова и сказал шепотом:
— Надо поговорить с хозяйкой.— И обратился к Татьяне: — У вас ключи от машины есть?
Она кивнула на дом.
— Должны быть запасные.— Было видно, что она боится идти в квартиру.
— Поищем ключи, Татьяна Васильевна.
— И еще очень прошу,— сказал Степанов.— Если можно, какой-нибудь целлофановый пакет.
Татьяна и Басков поднялись в квартиру. Татьяна приостановилась в дверях комнаты, увидев на лакированном полу гроздь темных пятен засохшей крови.
— Смелей,— ободряюще сказал он.
Она подошла к книжным полкам, отыскала ключи на стальном колечке. Затем в кухне достала из шкафа полиэтиленовый пакет.

Когда они вернулись к машине, Степанов разговаривал с пожилыми мужчиной и женщиной, как оказалось, мужем и женой: он пригласил их быть понятыми при осмотре машины.

Басков открыл дверцу, взял сверток, развернул. В газету «Советская Россия» был завернут молоток на длинной плоской рукоятке. Совершенно чистый молоток. Татьяна смотрела на него безразлично.

— Чей это? — спросил у нее Басков.

— Наш.

— Точно?

— Саша принес. Когда еще ремонт делали.

— Где вы его держали?

— В коридоре на полке ящик с инструментами стоит.

На первой странице газеты карандашом были написаны цифры 37 — номер квартиры Никитиной.

— И газета ваша?

— Да. Выписываю.

Газета была свежая, вчерашняя, за 6 апреля.

Басков аккуратно завернул молоток в газету, придав свертку прежний вид.

Степанов взял у Татьяны пакет, развернул его. Пакет был похож на сложенную белую рубаху с красным воротником. А на груди черными буквами напечатано: Marlboro.

— Жалко портить,— сказал Степанов.— Фирма.

— Это не фирменный,— возразила Татьяна.— Краска мажется.

Степанов потер «воротник». На большом пальце остался красный налет.

— И правда. Зачем такие покупать?..

— Толя подарил.

Степанов осекся.

— Простите.

— Ничего.

Степанов положил сверток в пакет.

Басков хотел уже закрыть дверцу, когда Степанов увидел: что-то сверкнуло на резиновом полу. Нагнувшись, он поднял монету необычного вида.

— Смотрите,— сказал он,— золотая.

Это была новенькая английская монета достоинством в пятнадцать фунтов стерлингов.

Степанов обернулся к Татьяне.

— Вы видели такие у Кузьмичева?

— Никогда,— решительно ответила она, словно этот сверкающий на солнце кружочек наконец вывел ее из полуоглушенного состояния.

Степанов опустил монету в пакет.

Осмотрели багажник, заглянули под капот. Ничего больше не представляло интереса.

Положив лист бумаги на крышку чемоданчика, Степанов составил протокол, дал подписать его понятым и Татьяне и сказал, обращаясь к ней:

— Ну, до понедельника, Татьяна Васильевна.

— Вы пока о подробностях никому не рассказывайте, ладно? — добавил Басков.

— Хорошо,— ответила она.

2

Наталья Позднякова ждала их, как можно было заметить, с тревожным интересом.

— Вы догадываетесь, зачем мы приехали? — спросил Степанов.

— Мне только что звонила Таня...

— Ах, женщины! — с чуть театральной горечью воскликнул Басков.

Наталья поняла, что́ он имеет в виду, и сделала попытку оправдать подругу.

— Она мне только в общих чертах...

— Ваши показания имеют важное значение,— сказал Степанов, когда она пригласила их сесть к столу в комнате.— Вы не пугайтесь, но я должен предупредить вас об ответственности за дачу ложных показаний.

Она не испугалась.

— Билеты у вас сохранились?

Наталья нашла в сумочке программку и из нее вынула билеты.

— Мы возьмем их. Еще два вопроса,— продолжал Степанов.— Когда вы вчера встретились с Татьяной Никитиной?

— То есть как — когда? — удивилась Наталья.— В девять утра, на работе. Сидим в одной комнате.

— А когда расстались?

— Сегодня... Еще не было десяти.

— И днем не расставались?

Наталья задумалась на секунду.

— Ну, разве что обедали не вместе...

— А обычно — вместе?

— Да-а... Как правило...

— А что же в этот раз?

— Таня с братом встречалась. Он на машине за ней заехал.

— В обед?

— Да. Они купили обои.

Степанов и Басков переглянулись.

— Можно, я от вас позвоню? — спросил у Натальи Степанов.

— Если Тане, то она у соседей. В квартире боится. Я сегодня поеду к ней ночевать.

— Вы проницательный человек,— сказал Басков.— А телефон соседей знаете?

— Вот.— Наталья показала на листок из блокнота, лежавший возле аппарата.— У нас есть отводная. Пойду скажу маме, чтобы не поднимала трубку.

Тактичная Наталья вышла, а Степанов набрал номер. Услышав мужской голос, попросил к телефону Татьяну. Она тут же взяла трубку.

— Слушаю.

— Простите, это Басков. Мы кое-что упустили. Вы сейчас никуда не собираетесь?

— Нет.

— Мы вернемся на минуту...

Они вернулись на полчаса. Разговаривали в коридоре стоя.

— Вы видели билет на поезд? — спросил Басков у Никитиной.

— Да. Его тоже Толя доставал.

— А какого числа?

— В среду, когда Саша телеграмму получил.

— А телеграмма отца где?

— Саша с собой взял.

— Еще мы забыли спросить адрес Толиной матери,— сказал Степанов.

Татьяна назвала адрес.

— А как ее зовут?

— Клавдия Николаевна.

— Скажите, брат ваш где живет?

Она поглядела на Степанова чуть удивленно. Наверное, вспоминала, говорилось ли между ними о брате или нет.

— На Комсомольском проспекте.

— Его фамилия?

— Лярин, Леонид Васильевич Лярин.

— Он кто по профессии?

— Инженер. Мы один институт кончали. Только я плановик.— Она как будто занервничала.

— А работает где?

— Строительно-монтажное управление... Номер я не знаю.— В голосе уже звучала тревога.

— Сколько ему лет?

— Сорок два.

— Вы ведь вчера с ним встречались?

— В обед. Купили обои, завезли ко мне.— Никитина подумала немного и спросила: — Вам Наташа сказала?

— Да.

Она облегченно вздохнула.

— В котором часу это было? — спросил Степанов.

— Часа в два.

Степанов и Басков попрощались с нею и ушли.

...Приехали в прокуратуру. В кабинете сняли плащи. Басков закурил.

Сев за стол, Степанов сказал:

— Что же мы имеем?

— Ключей-то у Никитина никаких не нашли,— сказал Басков.

— У него вообще ничего не нашли.

— Интересно, и в театр билеты Толя доставал, и на поезд тоже.

— Чего ж особенного? Таня просила.

— Выходит, Толя сам и квартиру на свою погибель готовил, и Кузьмичеву — железное алиби... О времени смерти эксперт что сказал?

— Вчера примерно в двадцать два часа, плюс-минус час. Но это еще уточнять надо.

— Ну прикинем так. Кузьмичев заманил Никитина в квартиру его бывшей жены или застал его там, ведь ключ у Никитина был. Потом убил, взял молоток, отнес его в свою машину и отправился на вокзал. Опоздал на свой поезд — сел на другой. Поездов через Харьков много ходит.

— Складно,— согласился Степанов.

— Только с молотком полная ерунда. Оставляет в собственной машине орудие преступления.

— Полагаешь, подкинули?

— Я, Иваныч, давно тебе говорил... Какой-то умный человек сказал: предполагай, что хочешь, но верь только опыту... У нас с тобой такие случаи уже бывали...

— Ну, не совсем такие.

— Тут же еще монета. Прямая указка: вот молоток, которым убили Никитина, и вот из-за чего убили.

— Предположим, не Кузьмичев. Тогда что же, Никитин сам привел в квартиру своего убийцу? Не силой же его затащили.

— Силой — вряд ли.

Степанов, поглаживая стоявший на столе черный пластмассовый стаканчик, из которого торчал один-единственный карандаш, сказал так, будто спорил:

— Кузьмичева все равно отработать надо побыстрее. Но, боюсь, долго искать придется. Кузьмичевых в Харькове, может, не один десяток.

— У нас есть знак для ориентировки,— возразил Басков.

Он имел в виду то печальное обстоятельство, что у отца Кузьмичева инсульт. С инсультом его могли положить в больницу. Если так, это сильно сузит круг поиска. А если и не так, то Кузьмичевы наверняка вызывали «скорую» или неотложку, это тоже ориентир.

Степанов взглянул на часы.

— Уже шестнадцать... Значит, Леша, ты берешь на себя Харьков.

— Ну, пока...

Приехав к себе на Петровку, Басков составил телеграмму харьковскому угрозыску. Он просил срочно узнать адрес Кузьмичева Михаила (отчество неизвестно), который может находиться в больнице по поводу инсульта. И аккуратно проверить, приезжал ли к нему его сын Александр.

3

Гадко было на душе у Степанова, когда он ехал к Клавдии Николаевне. Кому не приходилось этого делать, тот не поймет, каково бывает человеку, который по служебной обязанности должен сообщить матери, что ее сын убит. И в военные времена это было тяжело, а тут не война. Теплый апрельский московский вечер, и скворцы уже прилетели...

Клавдия Николаевна жила в коммунальной квартире на Таганке. По довоенному обычаю на косяке двери — столбиком двухцветные, черные и белые, кнопки звонков, как клавиши-пуговки гармошки или баяна. Под каждой приклеена бумажка с фамилией, шесть штук. Степанов нашел фамилию «Никитина» и нажал на кнопку, втайне малодушно надеясь, что ему никто не откроет.

Но дверь открылась, и он увидел полную женщину с заметно седеющими волосами, в белой кофте и черной юбке. На вид она показалась Степанову чуть старше его самого, лет пятидесяти, хотя Таня упоминала, что мать Толи — пенсионерка, значит, ей за пятьдесят пять.

Эти посторонние подсчеты, которыми Степанов отвлекал себя от неприятных мыслей, прервал удивленный вопрос:

— Вы ко мне?

— Если вы Клавдия Николаевна Никитина.

— Прошу, идемте в комнату.

Комната была большая и обставлена уютно.

Степанов, поспешно достав из кармана удостоверение, сказал:

— Я из прокуратуры.

— Слушаю вас.— Голос ее дрогнул.

— Поверьте, Клавдия Николаевна, мне крайне тяжело... Но я должен сообщить: ваш сын убит вчера вечером.

Степанов ждал, что она упадет в обморок, собирался подхватить ее под руки, но Клавдия Николаевна отстранила его и прошептала:

— Толя убит?!

— Такое вот дело.

Ей все-таки стало нехорошо, она села на диван и, откинувшись на спинку, закрыла глаза, тихо повторяя:

— За что?! За что?! За что?!

— Клавдия Николаевна, может, позвать кого из соседок? — растерянно спросил Степанов.

Она выпрямилась, посмотрела на него так, словно хотела убедиться, что все это ей не пригрезилось, и сказала громко:

— Нет, прошу вас, не уходите... Где он?

— Я вам потом объясню... Скажу, когда можно забрать.

Она встала, взяла из лежавшей на столе пачки сигарету, с трудом прикурила — спичка плясала у нее в руке. Сев, показала ему на стул, он тоже сел.

— Где это произошло?

— На квартире у Татьяны Никитиной.

Она долго молчала, то ли вникая в эти слова, то ли соображая что-то свое. Наконец сказала:

— Не может быть. Он так ее любил.

В ее словах была, вероятно, своя логика, но какое теперь все это имело значение? Степанов, отправляясь сюда, не собирался расспрашивать Клавдию Николаевну о подробностях, наметив заняться этим после похорон, когда она немножко придет в себя. Но она, казалось, испытывала неотложную потребность говорить о мертвом сыне. У него было такое ощущение, что мать предчувствовала беду и еще задолго до его прихода ждала чего-то нехорошего. Степанов много знал таких случаев — именно когда матери вроде бы что-то предчувствуют и потом принимают страшную весть как будто даже спокойно.

— Кто это сделал? — спросила она.

— Мы пока не знаем.

И тут она заплакала. Она не закрывала лицо руками, не утирала слез платком, не опускала голову. Она сидела очень прямо, с дымящейся сигаретой в руке, и крупные слезы, скатываясь по щекам, падали на грудь.

Это было для Степанова невыносимее любых рыданий и стенаний, страшнее любой истерики.

— Так я пойду, Клавдия Николаевна? — сказал он.

— Если можно, посидите еще немного.

Чтобы не молчать, Степанов спросил:

— У вас есть еще кто-нибудь... дети, родные?

Она придавила в пепельнице окурок.

— Дочь... Но она далеко. Замужем за военным.— И без всякого перехода с горечью продолжала: — Я говорила, говорила, все это не к добру.

Теперь Степанов промолчал, не считая уместным задавать вопросы.

Клавдия Николаевна опять закурила и сама задала вопрос:

— Вы совсем ничего не знаете про Толю?

— Знаю, он числился продавцом табачного киоска.

— Вы считаете это... ну, нарушением закона?

— По отношению к нему это уже неважно.

— Понимаю. Я тоже нарушала, сознательно... Я на пенсии, но я бухгалтер высокой квалификации, могла бы работать где угодно.

— Что же мешало?

— Он мне сын... Я не умела отказать...

Разговор шел начистоту, и Степанов забыл о своей щепетильности.

— А чем же он занимался?

— Ездил.

— Что это значит? Куда ездил? Зачем?

— Не знаю. Он никогда не говорил. Ездил на своей машине по каким-то делам... А ведь он врач, окончил медицинский...

— Простите, Клавдия Николаевна, куда же он все-таки мог ездить?

— В прошлом году прислал телеграмму из Баку, поздравлял... У меня день рождения семнадцатого июля...

— С кем он дружил?

— Помню только школьных товарищей. Институтских он сюда уже не приводил.

— Давно начал ездить?

— Три года назад ушел из поликлиники, оформился киоскером... Я так его умоляла... Двадцать девять лет, с медицинским дипломом — в киоскеры...

— Да-а...

— Нет, он понимал, чего стоил мне его диплом, у меня ведь на руках еще и Тамара была. Одна везла, муж умер в пятьдесят восьмом. Толя не злой, а тут как подменили...

— Что ж поделаешь... Скажите, Клавдия Николаевна, у вас ключи от его квартиры есть?

— Я там убираюсь.— Она протянула руку и взяла с соседнего стула, полуприкрытого скатертью, полиэтиленовый пакет, точно такой, какой дала Степанову для упаковки молотка Татьяна, только уже потертый.— Вам нужны ключи?

— Дело вот какое. У него ключей не нашли. А следствию необходимо осмотреть квартиру вашего сына. В интересах расследования... Вы не хотели бы присутствовать?

— Да, да, надо кое-что взять...— словно про себя прикинула она.— Его ведь надо одеть...

Клавдия Николаевна снова заплакала.

Степанов встал, прошелся от стола к двери и обратно. Сказал тихо, как можно ласковее:

— Уже одиннадцатый час, Клавдия Николаевна. Завтра трудный день. Я за вами рано заеду.

— Да, да, конечно.— Она тоже встала.— Спасибо.

— Что вы! Как можно?! — чуть не криком закричал он, искренне пораженный этим «спасибо».

Она проводила его по темному коридору до квартирных дверей.

4

Сначала Степанов заехал за Клавдией Николаевной, потом они отправились в районное управление милиции, где их ждала оперативная группа. На улицу Алабяна, где жил покойный ныне Анатолий Никитин, прибыли в девять. В воскресный день, да еще утром, нелегко найти и сговорить понятых. Поэтому в квартиру, бронированная дверь которой запиралась на три замка иностранных систем, вошли, когда была уже половина десятого.

По всей вероятности, Клавдии Николаевне не приходилось раньше видеть, как выглядит обокраденное жилье. Она взялась за сердце, прислонилась плечом к стене и постояла так, приходя в себя.

Шкафы раскрыты, посреди комнаты огромный ворох одежды, постельного белья. Тахта разобрана на части. Кресла валяются вверх ножками. Торшер с погнутым абажуром лежит на боку.

Две пожилые женщины, весьма неохотно согласившиеся быть понятыми, теперь явно не жалели, что пошли.

Кухня впечатляла не так сильно, поскольку содержала меньше мебели и предметов, но тоже было на что поглядеть.

Степанов поставил на ножки одно из кресел, предложил Клавдии Николаевне сесть, а потом открыл форточку: в комнате было душно.

Оперативная группа приступила к своим обязанностям.

Даже беглый осмотр убеждал, что вора или воров интересовали не вещи, не электроника и не хрусталь. Из вороха на полу торчал воротник дубленки, черным длинным языком высовывался рукав нового кожаного пальто, рядом с торшером стоял японский кассетный магнитофон и лежал несгораемый портфель-«дипломат».

Начали составлять протокол осмотра места происшествия. Следователь из опергруппы устроился за круглым журнальным столиком.

Высвободив серую мягкую дубленку, Степанов вопросительно посмотрел на Клавдию Николаевну. Она поднялась с кресла.

— Дайте я вам помогу.

Степанов брал одну за другой вещи — пальто, костюмы, куртки, брюки,— называл и кратко определял их вид, следователь записывал, Клавдия Николаевна вешала их на плечиках в шкаф. Вещей оказалось очень много, но работа продвигалась быстро.

Джемперы, рубахи, белье и прочее Степанов вносить в опись счел лишним. Предоставив разбираться с ними Клавдии Николаевне, он занялся техникой. Кроме магнитофона, обнаружилось три разнокалиберных радиоприемника и проигрыватель с двумя стереоколонками. Степанов мимоходом подумал, что в этом великолепном наборе не хватает приставки для цветомузыки. Правда, бывший хозяин не имел телевизора.

Потом он осмотрел и привел в нормальное состояние широкую тахту — сделать это ему помогли понятые.

Подойдя к письменному столу, он увидел висевший на стене увеличенный портрет — это была Татьяна Никитина. Перебрав вываленное на пол содержимое стола, он нашел паспорт и несколько блокнотов, но все чистые, без записей. В один из них была вложена порнографическая карточка. Степанов пошел в просторную прихожую.

Тут на одной стене было привинчено зеркало, а напротив — стенной шкаф, состоящий из двух отделений: верхнее — для одежды, нижнее, маленькое — для обуви. Возле шкафа разбросаны туфли, ботинки, зимние сапоги. В верхнем отделении висели старое драповое пальто, плащ, куртки.

Степанов ногой отодвинул в угол кожаную груду и застыл: на полу сверкала золотая монета — червонец царской чеканки.

Понятые, со все возрастающим интересом наблюдавшие за его действиями, тоже увидели ее, тихо ахнули.

Эксперт-криминалист несколько раз щелкнул фотоаппаратом, Степанов забрал монету и попросил его осмотреть нижнее отделение шкафа. Эксперт опустился на колени, заглянул в длинный ящик.

— Что там? — спросил Степанов.

Эксперт сунул внутрь руку и вынул узкую, по сечению ящика, фанерную дощечку.

— А на стенках набиты деревянные бруски,— сказал он.— За брусками еще вот столько места.— Эксперт показал на ладони, сколько там места, потом достал из чемоданчика сантиметр, измерил.

Глубина верхнего отделения оказалась на пятнадцать сантиметров больше нижнего. За брусками в нижнем находился тайник, прикрытый дощечкой из той же фанеры, которой была обшита вся внутренность шкафа. Нехитро, но вполне надежно.

Клавдия Николаевна уложила в чемодан один из костюмов, рубаху, галстук, белье, пару туфель. Степанов осмотрел и поставил в застекленный шкаф книги, числом девяносто семь томов, большей частью на английском языке. Какого рода литературу предпочитал Никитин, Степанов определить не мог, так как не знал английского.

Наконец после того, как осмотрели кухню, квартира приобрела тот вид, какой имела до кражи. Ее опечатали.

— Меня немножко смущает вот что, Клавдия Николаевна,— сказал Степанов, когда они спускались на лифте.— Ни одной фотографии.

— Они у меня,— устало ответила она.— Были у Тани, Толя почему-то не забирал, а под Новый год мне привезла. Ее теперешний, она говорит, ревнив.

— Я бы взял их у вас на время, если можно.

— Но только на время.

— Не беспокойтесь. Из вещей сына ничего не пропало?

— По-моему, все в целости.

Вышли из подъезда.

— А где его машина? — спросил Степанов.

Перед домом был разбит сквер, огороженный низким заборчиком, вдоль которого стояли в ряд автомобили. Клавдия Николаевна оглядела их и показала на бежевые «Жигули».

— Давно у него машина? — спросил он.

— Эта? Кажется, года два. Раньше был «Москвич».

При осмотре машины ничего достойного внимания не нашли. Степанов записал в блокнот показания счетчика километров на спидометре — 98 144.

Он отвез Клавдию Николаевну домой на Таганку, и она дала ему толстый конверт с фотографиями.

Продолжение следует.

ПРАВО НА ВЫБОР

Начало на стр 27.

пройдя самые разные испытания в 20, 30, 40 и 50-е годы, не поступались собственной совестью. Именно они волнуют меня. Я хотел бы проникнуть в сознание человека, который решается, несмотря ни на что, жить в соответствии со своими внутренними убеждениями. Настоящая личность ни за что не променяет свой образ мыслей и избранную им модель существования. И мне интересны именно личности, чьи поступки объяснимы главным образом движениями их собственной души. Мне кажется, что нравственность можно сохранить тогда, когда ты ничего не делаешь «поверх» себя. Поведение человека практически в любой ситуации предугадать довольно сложно, даже если кажется, что здесь ясны все причинно-следственные связи. Так, свое несогласие с существующим положением вещей, с теневыми сторонами нашей жизни мы целые десятилетия высказать не могли. Я, как и большинство, играл в так называемую молчанку. Мучился, переживал, но... А люди других генетических кодов, такие, как герой моего фильма, подобный способ существования не приемлют. Вот же в чем разница. Меня интересовали люди того поколения, к которому принадлежал Воробьев. Они ведь были совершенно иначе воспитаны, имели отличный от нашего жизненный опыт, а следовательно, иные понятия о чести и человеческом достоинстве. Шутка ли, самоубийство...

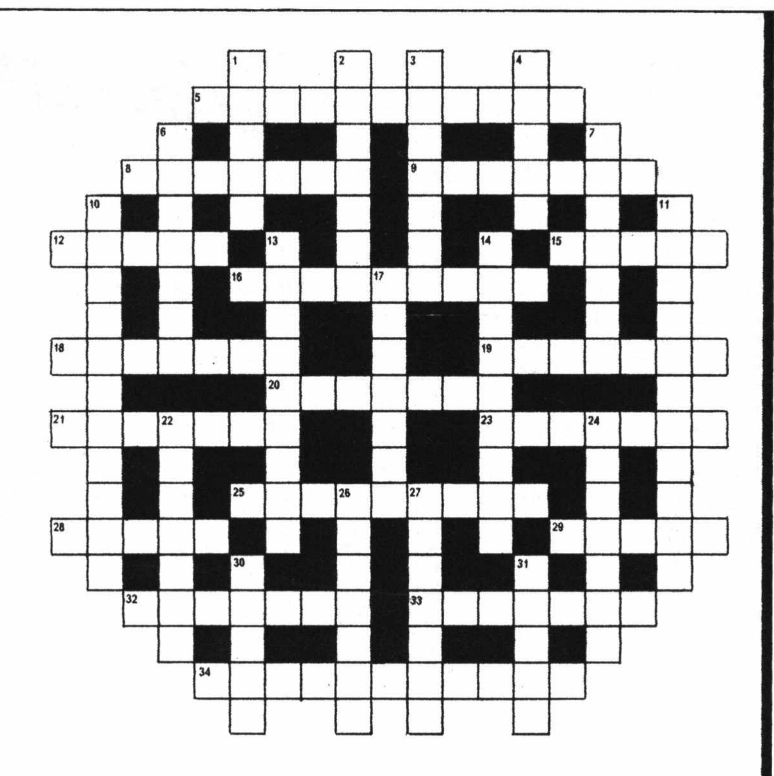
— Но воспитание, о котором вы говорите, вовсе не считало самоубийство высшим поступком. Скорее расценивалось как тяжкий грех.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Но мне, повторяю, важен импульс человека к самонаказанию, на которое способны далеко не все. И тогда этот поступок, «высший суд» над самим собой. Не случайно, кстати, герои «Полетов...» и «Талисмана», которых я очень люблю и понимаю, как таковых поступков не совершили. Но они тосковали о них! Макаров сымитировал самоубийство, Алексей — дуэль. Хотя оба они, конечно, пережили состояние собственной смерти. Связи с XIX веком — для них не пустой звук. Говоря о «Полетах...», не зря поминали Печорина. Однако про «лишних людей» принято «проходить» в школе. На самом деле все сложнее. Боже, как нас учили! Мы составляли «свое» впечатление по, вероятно, очень правильным, но чужим мнениям. Так и не успели воспитать в себе способность к независимому мышлению. И нажили комплекс вины...

Мы словно чем-то отравлены. В нас угасла способность к трезвой самооценке. Поэтому у меня ностальгия по другому типу мышления. По человеку просто доброму, порядочному. Разве этого недостаточно? Истинная интеллигентность проявляется для меня в умении помнить, когда тебе хорошо, что другому, быть может, плохо. Хотя бы предположить это.

Сейчас, может быть, как никогда, мы должны учиться нетенденциозному осмыслению исторических процессов, казалось бы, далекого прошлого. Откройте журналы: «Собачье сердце», «Котлован», собираются публиковать «Доктора Живаго». Вот она, реальная отечественная история, исполненный противоречий путь русской интеллигенции. У нас же, современных режиссеров, писателей, есть опасность ограничиться одномерной оценкой человека, его поступков и позиции. Не хотелось бы, однако, чтобы она подменяла постижение индивидуального самоосознания личности.

КРОССВОРД

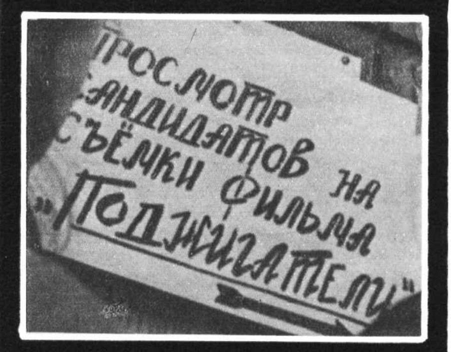
По горизонтали: 5. Роман Л. Н. Толстого. 8. Лесная птица семейства голубей. 9. Персонаж повести А. И. Куприна «Поединок». 12. Приток Иртыша. 15. Русский конструктор стрелкового оружия. 16. Птица семейства ибисов. 18. Областной центр в УССР. 19. Показательное, пробное изделие. 20. Народный поэт Кабардино-Балкарской АССР. 21. Опера Л. Бетховена. 23. Надпись в нижней части кадра фильма. 25. Русский ученый, основоположник аэродинамики. 28. Станок артиллерийского орудия. 29. Государство в Северной Европе. 32. Персонаж романа А. А. Фадеева «Разгром». 33. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 34. Летчик, Герой Советского Союза, испытавший первый советский реактивный самолет.

По вертикали: 1. Движитель ракет и реактивных самолетов. 2. Рассказ А. П. Чехова. 3. Город в Чехословакии. 4. Разворот самолета. 6. Русский исследователь Центральной Азии и Сибири. 7. Порода комнатных собак. 10. Союзная советская республика. 11. Научно-исследовательская работа для получения ученой степени. 13. Горная система в Центральной Азии. 14. Советский писатель, литературовед. 17. Советский военачальник, главный маршал артиллерии. 22. Народный артист СССР, режиссер. 24. Спутник Урана. 26. Озеро в США и Канаде. 27. Балет А. И. Хачатуряна. 30. Антилопа, обитающая в Азии. 31. Хлопчатобумажная ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 1. Заслонов. 5. Галка. 6. Места. 7. Куна. 10. Логика. 11. Грабин. 12. «Рудин». 14. Доцент. 16. Совок. 18. Пеклеванов. 19. Актер. 20. Нельма. 23. Шрифт. 26. Лекало. 27. Корунд. 28. «Окно». 29. Конев. 30. Финиш. 31. Плавание.

По вертикали: 1. Зульфия. 2. Стаккато. 3. Наманган. 4. Васюган. 8. Следователь. 9. Универсиада. 12. Рифма. 13. Непер. 14. Декан. 15. Тында. 16. Сиваш. 17. Клодт. 21. Егоровна. 22. Микрофон. 24. Гаршнеп. 25. Красное.

ОЧЕР...

Кино может все! И не пытайтесь сомневаться.

Чего желаете? Про что угодно и про кого хотите — в кино все сделают, все устроят. могут даже очередь создать, да какую!

Ах, вас этим не удивишь, каждый день мимо проходите, еще и стоите частенько? Не надо! В такой не каждый стоять имеет право. Только девушки, но не моложе четырнадцати и никак не старше восемнадцати.

Что за ерунда?

Так ведь кино! Фильм снимать на студии затеяли, «Поджигатели» называется. По радио передали.

— Кто последний?

— Если скажут — наголо подстригусь, лишь бы взяли...

— По центру не становись — он все по краям смотрит.

— У меня мама два раза снималась, папа хочет, чтобы и я тоже.

— Я с детства мечтаю...

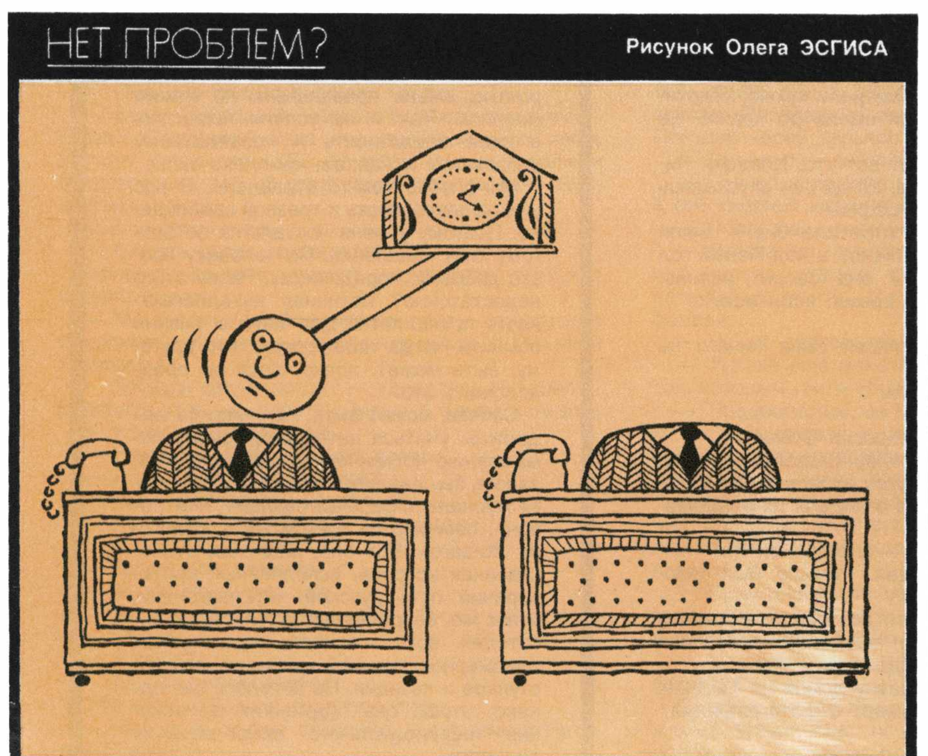
— Я тоже. Кто последний за славой?

Игорь ГАВРИЛОВ
Фото автора

НЕТ ПРОБЛЕМ?

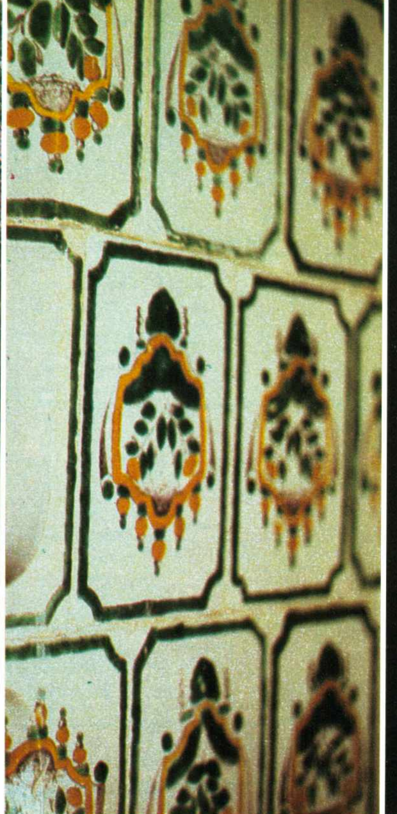
Рисунок Олега ЭСГИСА

ЕДЬ ЗА СЛАВОЙ

На Бельском тракте среди перелесков стоит бело-голубой удивительно изящный дворец, которому впору было бы украсить площадь или улицу столицы.

Однако не только и не столько необычной для российской глубинки архитектурой примечательна Хмелита. Здесь прошли детские годы Александра Сергеевича Грибоедова.

Время и тяжкие испытания пощадили стены усадьбы, но облик ее за века неузнаваемо изменился. Хмелита перестраивалась, а затем и вовсе пришла в запустение. Восстановить первоначальный вид усадьбы взялась группа реставраторов во главе с Виктором Евгеньевичем Кулаковым. Два десятилетия напряженной работы потребовалось им, чтобы воссоздать Хмелиту такой, какой ее видел юный Грибоедов.

Еще недавно так выглядели постройки усадьбы, а вскоре здесь откроется первый музей А. С. Грибоедова.

См. в номере материал «Уникальность Хмелиты».

Фото Михаила САВИНА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663